

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

№ 1 (33)

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2019

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 1 (33)

Published since 2008

Quarterly

Moscow

2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

заместитель председателя

ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В.

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

Алмазова Н.И.

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

кандидат филологических наук, доцент

Афанасьева О.В.

Беляева И.А.

Бубнова И.А.

Борботько Л.А.

ответственный секретарь

Геймбух Е.Ю.

Джанумов С.А.

Кафтанджиев Христо

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологии, почетный доктор, профессор

(Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук, доцент

Курдюмов В.А.

Матвеева И.И.

секретарь

Поршнева Е.Р.

доктор филологических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова)

Прохоров Ю.Е.

доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Радченко О.А.

доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)

Романова Г.И.

Сагаз Мицунори

Собянина В.А.

Сулейманова О.А.

Сурьянараян Нилакиши

Тарева Е.Г.

Тышковска-Каспиак Эльжбета

Черняская В.Е.

доктор филологических наук, доцент

доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологии, профессор (Делийский университет, Индия)

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологии, доцент (Вроцлавский университет, Польша)

доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Чупрына О.Г.

Языкова Н.В.

Ярыгина Е.С.

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Литературоведение

- Голубков А.В.* К вопросу о поэтике перевода во французской культуре XVII–XVIII вв.: «Слово о Гомере» А. Удара де Ла Мота 8
- Евдокимова Л.В.* О философских источниках поэтической концепции «магического слова» в книге стихов Ф. Сологуба «Чародейная чаша» (часть 1) 15
- Коришунова Е.А.* Поэтика «крымского текста» в творчестве С.Н. Дурылина 23
- Головко В.М.* Ценностные ориентиры в системе художественного миропонимания В.И. Слядневой 32
- Цзин Жуге, Монисова И.В.* О современном состоянии и истории исследований сибирской литературы в Китае 41

Русистика. Германистика. Романистика

- Ганиев Ж.В.* Риторика душевных потрясений (анализ эссе В.П. Астафьева «И прахом своим»)..... 48
- Кузина М.А.* Баланс экзотической лексики и экзотических прецедентных имен в мультикультурном романе на английском языке 56

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Погодаева С.А.* Туристический дискурс: от локализации к глокализации 64
- Чикало Н.А.* Этимологическая реконструкция лексики со значением «здоровье» в современных английском и русском языках 72
- Румак Н.Г.* К вопросу о лексикографическом описании ономатопоэтических слов японского языка 80

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Агеева Н.С.* Сайт вуза как социально востребованный жанр в виртуальном образовательном пространстве: Ноттингемский университет (Великобритания) 87

Слово молодым ученым

<i>Гартунг С.Р.</i> Корпусное исследование категоризации неискренности в коллективной когниции	93
<i>Татаурова Д.М.</i> Дискурс медиации в полилогической коммуникации	100
<i>Сахаров Ю.А.</i> Заимствование специальной лексики электромобилестроения (на примере французских текстов и их переводов на английский и русский языки)	106
<i>Аверина М.А.</i> Переписка К.В. Назарьевой как литературный факт 1880–1900 гг.	113
<i>Симкина В.С.</i> Концепция культуры потребления в прозе В. Пелевина: функция знака	119
<i>Железова О.В.</i> Возрастные инициации в повести Л.Н. Толстого «Детство»	126

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Алтатова Т.А.</i> Рецензия на сборник статей «Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И.А. Гончарова» (сост.: И.В. Смирнова, А.В. Лобкарева и др. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. 400 с.)	133
--	-----

Научная жизнь

<i>Шевченко В.Д., Борботько Л.А.</i> Память об удивительном человеке и настоящем ученом: информационно-аналитический обзор материалов Международной научной конференции «Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе» (Москва, 17–18 октября 2018 г.)	136
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование», 2019, № 1 (33)	140
--	------------

Требования к оформлению статей	146
---	------------

CONTENTS

Literary Science

- Golubkov A.V.* On Poetics of Translation in French Culture of XVII–XVIII Centuries: «Discours sur Homère»
by A. Houdar de La Motte.....8
- Evdokimova L.V.* On Philosophical Grounds of Poetic Concept «Magical Word» in F. Sologub’s Poetry Book «The Enchanting Bowl» (Part 1).....15
- Korshunova E.A.* Poetics of «Crimean Text» in S.N. Durylin’s Works23
- Golovko V.M.* Axiological Aspects of V.I. Slyadneva’s Artistic Weltanschauung32
- Jing Ruge, Monisova I.V.* Current State and History of Siberian Literature Studies in China41

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Ganiev Zh.V.* Rhetoric of Russian Soul that Survived Misfortunes of Great Patriotic War (Based on V.P. Astafiev’s Essay «And His Ashes»).....48
- Kuzina M.A.* Fine Balance between Exotic Words and Exotic Allusions in Multicultural Novels in English.....56

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Pogodaeva S.A.* Tourism Discourse: from Localization to Glocalization64
- Chikalo N.A.* Etymological Reconstruction of Vocabulary with Meaning «Health» in Modern English and Russian Languages72
- Rumak N.G.* Lexicographic Description of Japanese Onomatopoeic Words.....80

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Ageyeva N.S.* University Website as a Socially Demanded Genre in Digital Educational Space: Nottingham University, Great Britain87

Young Scientists' Platform

- Gartung S.R.* Corpus Study of Categorization of Insincerity
in Collective Cognition93
- Tataurova D.M.* Mediation Discourse in Polylogical
Communication100
- Sakharov Yu.A.* Borrowings in Specific Vocabulary
of Electric Vehicle Industry (On the Example of French Texts
and Their Translations into English and Russian).....106
- Averina M.A.* K.V. Nazaryeva's Correspondence
as a Literary Phenomenon: 1880–1900..... 113
- Simkina V.S.* Concept of Consumerism in V. Pelevin's Prose:
Function of Sign 119
- Zhelezova O.V.* Age Initiation in L.N. Tolstoy's «Childhood»126

Criticism. Reviews. Bibliography

- Alpatova T.A.* Analytical Review of VI International Conference
Proceedings Devoted to I.A. Goncharov's 205 Anniversary
(Edited by I.V. Smirnova, A.V. Lobkareva, etc. Ulyanovsk:
Technology Promotion Corporation, 2017. 400 p.)133

Scholarly Events

- Shevchenko V.D., Borbotko L.A.* In Honor of an Amazing Person
and a True Scholar: Analytical Review of the Internatoinal
Conference Proceedings «Methodology of Modern Semantic Studies:
Prospects and Development» (Moscow, October 17–18, 2018)..... 136

Authors of «Vestnik of Moscow City University», Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education», 2019, № 1 (33).....143

Style Sheet146

А.В. Голубков

К вопросу о поэтике перевода во французской культуре XVII–XVIII вв.: «Слово о Гомере» А. Удара де Ла Мота

Статья посвящена поэтике перевода во французской культуре, основания которой были заложены гуманистом Э. Доле в XVI в. Автор объясняет необходимость намеренного искажения оригинала. Деформация и актуализация оказываются способом передачи смысла первоисточника; создание нового текста с прежним названием — прагматически обусловленным средством выразительности, утвердившимся в галантной культуре.

Ключевые слова: А. Удар де Ла Мот; поэтика перевода; Гомер; Франция; галантная культура.

Систематическая рефлексия о проблеме перевода во французском интеллектуальном пространстве наблюдается в период Возрождения, когда, по замечанию Н.В. Даниловой, спор о роли переводчика во многом способствовал развитию национального языка [5: с. 193]. Одним из первых обстоятельных трактатов по указанной проблематике стала книга «Способ доброго перевода с одного языка на другой» («La Manière de bien traduire d'une langue en autre», 1540) известного гуманиста Этьена Доле, которого современные исследователи нередко называют величайшим теоретиком перевода [7: р. 6]. Пять правил переводчика, выдвинутых Доле (идеально понимать смысл исходного текста, прекрасно знать оба языка, избегать автоматизма конструкций «чужого» языка, искать преимущественно слова и выражения в своем языке, услаждать не только душу, но и ухо читателя), позволяют сделать вывод о том, что в середине XVI в. уже отчетливо концептуализировалась идея о том, что у перевода может и должна быть своя поэтика.

Парадоксальная гипертрофия третьего и четвертого правил Доле в практиках XVI и XVII вв. спровоцировала концептуализацию модели перевода, состоящей в сознательном *искажении* оригинала, его анахронистическую

актуализацию и превращение в факт собственной культуры. Такая стратегия переводческой *адаптации* первоисточника — фактически его уничтожения и воссоздания в инокультурной среде по новым законам — становится основным элементом французского классического стиля, что и позволило французскому ученому Р. Зюберу назвать указанный период эпохой прекрасных неверных переводов (подробнее см.: [4, 10]). Одним из самых ярких примеров такой стратегии стал поэтический перевод гомеровской «Илиады», выполненный в 1714 г. Антуаном Ударом де ла Мотом на основе довольно смягченного по сравнению с оригиналом прозаического перевода, выпущенного Анной Дасье тремя годами ранее.

Имя Антуана Удара де Ла Мота (1672–1731) практически неизвестно нынешней публике, в равной степени французской и отечественной, в то же время его творчество — либретто, комедии и в особенности трагедия «Инес де Кастро» (1723), в основу которой положен испанский сюжет, — пользовалось весьма широкой популярностью у современников. Для последующих поколений Ла Мот остался в памяти благодаря переводу «Илиады», небольшому трактату «Слово о Гомере» («Discours sur Homère», 1713), посвященному Людовику XIV, а также фрагменту из написанной в честь Б. де Фонтенеля оды «Состязание», который по сей день цитируется, когда спорят о «древних» и «новых»:

Не преисполнен я почтенья
К далеким предкам, лжебогам.
В нас тот же светоч разуменья,
Дар песен свойственен и нам.
Ужели в осмысленье неком
К одним лишь римлянам и грекам
Была щедра природа-мать,
А остальным земным народам
Она, как пасынкам-уродам,
Во всем решила отказать [3: с. 452].

Будучи, как явствует из пафоса приведенного стихотворения, безусловным приверженцем «новых», Ла Мот, как думается, довел их эстетическую программу до гротеска, при этом воспринимал свои воззрения совершенно серьезно. Несмотря на то что перевод Дасье уже был весьма «вычищен», Удар де ла Мот стремится к его абсолютной стерильности. Он концептуализирует в своем предваряющем основной текст «Слове о Гомере» методологию перевода, которая исходит из уничтожения оригинала и воссоздания на его руинах симулякра, по возможности имеющего минимальное сходство с исходником. Для кристаллизации такой стратегии было необходимо отчетливое понимание директории исторической эволюции, прогресса, при котором сокровенное своеобразие «чужих» культур не игнорируется, но преодолевается. По мнению Удара де ла Мота, «Илиада» — отражение своей эпохи, со всем присущим ей варварством и дикостью, а поэтому нравиться она могла только тем, кто

не отличался утонченным вкусом. В таком случае знакомить современного читателя с «подлинным» текстом нельзя, ибо он может вызвать лишь отвращение и тем самым погубить репутацию Гомера. Сам же Гомер, по его мнению, неизбежно находился в плену господствующих предрассудков и вкусов и потому сложил произведение, которое было рассчитано на успех (вспомним пятое правило Доле) у окружавшей его необразованной публики: «Гомер следовал понятиям своего времени и судил о вещах так же, как его слушатели. У него, наверное, не было достаточной силы духа, чтобы возвыситься до более правильных понятий <...>. Как только нравственные понятия прояснились, как только появились философы, Гомера начали критиковать; и, хотя слава его не померкла, это объясняется не истинностью его суждений, а лишь предрассудком, основанным на рукоплесканиях, которые по большей части являют собой не что иное, как отдаленное эхо первоначального успеха» [1: с. 363].

Именно современная переводчику публика оказывается носителем нормы, и Удар де ла Мот стремится «не покоробить читателей, проникнутых совсем иными нравами и склонных находить дурным все, что не согласуется с ними» [1: с. 372]. Удар де ла Мот представляет анализ поэмы Гомера с точки зрения светского «вежества», последовательно перечисляя бросающиеся в глаза недостатки, касающиеся в основном отклонений от благопристойности как в следовании неправильным понятиям, так и, что особенно важно, в дефектах оформления текста. Довольно подробно Удар де ла Мот останавливается на повторах, вредящих впечатлению: «Мне кажется, здесь уместно остановиться на повторениях у Гомера, ибо этот недостаток не только дает себя знать везде — как в описаниях, сравнениях и речах, так и в повествовательных отрывках, но и присущ поэме в целом, рассматриваемой как рассказ об одном событии» [1: с. 351]. Риторика Гомера в целом оценивается Ударом де ла Мотом неудовлетворительно: поэма монотонна и скучна, действие затянуто, отягощено множественными повторами, не представляющими никакого интереса. Эпическая ретардация не воспринимается как специфический прием, она оценивается резко негативно, ибо, с точки зрения Удара де ла Мота, Гомер *не умеет вести разговор и следить за реакцией слушателя, льстя ему*: «Гомер вводит и связывает речи столь беспомощно и однообразно, что это даже вредит впечатлению, которое они производят. Всегда одно и то же <...>, и вдобавок, называя тех, кто говорит, Гомер <...> прибавляет к их именам длинные эпитеты, уже тысячу раз повторенные и часто не имеющие никакого отношения ни к поступку, ни к душевному состоянию героя. Иногда он называет доблестным того, кто произносит трусливую речь, иногда — разумным того, кто говорит неосмотрительно» [1: с. 355].

В итоге Удар де ла Мот в своем переводе создает античный мир исключительно как отражение собственной эпохи в греческих декорациях, облагораживая при этом как содержание, так и форму; он осознает данный принцип, концептуализируя создание симулякра в качестве основной задачи переводчика:

«Переводя “Илиаду” в стихах, я ставил себе целью дать публике французскую поэму, которая читалась бы, и полагал, что могу достигнуть этой цели только в том случае, если поэма будет короткой, интересной и свободной по крайней мере от больших недостатков <...>. Я часто позволял себе большую смелость; выпускал целые книги, изменял порядок событий и даже осмелился измышлять некоторые эпизоды <...>. Я сократил количество книг в “Илиаде” с двадцати четырех до двенадцати, и они у меня гораздо короче, чем у Гомера. <...> Я думаю, что в моем сокращенном переводе они [важнейшие части действия] образуют более правильное и более впечатляющее целое, нежели у Гомера» [1: с. 372]. Цель перевода оказывается в том, чтобы познакомить любителя литературы с читабельным текстом, достойным его, в котором отсутствуют места, оскорбительные для его сложившегося в данный момент времени вкуса; при этом, очевидно, «очищая» исходный текст, переводчик улучшал образ автора в глазах публики. Происходит сознательная нейтрализация первоисточника, из которого изгоняются не только низкие выражения, но и все своеобычное, что культивированным обществом XVII в., приписавшим себе качества носителя экспертного знания, было воспринято как стилистический или смысловой дефект.

Вспомним, что в XVII в. и древние языки, и итальянский язык теряют свое превосходство над французским, вот как констатирует новое положение вещей Доминик Бугур, один из теоретиков языка: «Французский язык сродни восхитительным рекам, которые придают шарм тем местам, где протекают» [2: р. 44]. Удар де ла Мот полностью убрал избыточные подробностями яркие описания ран, речи воинов и перебранки богов, которые не укладывались в нормы благопристойности; в стилистическом отношении модификации еще более заметны — убраны повторы и инверсии, значительно сокращены периоды, «подменены понятия, принятые в век Гомера, понятиями, принятыми ныне» [1: с. 372]. Так, значительно сглажены ссоры, в том числе взаимные оскорбления Ахилла и Агамемнона; в описании конфликтов Зевса и Геры полностью исключены упоминания о физическом насилии, побоях. Удар де ла Мот, заботясь о том, чтобы поэма была интересной, начисто убирает все предвестия и пророчества, описывающие грядущие события у Гомера, конструируя свое повествование вполне по принципу «волнительного ожидания», изначальной непредрежденности сюжета. Установка Удара де ла Мота «выразить различные обстоятельства так, чтобы, говоря, в сущности, то же, что Гомер, представить их, однако, в иной форме, сообразно со вкусами нашего века» [1: с. 372], свидетельствует о том, что исходное произведение оказывается, таким образом, лишь наброском, окончательный вариант которого должен сотворить переводчик. Скрупулезность и тщательность в передаче точного значения (как это будет наблюдаться в более семантически точном переводе Анны Дасье, раскритикованном Ударом де ла Мотом) становится глобальной стилистической ошибкой, изъяном изначальной установки переводчика, который утомляет

светского слушателя, а не доставляет ему удовольствие. Светская манера переложения оказывается попыткой слиться с произведением, показать его эффективность и возможность усвоения в современных переводчику условиях, в отличие от переводов «педантов», навязчиво демонстрирующих собственную эрудицию и воспринимающих древний текст как самоценный объект.

Методическая *деформация* в соответствии с прагматическим расчетом читательских вкусов и предпочтений свидетельствует об утверждении идеи ситуационной, а не объективной истины (истинным является то, что соответствует вкусам публики); и именно такое понимание смысла неизбежно принимали в качестве правил игры переводчики, предназначая свои труды подобным себе светским остроумцам. Удар де ла Мот напрямую заявляет Анне Дасье, что задача переводчика — исправить неверные суждения переводимого им автора, согласуясь с нормой, разделяемой тем сообществом, которому он принадлежит: «Гомер подчас так неправильно думает и говорит, что и переводчик-прозаик при всем желании быть точным часто вынужден исправлять его во многих местах» [1: с. 370–371].

В действительности Удар де Ла Мот ориентируется на модель светской беседы, основанной на принципе благопристойности, усматривая главную задачу не в буквальной передаче информации, но в ее сознательном искажении по законам идеальной формы согласно ожиданиям читающей публики. В условиях почти безграничного господства в XVII в. аудированного типа чтения (т. е. вслух) и неразвитости артикулированного (т. е. про себя, внутреннего [8, 9]) знакомство с античным текстом, тем более публичное, неизбежно превращалось в акт прямой коммуникации и было сродни беседе. Игнорирование правил такой беседы могло привести к нарушению «коммуникационной культуры нации» [6: с. 16], в силу этого переводчику неизбежно приходилось подправлять произведение, превращая текст в реплику диалога, которую мог бы произнести античный (или любой другой инокультурный) автор, оказавшись в передовом французском обществе в качестве достойного и равноправного собеседника. Выполненный в соответствии с моделью светского «вежества» перевод «Илиады» и сама переводческая стратегия, которой придерживался Удар де Ла Мот и которая с подачи Р. Зюбера получила название «прекрасные неверные», в условиях современного понимания истины могут представлять лишь археологический интерес.

Библиографический список

Источники

1. *Удар де Ла Мот А.* Слово о Гомере // Спор о древних и новых. М.: Искусство, 1985. С. 335–378.
2. *Bouhours D.* Les entretiens d'Eugène et d'Ariste. Paris: A. Colin, 1962. XII-268 p.

Литература

3. Бахмутский В.Я., Наумов Н.В. Комментарий // Спор о древних и новых. М.: Искусство, 1985. С. 423–461.
4. Голубков А.В. «Прекрасная неверная»: Французский классический стиль и античная классика в XVII–XVIII вв. (к постановке проблемы) // Новое литературное обозрение. 2008. № 6. С. 50–61.
5. Данилова Н.В. Спор о роли переводчика в развитии национального языка во Франции XVI в.: история освещения полемики в России // Из истории переводческой мысли. М.: РГГУ, 2013. С. 193–212.
6. Седых А.П. Национальная литература и коммуникационная культура нации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 16–20.
7. Cary E. Les grands traducteurs français. Genève: Georg, 1963. 133 p.
8. Chartier R. Lectures et lecteurs dans la France d'ancien régime. Paris: Seuil, 1987. 369 p.
9. Salazar J.-M. Le Culte de la voix au XVIIe siècle. Formes esthétiques de la parole à l'âge de l'imprimé. Paris, Genève: Champion, 1995. 400 p.
10. Zuber R. Les «Belles Infidèles» et la formation du goût classique: Perrot d'Ablancourt et Guez de Balzac. Paris: A. Colin, 1968. 501 p.

References*Istochniki*

1. *Udar de La Mot A.* Slovo o Gomere // Spor o drevnix i novy'x. M.: Iskusstvo, 1985. S. 335–378.
2. *Bouhours D.* Les entretiens d'Eugène et d'Ariste. Paris: A. Colin, 1962. XII-268 p.

Literatura

3. *Baxmutskij V.Ya., Naumov N.V.* Kommentarij // Spor o drevnix i novy'x. M.: Iskusstvo, 1985. S. 423–461.
4. *Golubkov A.V.* «Prekrasnaya nevernaya»: Franczuzskij klassicheskiy stil' i antičhnaya klassika v XVII–XVIII vv. (k postanovke problemy') // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 6. S. 50–61.
5. *Danilova N.V.* Spor o roli perevodchika v razvitii nacional'nogo yazy'ka vo Francii XVI v.: istoriya osveshheniya polemiki v Rossii // Iz istorii perevodcheskoj my'sli. M.: RGGU, 2013. S. 193–212.
6. *Sedy'x A.P.* Nacional'naya literatura i kommunikacionnaya kul'tura nacji // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 16–20.
7. *Cary E.* Les grands traducteurs français. Genève: Georg, 1963. 133 p.
8. *Chartier R.* Lectures et lecteurs dans la France d'ancien régime. Paris: Seuil, 1987. 369 p.
9. *Salazar J.-M.* Le Culte de la voix au XVIIe siècle. Formes esthétiques de la parole à l'âge de l'imprimé. Paris, Genève: Champion, 1995. 400 p.
10. *Zuber R.* Les «Belles Infidèles» et la formation du goût classique: Perrot d'Ablancourt et Guez de Balzac. Paris: A. Colin, 1968. 501 p.

A. V. Golubkov

**On «Poetics of Translation» in French Culture of XVII–XVIII Centuries:
«Discours sur Homère» by A. Houdar de La Motte**

The article regards the «poetics of translation» in French culture developed after the works of the humanist E. Dole in the 16th century. Deformation and actualization of the source are the ways to convey the meaning of the original literary work, thus, the creation of a new text with the ancient name is the pragmatically conditioned means of emphasis in the gallant culture.

Keywords: A. Houdar de La Motte; the poetics of translation; Homer; France; gallant culture.

УДК 821.161.1-1

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.02

Л.В. Евдокимова

О философских источниках поэтической концепции «магического слова» в книге стихов Ф. Сологуба «Чародейная чаша»

В статье показано, что возможным источником поэтической концепции «магического слова» могло стать философское учение о «мифически-магическом» имени, формировавшееся в 1920-е гг. Автор рассматривает корреляцию альтернативных истолкований действенной силы фольклорного заговора, на которые указывает Ф. Сологуб в примечаниях к книге, и философских идей П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева о мощи слова. Определяет методологическую основу онтологического анализа стихотворений книги.

Ключевые слова: фольклорный заговор; П.А. Флоренский; А.Ф. Лосев; философия имени; эйдос.

Часть 1

В книге стихов «Чародейная чаша» (1922) Ф. Сологуб творчески переосмысливает компоненты поэтики фольклорного заговора с целью выразить духовный мир лирического героя, акцентировать результаты своего творческого пути. Традиция фольклорного заговора в сологубовской книге уже стала объектом внимания литературоведов [6; 7: с. 124–136]. Между тем назрела необходимость рассмотреть в широком культурном контексте значимые для поэтической концепции книги альтернативные интерпретации заговора, изложенные в цитатах из работы Н. Крушевского «Заговоры, как вид русской народной поэзии» (1876) и помещенные Сологубом в примечаниях к отдельным стихотворениям.

В качестве примечания к первому стихотворению «Нет словам переговора...» Сологуб прилагает следующий фрагмент из труда фольклориста: «В конце почти всякого заговора стоит часть, которую можно было бы назвать закреплением <...> Здесь, кажется, сам народ засвидетельствовал, что силу заговора он видит именно в слове» [2: с. 45; 8: с. 29]. Но уже к третьему стихотворению «Чародейный плат...» следует прямо противоположное по смыслу примечание: «Крушевский в упомянутой выше книге говорит, что в заговорах часто встречаются формулы в таком роде: “не я говорю, не я выговариваю, — выговаривает, отговаривает сама Божья матушка”. “Сила заговора здесь

основывается на авторитете божества» [2: с. 46; 8: с. 30]. «Двоеверие» заговора, неопределенность в объяснении прагматических задач и онтологии заговора, сложность дефиниции этого фольклорного жанра, похоже, осознавались Сологубом и послужили отправной точкой для размышлений о свободе и закономерностях поэтического творчества, материалом для выражения неоднозначных представлений поэта-символиста о слове и его отношении к земной действительности и чистой сущности.

Полагаем, что следует учесть еще один интерпретационный подход, отвечающий необходимости мотивировать наличие в «Чародейной чаше» парадигмы стихотворений, в которых отсутствуют элементы поэтики фольклорного заговора. В таких случаях идея «магического слова», понимаемая довольно широко, обнаруживает родство с философскими учениями П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева. Действительно, художественная литература, включая ее современный этап, нередко обращается к философии как к источнику актуальных идей и образов [9].

Но если Флоренский анализирует слово естественного языка, производимое разумным существом, как взаимное прорастание феноменального и ноуменального начал, как самостоятельный «живой организм, имеющий свою структуру и свои энергии» [3: с. 249], делает акцент на материализации «благодатных или оккультных сил» в слове [4: с. 162], то Лосев рассматривает слово в перспективе Божественных энергий, неотделимых от Первосущности. Таким образом, представления о «магичности» слова в трудах Флоренского и Лосева в целом созвучны обозначенным ранее концепциям заговора: «сила слова» и «авторитет божества». Возможное влияние философской теории слова Флоренского на стихотворение книги «В камине пылания много...» уже рассматривалось нами [6: с. 185]. Но в целом позиция автора «Чародейной чаши» ближе философскому учению Лосева: онтологический статус поэтического слова в сологубовских стихотворениях может быть объяснен его «энергийным» именем в лосевском понимании.

В отличие от Лосева Флоренский был сосредоточен на доказательствах исключительной магической мощи личных имен, сущность которых определяет векторы духовного становления их носителей и которые одновременно имеют значение социального императива. В Божьем Имени человек соприкасается с Божественными энергиями и обретает Божественную помощь. Философ подчеркивал значимость личного имени и для народных магических представлений [4: с. 164].

По мысли А.Ф. Лосева, имя, имеющее власть создавать и изменять мир, отличается высочайшей степенью бытийности, являет собой воплощение «энергийных» эманаций предметной сущности — смысла, который способно воспринять «инобытийное» для сущности, тварное сознание. Однако необходимо учитывать специфику лосевского термина «имя». «Фонематическая структура» имени, согласно Лосеву, максимально отдалена от сущности. «Энергийное» имя, как скрепа между сущностью и словом, может быть лишь

интерпретировано субъектом речи в соответствии с уровнем доступности ему сущностной энергии, и тогда оно становится понимаемым смыслом, личностным символом. Даже имена неодушевленных вещей являются показателем степени одухотворенности личного сознания, т. е. интеллигенции. Поэтому представление в качестве символа физических явлений не должно нас смущать, поскольку в концепции Лосева физическая вещь — потенциальное слово, внутренне не оформленное и не осмысленное. Но в нем присутствует в качестве опоры природа истинного имени [1: с. 657]. Следовательно, «энергийное» имя характеризует предмет «в смысле одушевления», поэтому такое имя всегда выражает личность, «ее степень и модификацию» [1: с. 819–921]. «Энергийное» имя образует с коррелируемым словом естественного языка самодостаточный организм, представляющий разные уровни и аспекты воплощенной предметной сущности. Постулирование того, что «энергийное» имя обуславливает смысловые процессы в «инобытии» (человеческом сознании и естественном языке), подводит Лосева к выводу о «магической» природе имени. Развивая идеи Флоренского, философ использовал проблематичное определение «магический» применительно к имени как к орудию взаимного личностного общения человека и сущностных энергий, как к инструменту, устанавливающему отношения подобия между бытием (смыслом) и его «меоном» (не-бытием, материей). Лосев утверждал, что слово естественного языка сохраняет, несмотря на возможное искажение «меоном», все онтологические уровни определения воплощенной предметной сущности (имени), но остается изолированным: субъект в своем слове знает только себя и не знает другое (воплощенную энергию). И только в «мифически-магическом» имени тварная личность знает другое как себя и может направлять ход личностного общения в смысловой сфере: «субъект общения, будучи энергийно-оформлен, начинает сам самостоятельно пользоваться этой энергией, активно воплощая ее на себе и на других вещах, целиком, частично, адекватно или искаженно. Но это и значит, что субъект общения знает имя объекта общения» [1: с. 763]. По имени можно судить о близости или отдаленности субъекта от личностного коммуникационного стержня бытия, связующего человека и Абсолют.

По мнению Лосева, все другие виды магии, под которыми философ понимает и становление живых организмов, и диалог на естественном языке, «существуют лишь как та или иная степень мифически-магического имени» [1: с. 738]. «Энергийное» имя становится смысловым источником развития и преобразования воплощенной предметной сущности в «инобытии»: «Магия ведь и есть не что иное, как изменение бытия силою одного слова, преображение и самосоздание вещей неведущей энергией одних имен. Знать правильные имена вещей значит уметь владеть вещами. Уметь владеть именами значит мыслить и действовать магически» [1: с. 832].

В книге стихов «Чародейная чаша» лирическая ситуация, сюжетное развитие и (или) символическая образность ряда стихотворений основаны

на трансформации онтологической структуры имени, которое повышает свой бытийный статус, подтверждая тем самым божественный «авторитет» поэтического слова, способного влиять на судьбы человека и мира. В таких стихотворениях смысл слова определяется его соотношением с областью абсолютного, что соответствует и эстетическим установкам мифопоэтического символизма [10: с. 97–99]. Нередко в содержании подобных текстов на первый план выходит мотив *встречи, контакта* лирического субъекта с божеством. Божественные образы становятся показателем разной степени воплощенности энергией сущности, их бытийной чистоты в материальном «инобытии». В этих случаях тематический компонент онтологизируется, становится символом сущностного компонента слова, определяемого нами через обращение к разработанной А.Ф. Лосевым в «Философии имени» (1923) онтологической лестницы имени (слова), которая представляет разные уровни «разумеваемой сущности» — разную степень осмысления имени. Предложенный философом онтологический анализ, во-первых, нацелен на исследование «энергийного» имени «сверху» — со стороны предметной сущности (в диалектико-динамическом аспекте внешней явленности; в «для-себя-бытии»; «меонально» выраженной и (или) определенной). Во-вторых, привлекается анализ имени «снизу» — с позиции «меонального» слова в модусе осмысления: фонема, совокупность словарных значений слова, этимологическое значение, смысл слова в контексте и др. [1: с. 735–737, 740–742].

В «Чародейной чаше» выделяется парадигма стихотворений, подтверждающая мысль Лосева о том, что даже отдельный момент сущности (другими словами, единичный уровень структуры имени) может стать основой для художественно-выразительной конструкции («Назвать, вот этот цвет лиловый...», «В камине пылания много...», «Как ярко возникает день...» и др.). Объем статьи позволяет подтвердить нашу позицию исследованием одного стихотворения из данного ряда — «Мне боги праведные дали...». В предлагаемом далее анализе учтено, что имя в лосевской философии, вследствие своей интерпретативно-коммуникативной природы, имеет характер процессуального акта и поэтому может быть синонимично цельному языковому высказыванию (предложению или тексту) [5: с. 334].

Онтологический анализ стихотворения показывает, что осуществление творческих задач и рождение новаторского поэтического слова предполагает высокую степень явленности предметной сущности, или, выражаясь избранной Сологубом цитатой, «авторитет божества». Лирический сюжет, мотивы и образы стихотворения «Мне боги праведные дали...» интерпретируются на основе философского учения А.Ф. Лосева о диалектических процессах в предметной сущности имени, которая есть основа бытийных качеств и судеб произносимого слова [1: с. 682]. Идея явленности сущности раскрывается как процесс обретения лирическим героем божественного дара: «Мне боги праведные дали, / Сойдя с лазоревых высот, / И утомительные дали, / И мед укрепный

дольных сот» [2: с. 29]. Полагаем, образ сошедших с небес «праведных» богов — символ множественных в тварном мире энергем сущности. Конечно, такой образ противоречит строгим патристическим и философским выкладкам. Философия имяславия радикально противопоставляет учение о нетварных Божественных энергиях политеизму, для которого боги — воплощенность самой сущности [1: с. 739]. Однако эпитет «праведные», означающий «благочестивые, соответствующие религиозным правилам», указывает на некую зависимость сологубовского образа «богов» от высшего порядка.

Симптоматично, что Дж. Холлис, последователь учения К.Г. Юнга, рассматривая архетипы с онтологических позиций, дифференцирует идолопоклонство и представления о «богах» как ускользающих образах встречи нашего сознания с таинством Божественного мира. Парадоксально, но современный психоаналитик сближается со средневековым богословием, доказывая на иной методологической основе, что вследствие ограниченности человеческого восприятия Бог может быть постигаем через символы. Существенное отличие от патристических трудов заключается в том, что для Холлиса формы божественных образов обусловлены и ограничены определенными архетипами. Исследователь утверждает, что образы богов в снах, поэзии — «персонафицированные метафоры» первичных таинственных энергий, символические проявления «этого непостижимого и вместе с тем постоянно обновляющегося источника, из которого все мы появились» [11: с. 16–18]. По мысли Холлиса, образы Бога, воспринимаемые сознанием, не тождественны Абсолюту, но каждый «такой образ наполнен и управляется исходящей от Бога энергией» [11: с. 97]. Полагаем, образность сологубовского стихотворения также основана на связи архетипов и онтологических структур языка. «Мне боги праведные дали...» допустимо рассматривать как попытку интерпретации поэтическим языком эйдетического смысла, который изначально имеет божественный дар, полученный лирическим героем.

В настоящем исследовании учтено, что в философских трудах Лосева, в том числе и в ранней «Философии имени» (1923), эйдос имеет узкое и широкое значение. С одной стороны, предметная сущность являет себя в эйдосе [1: с. 701], который занимает особое место в именной лестнице как момент смыслового оформления, обрисовки контура явленного смысла [1: с. 683]. Явиться в человеческом сознании, естественном языке («инобытии» для эйдоса) может только расчлененный образ эйдоса [1: с. 702]. С другой стороны, эйдос определяется философом как «единое координированно-раздельное целое» предметной сущности [1: с. 684]. Это «иное» внутри самой сущности, понимаемое как потенциал смысловой неустойчивости и неопределенности, как единство сущего и не-сущего. Соответственно все уровни именной лестницы, образующие смысловое единство, суть эйдетические категории, формулы, представляющие различные уровни взаимоопределения сущности и «меона» [1: с. 750–754]. В результате эйдетический момент имени в онтологической

структуре языка разрастается до концепции априорного эйдетического языка, который, собственно, и состоит из имен как энергичных скреп. Эйдетический язык отличается от естественного языка высоким онтологическим статусом, нерасчлененным смысловым единством. Поэтому естественный язык может предложить одностороннюю, «непрямую» интерпретацию чистого смысла эйдетического языка [5: с. 302–415]. Характерно, что в стихотворении Сологуба одним из главных условий приобщения лирического субъекта к божественному дару является контакт с *молчанием*, которое допустимо истолковать как поэтический образ априорного языка: «Когда в полях томление спело, / На нивах жизни всхожий знак, / Мне песню медленную спело / Молчанье, сеющее мак» [2: с. 29].

В учении Лосева естественный язык обнаруживает сходство с эйдетическим своими универсальными показателями, в частности способностью запечатлевать процессуально-энергетический смысловой и коммуникативный посыл в зафиксированной форме [5: с. 323–324]. Лексика, семантика, грамматика, синтаксис естественных языков — усеченные «меональные» формы воплощения априорных смыслов [5: с. 322]. Развертывание лирической ситуации стихотворения могло бы послужить иллюстрацией представлений Лосева об отсутствии у естественного языка прямой референции чувственного мира [1: с. 750–751; 5: с. 371]. «Как бы ни мыслил я мира и жизни, они всегда для меня — миф и имя» [1: с. 772], — писал философ о приоритете идеального над чувственной реальностью. В сологубовском стихотворении, воссоздающем внутреннее становление лирического героя как субъекта мысли, эмпирические детали лирического сюжета также выражают смысловое единство — «смысловую изваянность» сущности, неотделимую от самой сущности, но отличную от нее [1: с. 751–752].

Согласно Лосеву, предназначение искусства — воспроизводить эйдос «эйдетически-выражающе», запечатлевая различные уровни, которые обнаруживаются в процессе его соотношения с «инобытийной» средой, т. е. по ходу претворения эйдоса в символ — собственно языковое явление. «Мне боги праведные дали...» выделяется на фоне других стихотворений «Чародейной чаши» тем, что здесь смысловая картина последовательно воспроизводит разные степени целостности эйдоса, которые просматриваются в образно-символической системе.

В созерцательно-статическом аспекте каждая часть эйдоса, явленная в «инобытии», есть нечто внешнее по отношению к целому эйдоса [1: с. 684–686]. Согласно Лосеву, неразрывно связанные «инобытийные» части и единство эйдетического целого соотносимы со сложной диалектикой внешнего и внутреннего сущности: «Тут каждую часть, чтобы воспринять ее именно как часть целого, мы должны брать в свете целого с примышлением целого; каждая часть, взятая сама по себе, помимо целого, есть нечто совершенно бессмысленное с точки зрения целого. И вот мысль эту часть как внешнее выражение целого, целого,

данного везде в своих частях и в то же время нигде, так что оно — нечто более внутреннее и таинственное, чем части, и само не есть эти части, но только в них является, — мысля так, мы действительно мыслим нечто явленное, выраженное, явившееся, и тут перед нами ясная антитеза внутреннего и внешнего, хотя в то же время — и это — диалектическая необходимость — также и полное тождество этого внутреннего и этого внешнего» [1: с. 684–685].

В земном пространстве стихотворения «Мне боги праведные дали...» божественный дар сразу проявляется как образ разъятой цельности: это «утомительные дали» и «мед укрепный дольных сот» [2: с. 29]. Далее мотив дара развивает свои смыслы в соответствии с динамикой лосевского эйдоса в созерцательно-статическом аспекте, точнее, в соответствии с разными онтологическими ступенями эйдоса, определяемыми степенью сосредоточенности в слове апофатического момента [1: с. 696]. Данное утверждение будет доказано через анализ сюжета стихотворения как смыслового развития.

Продолжение следует

Библиографический список

Источники

1. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
2. Сологуб Ф. Чародейная чаша. Пб.: Эпоха, 1922. 47 с.
3. Флоренский П.А. Магичность слова // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (1). С. 230–254.
4. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма (философия народов) // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (2). С. 145–168.

Литература

5. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
6. Евдокимова Л.В. Поэтика фольклорного заговора в книге стихов Ф. Сологуба «Чародейная чаша» // Гуманитарные исследования. 2009. № 2. С. 174–194.
7. Коровашко А.В. Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2009. 364 с.
8. Крушевский Н. Заговоры, как вид русской народной поэзии // Варшавские Университетские известия. 1876. № 3. С. 3–69.
9. Смирнова А.И., Симкина В.С. Философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3. С. 35–42.
10. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
11. Холлис Дж. Мифологемы: Воплощения невидимого мира. М.: Класс, 2010. 184 с.

References

Istochniki

1. *Losev A.F.* By'tie – imya – kosmos. M.: My'sl', 1993. 958 s.
2. *Sologub F.* Charodejnaya chasha. Pb.: E'poxa, 1922. 47 s.
3. *Florenskij P.A.* Magichnost' slova // Soch.: v 4 t. M.: My'sl', 2000. T. 3 (1). S. 230–254.
4. *Florenskij P.A.* Obshhechelovecheskie korni idealizma (filosofiya narodov) // Soch.: v 4 t. M.: My'sl', 1999. T. 3 (2). S. 145–168.

Literatura

5. *Gogotishvili L.A.* Nepryamoe govorenie. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2006. 720 s.
6. *Evdokimova L.V.* Poe'tika fol'klornogo zagovora v knige stixov F. Sologuba «Charodejnaya chasha» // Gumanitarny'e issledovaniya. 2009. № 2. S. 174–194.
7. *Korovashko A.V.* Zagovory' i zaklinaniya v russkoj literature XIX–XX vekov. M.: Izd-vo Kulaginoj – Intrada, 2009. 364 s.
8. *Krushevskij N.* Zagovory', kak vid russkoj narodnoj poe'zii // Varshavskie Universitetskie izvestiya. 1876. № 3. S. 3–69.
9. *Smirnova A.I., Simkina V.S.* Filosofskie intencii v romane V. Pelevina «Svyashhen-naya kniga oborotnaya» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 3. S. 35–42.
10. *Xanzen-Lyove A.* Russkij simvolizm. Sistema poe'ticheskix motivov. Mifopoe'ticheskij simvolizm. Kosmicheskaya simvolika. SPb.: Akademicheskij proekt, 2003. 816 s.
11. *Xollis Dzh.* Mifologemy': Voploshheniya nevidimogo mira. M.: Klass, 2010. 184 s.

L.V. Evdokimova

On Philosophical Grounds of Poetic Concept «Magical Word» in F. Sologub's Poetry Book «The Enchanting Bowl»

The article reveals a possible ground of the poetic concept of «magical word» that is a philosophical doctrine of the «mythical-magical» name, formed in the 1920s. The article first deals with the correlation of alternative interpretations of effective force of folklore verbal charms (zagovor), indicated by F. Sologub in the notes to the book, and the philosophical ideas of P.A. Florensky's and A.F. Losev's concerning the power of words. Then the focus is on the methodological basis of the ontological analysis of the poems.

Keywords: folklore verbal charm; P.A. Florensky; A.F. Losev; philosophy of name; eidos.

УДК 821.161.1.94

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.03

Е.А. Коршунова

Поэтика «крымского текста» в творчестве С.Н. Дурылина

В статье исследуется поэтика «крымского текста» в мемуарной книге «В своем углу» (1924–1939) С.Н. Дурылина, который вслед за М.А. Волошиным и К.Ф. Богаевским, изображает трагический облик Крыма. Мотивы эроса и танатоса в их постсимволистском преломлении, иконичные лики крымской земли образуют единство дурылинского текста. В статье впервые публикуется письмо С.Н. Дурылина к И.А. Комиссаровой от 06.06.1926 г., написанное в Коктебеле.

Ключевые слова: «крымский текст»; эрос; танатос; постсимволизм; иконичность.

Творчество С.Н. Дурылина, писателя «внутренней эмиграции», может быть рассмотрено в проблемном и эстетическом поле Серебряного века. Воспитанный культурной средой рубежа веков, он продолжил традиции классики XIX в. и в то же время воспринял эстетику модернизма. Для Дурылина особое место в жизни и творчестве занимал Крым. Свой инвариант «крымского текста» Дурылин представил в главной книге «В своем углу» (1924–1939). Крымская тема освещена и в дурылинской «Коктебелиане», и в стенограммах лекций, посвященных рассмотрению живописи М.А. Волошина.

Дурылин посещал Крым, Коктебель и Дом Волошина в 1926 и 1927 гг. вместе с Гениевыми, Еленой Васильевной и сыном Юрием. Во время путешествия Дурылин вел дневник «В своем углу» (1924–1939), в котором отобразил личное восприятие Крыма (VI тетрадь и некоторые фрагменты — в последующих). Однако на сегодняшний день поэтика «крымского текста» в творчестве Дурылина совершенно не изучена.

Обращаясь к истории исследования «крымского текста», можно выделить работы А. Люсого, впервые обосновавшего как само понятие, так и сколько-нибудь целостное его описание [6]. Подобные подходы к изучению текста осуществили и лингвисты [7]. Основоположником «крымского текста» Люсый считает поэта С. Боброва: «С. Бобров не только Колумб Крыма в российской поэзии, но также Колумб Ночи и Колумб Смерти как единых составляющих его метафизики» [6: с. 48]. Конечно же, это связано с мифологией крымской земли и с древними представлениями киммерийцев о том, что именно в Крыму находился вход в Аид. Уже в творчестве первопоэта Крыма исследователь справедливо отмечает мотивы смерти, печали и связанные с ними образы ночи, мрака. Крым как страна южного солнца, любви, радости и удачи впервые

воссоздана в русской литературе Батюшковым в его «Тавриде», А.С. Пушкиным и др. По мнению Люсого, на рубеже XIX и XX вв. возникает перелом в осмыслении образа южной земли. Волошин, посвятивший Крыму не только поэтический цикл «Киммерийские сумерки», но и другие произведения, смог представить и услышать исторические голоса трагической земли: «Традиционная Таврида оборачивается у Волошина “музеем дурного вкуса, претендующим на соперничество с международными европейскими вертепами на Ривьере”» [6: с. 143]. Складывается культурная ситуация, в которой таврический и киммерийский мифы противопоставлены [6]. Дурылин обращается к воссозданию Киммерии в мемуарах именно в этот период — в эпоху постсимволизма.

В шестой тетради «углов», по собственному выражению Дурылина, о Крыме он почти ничего не написал: «Тетрадь к концу, лето к концу, Крым мой к концу — а о юге, о солнце, о море я ничего не написал. Не писалось» [1: с. 327]. Что же сочинял Дурылин в Коктебеле? Если касаться литературного творчества, то, кроме крымской тетради, он написал цикл стихов «Старая Москва». Можно сказать, что «московский текст», во многом оппозиционный «крымскому тексту», является его внешним источником. Уютное, природное, семейное пространство Москвы противопоставлено пустыне Коктебеля. В Крыму Дурылин пишет о Москве, а позже в Москве будет ностальгически вспоминать о Крыме, раскрывая для читателя собственное видение крымской земли. Еще одним внешним источником является «петербургский текст» с его мифом о таинственном исчезновении города. В одном из писем М. Волошин, почти буквально воспроизводя петербургскую ситуацию, пишет Дурылину после землетрясения 1927 г.: «Японский профессор предсказал, что весь Крым уйдет в море до 15 декабря. Поэтому в деревне в ночь на 15-е ждали конца мира, а в Старом Крыму его ждут сегодня ночью и т. д.» [2: л. 2].

Интересно также то, что в Крыму, в Алуште, Шмелев создает московский рассказ «Голуби» и «Неупиваемую Чашу», а в Грассе — «Солнце мертвых». Это свидетельствует, возможно, о том, что и Шмелев, и Дурылин пытались передать внутренний облик крымской земли, который можно узреть только на расстоянии в отличие от очерково-внешнего, описательного, создающегося не вне, а внутри описываемого пространства.

Анализируя написанное в VI тетради, отметим, что маленькие главки в основном посвящены любви и смерти, эросу и танатосу. Их взаимосвязь обусловлена влиянием на Дурылина эстетических установок символистов, ведь «важной чертой символистской картины мира стало восприятие любви и смерти в тесном единстве, что было во многом обусловлено эсхатологическим характером эпохи рубежа веков и апокалипсическими чаяниями символистов, возложивших надежды на грядущее преображение мира во вселенской мистерии» [4]. Можно говорить, что в творчестве Дурылина происходит трансформация мотивов эроса и танатоса в рамках эстетики постсимволизма (что может стать темой отдельного исследования).

Утверждение А.И. Резниченко о том, что «сквозной темой для тетради VI <...> является тема, которую можно условно обозначить как “смерть тела”», считаем спорным. На поверхности, в сюжетном центре главок тетради, действительно, ведущей выступает тема смерти. Дурылин пишет о судьбе В. Брюсова, который, простудившись в Крыму, погиб в 1924 г. Описана также смерть В.В. Розанова, В.М. Васнецова. Все настойчивее от главки к главке проходит образ воображаемой могилы самого автора: «А над могилой о чем спорить? Могилу надо терпеть. Она нас всех терпит» [1: с. 283]. Дурылинское «бытие-к-смерти» (термин М. Хайдеггера), почти постоянное «предстояние» смерти было способом самопознания: «К концу жизни я буду совсем одинок. Одних похороню, другие меня похоронят заживо. И станет пусто и просторно вокруг меня. И тогда, быть может, я пойму, кто же я такой?» [1: с. 312].

Одиночество, напряженный поиск себя в «бытии-к-смерти» возвращает писателя к событию с другими через прощение. Особое значение в этом ряду играет эпизод описания смерти молодого юноши Капниста, «бывшего графа», погибшего в море. Горе, которое переживает автор, контрастно окружающему, мертвое тело — человеческому веселью, смеху, не прерывающемуся отдыху. Дурылина поражает внутренняя опустошенность современного человека, граничащая с дикостью: «...у одного Макса (Волошина) было лицо человека. Солнце сияло. Синело море. В десяти-двадцати саженях от трупа поворачивались на солнце, лежа на песке, толстые голые дамы, как боровы, еще подальше — плескались в море, нежились, подставляли под солнце голые спины, животы, отвислые груди, жирные бока. Хотелось выхватить револьвер и выстрелить в это отвратительное копошащееся живое мясо» [1: с. 294]. И дело не только в статуарности, связанной с платоническим праимифом (как указывает Резниченко), и не только в том, что «мир хаоса — в самых разных своих проявлениях — побеждает мир форм» [11: с. 146], а в том, что Дурылин, вслушиваясь в исторические голоса крымского полуострова, слышит обертоны «распинающейся земли». Возмущаясь дикостью происходящего, обращая скрытые упреки к Богу, Дурылин смог преодолеть кризис посредством понимания смысла революционной катастрофы как кризиса культуры.

Трагический образ Киммерии был открыт Дурылиным под впечатлением волошинского творчества: «Киммерия стала местом личного, интимного искупления поэта, что и позволило перестрадать самой этой землей, стать ее голосом» [6: с. 142]. Трагический облик земли у поэта возник, как уже отмечалось исследователями, под впечатлением переживания разрыва с М. Сабашниковой. Как писал в своем дневнике М. Волошин, «пустыня создает поэтов, море — нет. Море, с его туманами, создает риторику — В. Гюго. Пустыня — это мысль во всей ее полноте» [6: с. 143]. Образами пустынной земли и связанными с ними концептами сумрака, камня, крепости создается волошинский миф о Крыме-Киммерии, где солнце, трава, море как символы края «очей очарованья», праздничной Тавриды противопоставлены образам

луны, ветра, звезд и степи. Этот ряд воспроизводится и в крымской тетради. Его основу составляет солнечный и лунарный комплекс.

Частотными для крымской тетради стали различные ипостаси луны: серебряная луна («серебряная луна переливается и дрожит»), луна, отражающаяся в море («лунная дорога на море»), золотая луна («ломтик золотого лимона, смоченного в коньяке»). Солнце упоминается гораздо реже и почти всегда как образ, репрезентирующий праздничный, таврический миф. «Солнце сияло, синело море»: не случайно смерть юноши Капниста «освещает» палящее солнце, равнодушное к совершающейся трагедии. Солнце и луна служили миромоделирующими образами как для символизма, так и для акмеизма [8, 12]. У Дурылина они лишены символистского ореола и опредмечены, но живут памятью символистских контекстов, их породивших, поэтому имеют, на наш взгляд, постсимволистскую природу. Киммерия Волошина — это «опаленная и неуютная земля, изъеденная щелочью всех культур и рас, прошедших по ней» [6: с. 143]. Для понимания сущности созданного Дурылиным образа крымской земли имеет значение написанное им в Коктебеле стихотворение, буквально пронизанное волошинскими мотивами:

Брожу по взгорьям в дни глухонемые
И окликаю никлую полынь —
И все ищу в узорчьи пустынь
Обрывки риз увядших Византии.
Прислушиваюсь к волнам Киммерии
И к подголоскам голубых твердынь.
И мнится: ветры из сапфирных скрынь
Износят звоны плавкие Софии,
Несут, несут... И рушат в глубину,
Хоронят в зыбь с всемирною изменой —
И слушаю один пустынную волну,
И леденю под опавшей пеной,
И горько пью пустую тишину,
Как теплый труп с распоротой веной [11: с. 155].

Родные сердцу образы полыни, пустыни и твердыни-земли символизируют для автора мир творчества, пронизанный софийными смыслами. Как и у Волошина, у Дурылина «пещера, земля принимает в себя и отражает космос, как человеческое тело заключает в себя дух, а поэт — слово. <...> Слово в значении Логос — имеется в виду предвечный образ Бога, “прямой образ ипостаси его”, как пишет Вл. Соловьев в “Чтениях о Богочеловечестве”» [10: с. 21]. Опорой культуры является для Дурылина и София, и ризы Византии... Вторая часть стихотворения по принципу контраста изображает современное автору состояние культуры, в которой нет достойных голосов. Поэтому тишина оказывается «пустой», а ее слушатель — «трупом». Это стихотворение в тетради значится под главкой 95, записанной 28 августа, как и фрагмент 24, словно комментирующий вторую часть стихотворения: «Я представляю себе, как Пушкин

листают страницы современных журналов, как Лермонтов раскрывает на секунду стих Безыменского <...> и я чувствую, с какой торопливостью спешат они уйти в свои тихие места, где нет стихов, картин и звуков, и с какою едкою усталостью спешат они смежить свои веки, чтобы ничего не видеть и тешить себя мыслью, что не продолжили их — стихи Безыменского и звуки Мосолова» [1: с. 155]. Очевидно, что падение культуры, «своего угла» связано для Дурылина прежде всего с революцией, которая стала для него подлинной катастрофой.

Суммируя сказанное, отметим, что Дурылин создал иконичный вариант «крымского текста». Покинув Крым и напряженно о нем размышляя в следующих тетрадах, он так охарактеризует творчество К.Ф. Богаевского: «Из пустыни извлек он красоту ее бытия, а не бывания. <...> Б(огаевский) — это природа, узнанная глубже, чем узнают ловящие лишь “оболочки зримые” <...> Пейзаж Богаевского <...> иконен в этом смысле: тут <...> “Сама”» (София, Мировая душа. — *Е. К.*). Именно символистскими коннотациями проникнут «крымский текст» Дурылина. Иконичен, конечно же, в определенной степени и волошинский пейзаж. Как верно отметила Л.А. Колобаева, «воображением поэта движением своих видений превращает вулкан, “вихри древних сил”, в “храм”» [5: с. 234].

Второй лейтмотивной темой тетради, как мы уже отмечали, была тема любви. Однако, на первый взгляд, рассуждения Дурылина о любви в этой главе не складываются в единый текст. Во фрагментах 4 и 32, словно по контрасту вставленных в основной текст тетради VI, Дурылин пишет о любви как о сбывшемся счастье: «Прижаться друг к другу, закрыть глаза, сжать руку рукой и ждать: когда нельзя будет раскрыть глаз, а руки — отнять, — вот лучшее, что можно сделать на земле... если... если есть к кому прижаться» [1: с. 280]. Данный отрывок не вполне понятен без прояснения его малоизвестного контекста: именно в Коктебеле Дурылин пишет самые проникновенные письма-признания Ирине Алексеевне Комиссаровой [3]. Письма пишутся автором часто, почти ежедневно... Именно это и составляет скрытый, любовный или «таврически-романтический» сюжет тетради. Еще неопубликованная переписка 1926 г. позволяет выяснить характер взаимоотношений Ирины Алексеевны и Сергея Николаевича. Далее мы впервые приводим одно из этих писем. Еще более интересным является тот факт, что в Коктебель Дурылин едет с Е.В. Гениевой и ее сыном Юрием. Отношение Дурылина к Елене Васильевне выходило за дружеские рамки, что прочитывается в уже изданной их переписке. В рецензии на эту книгу М.В. Михайлова анализирует историю их взаимоотношений: «Его письма просто взрываются призывами: “Вчера же я болел еще тоской по Вам”; “А я ведь тоскую только по людям, — только по немногим людям, без которых тяжело мне жить” <...> Он понимал уникальность Гениевой и дал ей такое по-своему удивительное определение: “жалительный человек” и “зеркало, задышанное жизнью”» [9: URL]. Таким образом, в Крыму писатель не только вполне в символистском ключе видит Киммерию,

но и творит «миф о себе», воплощая в любовной раздвоенности символистское мироощущение. Ведь по отношению и к Ирине Алексеевне, и к Елене Васильевне он был искренен. «Чудо» любви помогает Дурьлину преодолеть страх одиночества и координаты «своего угла», ведь финалом крымского цикла является рассуждение о «твоей руке», руке друга, поддерживающей путника на дороге жизни: «Только о тебе и тобою я шел. <...> “А! пускай пески, и река упрется в тупик мертвых песков, — не отнимай только ты твоей руки...”» [1: с. 328].

Коктебель 11 июня 1926 г.¹

Дорогая Ариша! Вчера я получил твою открытку — обрадовался ей необыкновенно. Начинаешь ты с «С.Н.» — а дальше пишешь, (как принято (Дорогой Павел) как нужно. Я очень рад, что ты хорошо доехала и «ничего не делала». Но думаю, вряд ли ты отдохнула. Сужу по себе. Первые ночи я здесь спал плохо. Теперь же ложась в 9 ч. веч. Просыпаюсь только в 7 ½ ч. — (и пишу тебе сейчас около 8 ч. утра. Утро тихое. Поют птицы. Ласково шумит море. Погода мягкая, приятная. От моря здесь и в самые жары — нет того зноя и измора, которые так мучат в Москве.

Ходят здесь в самых различных костюмах, но все на босу ногу, без чулок; обувь здесь — от песку прибрежного — быстро изнашивается. Мужчины ходят в трусиках. Много женщин — в шароварах. Я хожу в сандалиях на босу ногу, в бумажных брюках прямо на голое тело. Мне подарили тюбетейку из малинового шелку и я ношу ее на голове. Шляпу уносит ветер. Она — не по морю.

Все хорошо — хорошо гулять по берегу моря, под скалами и отвесным берегом, хорошо лежать на теплом песке, хорошо вечером, выйдя на берег, слушать, как особенно мудро и сладко шумит море... Но я один на каждом месте я думаю: как хорошо бы здесь быть вместе с Аришей! Лежать на песке — рядом с нею, бродить рука об руку, а когда буду купаться, тогда еще больше буду это думать... Даже в прошлом году мне было легче быть одному, без тебя, чем теперь. И как подумаю, что три месяца в самом исключительном случае — 2 ½! — я буду без тебя, то все делается не по мне. Я чувствую себя оторванной половиной, полчеловеком, который ищет вторую — и, поверь, главную свою половину, чтобы жить.

Жизнь моя стала очень простая: она вся — ты, и ты-то и называешься жизнью. Нет — тебя — нет жизни. Я мучительно завидую всем, кто здесь вдвоем. В Москве, за бездною суеты и дел, еще переношу это кое-как, но здесь, когда я многими часами, непрерывно, мне бы быть с тобою, я не могу этого переносить... Мне больно, больно.

Ты НИКОГДА не должна отпускать меня от себя. При прощанье я говорил тебе, чтобы ты помнила, что у тебя есть власть надо мной, — радостная, желанная для меня власть, — и ты ею должна пользоваться. Ты отдала мне все, всю жизнь, всю себя, — и не лишай меня этого никогда. Я живу только около тебя и с тобою — и в тебе. Никакой другой жизни у меня нет и не может быть. Помни

¹ Письмо С.Н. Дурьлина И.А. Комиссаровой публикуется впервые по МА МДМД КП 324/47 С.Н. Дурьлин. Письма И.А. Комиссаровой. Коктебель. Машинопись. Конволют. 1922–1926. 118 л. (орфография и пунктуация автора сохранены. — Е. К.) [3].

это — и, помня устраивай нашу жизнь. Пиши мне часто. Почта здесь, кажется, не совсем исправна, не то, что в Москве: здесь больше похоже на Челябину: письма, по неаккуратности почты, где-то, должно быть, по дороге застревают и приходят иногда по 3 письма сразу от одного и того же лица. Так было с женой Саши Ларионова (она здесь с девочкой). Вернее твоя, твоя открытка, посланная 5-го, пришла 9-го быстро. Так что, скажи тем, кто мне будет писать, что если я не всегда во время им отвечаю, это может произойти оттого, что запоздали их письма.

А, может быть все это временно, пока не наладилась дачная жизнь здесь.

Палец у меня еще болит. Вчера на перевязке было уже мало гноя, т. ч. сегодня докторица решила попробовать не развязывать, а перевязать завтра. Пишу 4 пальцами. <...>

Целую тебя крепко, крепко — всюду, куда целовал в каждое милое местечко, в каждый уголок, в каждый переулочек. А больше всего глазки и в губки. Моя милая ласточка, родной мой жаворончек, золотой. Получай в Академии 10 р. (за апрель) — получай в июне — и эти деньги трать на себя. У тебя денег нет. В июле получай 20 р. за майские доклады — получи их до дома отдыха и возьми туда с собой. Больше всего я боюсь, что ты без меня наголодаешься и будешь это скрывать от меня. Эта мысль останавливает у меня кусок в горле. В сентябре я получу 46 руб. и на них мы купим дров. Еще раз крепко накрепко всю тебя целую от ножек до волосиков, от пальчика на ручке до последнего волосика на головке. Будь здорова. Лечись. Если плохо себя чувствуешь, сходи к д-ру Никитину (Мертвый пер. д. 11. кв. 10). Твой и только твой.

Как поживает Васька? Как поживает Люлечка? Вот по ком я соскучился, к ней ведь никто не ходит в гости?

Парусиновая рубашка оказалась очень хороша. Я ее обновил в Вознесенье.

Адрес: Крым. Коктебель. Дача Комхоза, бывш. Харламова, № 7 Гениевой, мне.

Библиографический список

Источники

1. *Дурылин С.Н.* В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
2. Письма М.А. Волошина // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 480.
3. *Дурылин С.Н.* Письма И.А. Комиссаровой. Коктебель. Машинопись. Конволют // Мемориальный архив МДМД КП 324/471922–1926. 118 л.

Литература

4. *Гармаш Л.В.* Эрос и танатос в творчестве русских символистов: итоги и перспективы изучения [Электронный ресурс]. URL: http://garmash.ucoz.ru/publ/ehros_i_tanatos_v_tvorchestve_russkikh_simvolistov_itogi_i_perspektivy_izuchenija/1-1-0-25 (дата обращения: 19.10.2018).
5. *Колобаева Л.А.* Русский символизм. М.: МГУ, 2000. 296 с.
6. *Люсьи А.П.* Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01. М., 2003. 267 с.
7. *Лягушкина Н.В.* К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 55–61.

8. Меркель Е.В. Поэтическая семантика акмеизма: миромоделирующие образы и мотивы: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2015. 46 с.

9. Михайлова М.В. Облако любви [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/9/mm22.html> (дата обращения: 10.11.2018).

10. Пинаев С.М. Поэзия М. Волошина в литературно-философском контексте Серебряного века // Постмодернизм: взаимодействия в поле культуры (преемственность, диалог, интертекст): коллективная монография. М.: РУДН, 2014. С. 5–24.

11. Резниченко А.И. «Брожу по взгорьям в дни глухонемые...» // Новый мир. 2008. № 12. С. 144–163.

12. Ханзен-Леви А.А. Русский символизм. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

References

Istochniki

1. Dury'lin S.N. V svoem uglu. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 879 s.

2. Pis'ma M.A. Voloshina // RGALI. F. 2980. Op. 1. Ed. xr. 480.

3. Dury'lin S.N. Pis'ma I.A. Komissarovoj. Koktebel'. Mashinopis'. Konvolyut // Memorial'ny'j arxiv MDMD KP 324/471922-1926. 118 l.

Literatura

4. Garmash L.V. E'ros i tanatos v tvorchestve russkix simbolistov: itogi i perspektivy' izucheniya [E'lektronny'j resurs]. URL: http://garmash.ucoz.ru/publ/ehros_i_tanatos_v_tvorchestve_russkikh_simbolistov_itogi_i_perspektivy_izucheniya/1-1-0-25 (data obrashheniya: 19.10.2018).

5. Kolobaeva L.A. Russkij simbolizm. M.: MGU, 2000. 296 s.

6. Lyusy'j A.P. Kry'mskij tekst russkoj kul'tury' i problema mifologicheskogo konteksta: dis. ... kand. kul'turolog. nauk: 24.00.01. M., 2003. 267 s.

7. Lyagushkina N.V. K voprosu o formirovanii bazovy'x konceptov: prostranstvo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 55–61.

8. Merkel' E.V. Poe'ticheskaya semantika akmeizma: miromodeliruyushhie obrazyy' i motivy': N. Gumilev, A. Axmatova, O. Mandel'shtam: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. M., 2015. 46 s.

9. Mixajlova M.V. Oblako lyubvi [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/9/mm22.html> (data obrashheniya: 25.09.2018).

10. Pinaev S.M. Poe'ziya M. Voloshina v literaturno-filosofskom kontekste Serebryanogo veka // Postmodernizm: vzaimodejstviya v pole kul'tury' (preemstvennost', dialog, intertekst): kollektivnaya monografiya. M., 2014. S. 5–24.

11. Reznichenko A.I. «Brozhu po vzgor'yam v dni gluxonemy'e...» // Novy'j mir. 2008. № 12. S. 144–163.

12. Ханзен-Леви А.А. Русский символизм. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

E.A. Korshunova

Poetics of «Crimean Text» in S.N. Durylin's Works

The article explores the poetics of the «crimean text» in S.N. Durylin's memoir book «In his Corner» (1924–1939). Following M.A. Voloshin and K.F. Bogayevsky Durylin the writer presents a tragic image of the Crimea. The integrity of Durylin's texts implies the motives of eros and thanatos in their post-symbolic refraction, the iconic faces of the Crimean land. The article contains firstly published letter of S.N. Durylin's to I.A. Komissarova from 06.06.1926, written in Koktebel.

Keywords: «crimean text»; eros; thanatos; postsymbolism; iconity.

УДК 821.0(075.8)

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.04

В.М. Головки

Ценностные ориентиры в системе художественного миропонимания В.И. Слядневой

В статье раскрывается миропонимание как важная составляющая мировидения автора-творца в лирике и прозе В.И. Слядневой, которое объективируется в идиостиле и онтологической поэтике ее произведений. Отмечается, что укорененностью в народной культуре, мирозерцании, языке обусловлена система ценностных ориентиров художественного миропонимания, управляющая читательской рецепцией и являющаяся одной из форм выражения нравственно-эстетической позиции автора.

Ключевые слова: творческая индивидуальность писателя; художественная аксиология; народность; бытовое и бытийное; этнокультурная идентификация.

Творческая индивидуальность В.И. Слядневой (1940–2013) во многом обусловлена укорененностью ее поэзии и прозы в народной культуре, мирозерцании, языке. Образ малой родины незримо, но существенно определяет внутреннюю атмосферу ее художественных созданий. Ставропольское село Надежда для В.И. Слядневой, как подмосковная деревня Язвицы для выдающегося российского поэта В.Ф. Бокова, — это не только неиссякаемый источник вдохновения, тематического богатства, но и «уголок земли», сохраняющий нравственные устои подлинно человеческого бытия.

В поэтическом творчестве В.И. Слядневой ярко проявляются особенности лирического обобщения, свойственного этому роду литературы. В ее произведениях обнаруживаются те субъект-объектные связи и отношения, при которых, как отмечалось еще в эстетике Гегеля, «доводящая себя до сознания душа с ее субъективными суждениями, ее радостями, изумлением, болью и чувством», творит художественный мир, в котором «затрагиваются все направления национальной жизни» [10: с. 494]. Не случайно в теоретических исследованиях лирики как рода литературы во второй половине XX в. доминантной становилась именно эта мысль. «Проблема воплощения в лирике авторского сознания, всегда обобщающего черты общественного сознания эпохи» [11: с. 6], актуализировалась, например, в работах Л.Я. Гинзбург, В.Д. Сквозникова, Г.Д. Гачева, Б.О. Кормана, М.Л. Гаспарова и других исследователей.

Закономерно, что образ переживания в поэтическом мире В.И. Слядневой перерастает локальные рамки, приобретает универсальный характер, достигая пределов России:

Спит журавль колодезный,
Сена стог за межой.
Слита навек в моем сердце малая родина
С Родиною большой.

«Машут деревья кронами...» [3: с. 174].

И в то же время — пределов мироздания:

Хлебая дожди и дрожа от грозы,
И слушая чьи-то рыдания,
Пытаясь понять мироздания азы,
Хоть сами та ж пыль мироздания...
Не прячемся от мирового суда —
И крест свой нести нам по силе...
О чем бы ни шел разговор наш — всегда
Он будет о нас, о России.

«Юрию Кузнецову» [4: с. 9].

Соприродность человеческого существования и мирового целого фиксируется средствами народной поэтической образности и архетипами художественно-философского мышления, воспринимаемыми как традиция мировой культуры. Голос поэта В.И. Слядневой начинает звучать в унисон с медитациями Блеза Паскаля, Тютчева, Тургенева, Пришвина, Бокова, возвышавшими человеческую экзистенцию, человеческую мысль над безличностью всемогущей Природы.

Внутренняя соотнесенность неповторимо-индивидуального, единичного и всеобщего создает такую философскую ситуацию, когда человек, «мыслящий тростник» (Паскаль), «злак земной» (Боков), «пыль мироздания», пытается понять «мироздания азы». В творчестве В.И. Слядневой выражено представление о таком подлинно человеческом бытии, когда «личное» «я» предстает как конечное сущее, как часть бытия, которое входит в мир и вбирает его в себя. В таком поэтическом созерцании реализуется природа лирического творчества, маркируемая идеей динамической целостности. Имея в виду специфику художественного выражения лирического мировидения, М.И. Цветаева в письме Б.Л. Пастернаку от 11 февраля 1923 г. тонко подметила: «Лирические стихи (то, что называют) — отдельные мгновения одного движения: движения в прерывности. <...> Лирика — это линия пунктиром, издали — целая, черная, а взглядишь: сплошь прерывности между точками...» [8: с. 383]. Эстетическое качество подлинной поэзии — воссоздание философской картины мира как художественной целостности «линией пунктира» — в полной мере реализуется в поэзии В.И. Слядневой.

Природа как одухотворенное и одухотворяющее гармоническое целое, где все взаимосвязано, взаимозависимо, в картине мира ее произведений предстает как высший ценностный критерий, а высота духовных проявлений человека — как животворение самой природы. Натурфилософская проблематика

«по-разному проявляется в творчестве писателей: как понимание гармоничного единства человека и природы, выяснение влияния технического прогресса на окружающий мир, напоминание об ответственности людей за преобразования в природе, обозначение места человека в универсуме» [14: с. 22]. В поэтическом творчестве В.И. Слядневой подобные темы и мотивы предстают в интегрированном единстве.

В прозе поэта сохраняется та же специфика. Так, в рассказах В.И. Слядневой героини стараются все делать «ради того, чтоб сила была у земли от ласки людской, чтоб люди умели беречь в себе то, что давала им земля» («У черного тополя») [6: с. 14]. Через яркие образы выражается авторское понимание сущности человека, и не случайно для манеры повествования в произведениях характерен принцип внедрения голоса автора-повествователя в точку зрения, в слово героев при максимальном сближении «живой жизни», быта, феноменологии повседневности и законов мироздания.

Творчество В.И. Слядневой отличается новизной неожиданного сплава, редкого сочетания прозаического и бытийного, бытового и философского, бытописи и лирики. Это становится в ее поэтических произведениях формой специфического выражения «эмоционально самодовлеющей мысли, нашедшей себя... в образе переживания» [12: с. 406]. Можно даже сказать, что бытопись — форма народности поэтических и прозаических произведений, выражение национального образа мира.

Я заодно с землей, с родней!
Вот вновь бегут с крылечек...
Люблю вычерпывать бадьей
Я небеса из речек.

«Я на земле своей родной...» [3: с. 172].

Творчество В.И. Слядневой только выигрывало от такого сближения бытового и бытийного. Обновлялась образная система, приобретала оригинальный характер композиционная и ритмико-интонационная организация произведения. Заземление стиха в расширяющейся перспективе поэтического взгляда на мир придает лирике живое звучание, непосредственность в обращенности к чувству и мысли не эмпирического, а имплицитного читателя (интерпретатора образа переживания, участника эстетического события, находящегося в диалоге с автором). В такой системе изображения органичным является ценностное уравнивание, например, «избы с крышей — на два ската» с «лугом земным» и даже «солнцем» [3: с. 165]. В.И. Сляднева нередко образ пространства и времени концентрирует в хронотопе «дома», но достигает при этом максимального раскрытия в рефлексии лирического «я» сущности человеческого бытия. В художественном мире поэта нет дистанции между живым, конкретным человеком и всеобщим бытием. Сближение двух полюсов — единичного и космического, человеческого и природного — составляет суть художественного мышления В.И. Слядневой:

Усталое солнце на крышу сарая
Легло, отдохнуло, скатилось в туман,
Глухая старуха в избе умирает
И шепчет неслышно: «Жизнь — это обман...» [3: с. 205].

Или:

Скажи мне, свет Луны,
Я создана тобой?
А к морю выйду я,
Подумаю: «Прибой
Летучих волн
Мне тоже, видно, из родни:
Движения души у нас порой одни».
«Я вышла из лесов?..» [3: с. 165].

В этой предметности и универсальности художественного видения чувствуется жажда обновления как содержания творчества, так и поэтики. Метафорическое мышление, эпитет, который нередко материализует такое мышление, может поразить любого ценителя словесного творчества. «Держала нежно хвоя / Луч солнца на весу...» («Встреча под Магдебургом»), «Солнце завтра в окошко глянет, / Обнародовав новый май...» («Нарисуй меня, Модильяни!») [3: с. 113, 305] — эти и подобные тропы в их метафорической смелости и смысловом избытке являются ключом к идейно-эстетическому целому произведения. «Раненая память», «знамен пульсирующий цвет», «огненного времени птенец» и т. д. — такие неожиданные эпитеты из стихотворений цикла «Солдатские кресты» [3: с. 80–122] значимы в создании синтеза трагического и возвышенного, того единства отрицания войны и утверждения мира, неразрывности героического прошлого и его переживания в настоящем, которое определяет пафос произведений о Великой Отечественной войне. А вот строки стихотворения из книги «Я огненного времени птенец», посвященного памяти тем защитникам Родины, которые навсегда остались на полях сражений Великой Отечественной войны:

О войне я стихов не пишу
И в слова о смерти не играю; —
А с бойцами в бой сама хожу
И не понарошку умираю.
Жизнь поит меня живой водой,
Радует весенним благовестом...
Я лежу под каждой звездой
И под каждым холмиком безвестным.
«О войне стихи я не пишу...» [2: с. 7].

Это тот же масштаб изображения, что в известном стихотворении С.С. Орлова, написанном в 1944 г.:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат...

«На алтаре души россиянина, — писала В.И. Сляднева, обращаясь к своему читателю, — всегда были высокие идеалы и цели. Цена их велика. За них были отданы жизни дорогих и любимых нами людей. Я не могу не думать о тех, кто никогда не увидит, как на луг упадет роса, как засияет новый восход и от лесов повеет родниковая прохлада» [5: с. 5]. В мыслях своих и авторских помыслах она неизменно возвращается к «истокам красоты» как в природе, так и в человеческих отношениях. В стихотворных циклах «В пределах Бориса и Глеба», «Хочу поехать по земле...», «Яблоко судьбы», «Солдатские кресты», «Зов России», «Спит журавль колодезный», «Роща белая, словно лебедь», «Кварты», «Портреты», в рассказах «По ту сторону радуги», «Полоска земли», «У черного тополя», «Перепелиная душа», «Вслед жизни» и др. звучит чистая нота веры в человека и надежда на чувство сопричастности к утверждению добра на земле. Цикл «Портреты», посвященный великим поэтам, художникам, философам, деятелям культуры, не только представляет собою эстетическую декларацию поэта, но и раскрывает суть той социально-нравственной позиции, с которой освещается как прошлое, так и настоящее России. В стихотворении «В. Маяковскому» дана, например, такая оценка современным процессам реставрации капитализма:

Все распроданы и раскрадены...
Но грядет оно, время судий!
Петь Отечество Вам, громадина,
То, "которое есть и будет!" [3: с. 299].

По природе своего таланта В.И. Сляднева — лирик. Таковой она остается и в поэзии, и в прозе, всегда ярко окрашенной эмоционально-личностным отношением к изображаемому. Поэтическое начало проявляется не только в выразительных средствах языка, в интонации и ритмически организованном повествовании, но и в нагрузке на слово, на его смысловые и ассоциативные ресурсы. Эстетическое в сфере отношения слова к действительности полноценно реализуется в творчестве Сляднейвой, активно воспринимавшей традиции поэтики модальности. Диалектика типологического и индивидуального в художественном мире ее произведений создавала предпосылки для того, чтобы поэтическое слово не сводилось «ни к мифологически субстанциональному, ни к условно поэтическому, ни к эмпирически бытовому смыслу, а выступало как принципиально вероятностный, но художественно реализованный мир отношения этих смыслов» [9: с. 456].

В малой прозе автор предстает перед читателем таким же мастером художественного высказывания, как и в поэтическом творчестве. Поэзии Сляднейвой изначально была присуща некая лирическая дерзость, то особое качество, которое Л.Н. Толстой считал непременным свойством лучших образцов этого литературного рода. Вот пример «дерзостного» поэтического самовыражения:

...Даже если вокруг ничего —
Ни тропы, ни звезды, ни огня —

Создаю я свой мир, и его
Бесконечность
Пугает меня.

«Создаю я свой мир...» [3: с. 281].

При всем том, что есть немало оснований для причисления В.И. Слядневой к числу так называемых «тихих поэтов», внутренняя атмосфера ее поэтических созданий является остро конфликтной, эмоционально напряженной, бунтарской, характеризуется резким противопоставлением картины мира лирического «я» всему, что противоречит высоким смысложизненным ценностям и нравственным абсолютам. В то же время этот мир соприроден гармоническому целому бытия. Именно потому формы самоощущения и лирического самовыражения в поэзии В.И. Слядневой приобретают универсальный характер. Во многих ее произведениях, воссоздающих уклад сельской, крестьянской жизни, знакомой с детских лет и воспетой ею в поэтической книге «Нашептали мне колосья...», онтология повседневности становится формой эквивалентного выражения чувства Родины, бытийной концепции автора.

Слово и поэзия в творчестве В.И. Слядневой изначально сосредоточивают в себе духовную жизнь и культурную память народа. Эстетическое созерцание талантливого поэта становится выражением его действенного отношения к миру, к человеку.

По-особому это отношение выражено в тех стихах, в которых доминирует гражданский пафос. Мысли о родной стране, об исторических судьбах поколений рождены социальным опытом автора, в основе которого крепкая связь с народом и его культурой. В произведениях В.И. Слядневой гражданственность не противостоит поэтичности, напротив, запечатлевается в эмоционально возвышенном образе переживания, имеет глубинный, а не декларативно-риторический характер. Сегодня почти забытым является само понятие народности творчества, но именно этим свойством обеспечивается жизнь художественных произведений во времени, их соответствие социокультурному контексту любой эпохи. Нравственные критерии трудового народа, созидающего духовные и материальные ценности, определяют социально-эстетический идеал автора-творца. Как писал И.С. Тургенев, для человека, без напряжения вступающего в область идеала, слова «добро», «истина», «жизнь», «любовь» «никогда не звучали ложным звуком» («Яков Пасынков»). Такому человеку открываются высоты духа. Не случайно в художественном мире В.И. Слядневой столь важным ценностно-эстетическим критерием является образ-концепт *высота*, назначение которого — высвечивать пути приобщения к красоте, к природе как живому гармоническому целому, открывать перспективы духовно-нравственного совершенствования человека.

...Послушна вечной красоте
На недоступной высоте
Душа моя парит.

«Любой от воздуха здесь пьян...» [3: с. 181].

* * *

Видим облака паренье
 В лебединой высоте,
 К нам приходит озаренье —
 Мы уже чуть-чуть не те...
 «Живой ручей» [3: с. 222].

В этом чувствуется органическая связь с классической традицией. Вспомним А.А. Фета:

Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
 Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?..
 «Истрепалися сосен мохнатые ветви...» [7: с. 105].

Или В.Ф. Бокова:

Побудь со мной на высоте,
 Оставь земной удел!..
 «В гостях у жаворонка» [1: с. 8].

Только это позволяет человеческой жизни «мчаться под облаками — под окнами у Бога» («Ездили в кибитках...») [2: с. 6].

Именно такое ощущение высоты духа позволяет воспринимать родную землю как олицетворение Родины, наполнять этот реальный образ символическим смыслом, связывать с ним утверждение человеческого в человеке.

...Наливается соками,
 Набирается силою
 Снова слово высокое
 О любви и России.
 «О любви и России» [3: с. 168].

Литературная репутация писателя определяется многими факторами — от социокультурной ситуации в стране до обстоятельств его личной судьбы и особенностей творческой биографии. Но прежде всего литературная репутация писателя зависит от глубины его философского миропонимания, мастерства, роли творческой индивидуальности в историко-литературном процессе. Как справедливо отмечал В.Д. Сквозников, «традиционные в лирике мотивы (темы), при всем их расширении и обогащении, особенно в критические эпохи, снова и снова “перепеваются”... становятся косной силой, тормозящей развитие. Складывается вроде бы нелепое положение: самый “интимный” род литературы оказывается иногда в самом жестком плену многообразных штампов» [13: с. 6]. Отражая в своем творчестве время, переживая вместе с народом «критические эпохи», смену общественно-экономических формаций и т. д., В.И. Сляднева, сохранявшая верность своим ценностным критериям — как нравственным, так и эстетическим, — не только избежала перепевов и штампов, но и реально обогатила художественное сознание неповторимыми открытиями в области художественной философии и поэтики. По масштабам

своего дарования она занимает достойное место среди тех, кого читательская общественность, литературные критики и профессионалы-литературоведы относят к числу талантливых поэтов и прозаиков современности.

Библиографический список

Источники

1. *Боков В.Ф.* В гостях у жаворонка: Новая книга стихов. Грозный: Книга, 1994. 160 с.
2. *Сляднева В.И.* Жизнь сама — такая быстрая дорога!.. // Литературная Россия. 2015. № 8. С. 6–8.
3. *Сляднева В.И.* Одолень-трава: Лирика. М.: Литературный фонд России, 1999. 640 с.
4. *Сляднева В.И.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 2: Я огненного времени птенец. М.: Дружба литератур, 2012. 447 с.
5. *Сляднева В.И.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Перепелиная душа. М.: Дружба литератур, 2014. 448 с.
6. *Сляднева В.И.* У черного тополя // Литературная Россия. 2017. № 1. С. 12–14.
7. *Фет А.А.* Лирика. М.: Худ. лит., 1966. 184 с.
8. *Цветаева М.И.* Об искусстве. М.: Искусство, 1991. 479 с.

Литература

9. *Бройтман С.Н.* Лирика в историческом освещении // Теория литературы: в 4 т. Т. 3: Роды и жанры. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 421–466.
10. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 622 с.
11. *Гинзбург Л.Я.* О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.
12. *Сквозников В.Д.* Лирический род литературы // Теория литературы: в 4 т. Т. 3: Роды и жанры. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 394–420.
13. *Сквозников В.Д.* Реализм лирической поэзии: становление реализма в русской лирике. М.: Наука, 1975. 368 с.
14. *Соколова Р.А.* Экологическое сознание Павла Васильева: к 105-летию со дня рождения // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 22–26.

References

Istochniki

1. *Bokov V.F.* V gostyax u zhavoronka: Novaya kniga stixov. Grozny'j: Kniga, 1994. 160 s.
2. *Slyadneva V.I.* Zhizn' sama — takaya by'straya doroga!.. // Literaturnaya Rossiya. 2015. № 8. S. 6–8.
3. *Slyadneva V.I.* Odolen'-trava: Lirika. M.: Literaturny'j fond Rossii, 1999. 640 s.
4. *Slyadneva V.I.* Sobr. soch.: v 5 t. T. 2: Ya ognennogo vremeni ptencz. M.: Druzhba literatur, 2012. 447 s.
5. *Slyadneva V.I.* Sobr. soch.: v 5 t. T. 4: Perepelinaya dusha. M.: Druzhba literatur, 2014. 448 s.

6. *Slyadneva V.I.* U chernogo topolya // Literaturnaya Rossiya. 2017. № 1. S. 12–14.
7. *Fet A.A.* Lirika. M.: Xud. lit., 1966. 184 s.
8. *Czvetaeva M.I.* Ob iskusstve. M.: Iskusstvo, 1991. 479 s.

References

9. *Brojtman S.N.* Lirika v istoricheskom osveshhenii // Teoriya literatury': v 4 t. T. 3: Rody' i zhanry'. M.: IMLI RAN, 2003. S. 421–466.
10. *Gegel' G.V.F.* E'stetyka: v 4 t. M.: Iskusstvo, 1971. T. 3. 622 s.
11. *Ginzburg L.Ya.* O lirike. L.: Sov. pisatel', 1974. 408 s.
12. *Skvoznikov V.D.* Liricheskiy rod literatury' // Teoriya literatury': v 4 t. T. 3: Rody' i zhanry'. M.: IMLI RAN, 2003. S. 394–420.
13. *Skvoznikov V.D.* Realizm liricheskoj poe'zii: stanovlenie realizma v russkoj lirike. M.: Nauka, 1975. 368 s.
14. *Sokolova R.A.* E'kologicheskoe soznanie Pavla Vasil'eva: k 105-letiyu so dnya rozhdeniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 22–26.

V.M. Golovko

Axiological Aspects of V.I. Slyadneva's Artistic Weltanschauung

World view as one of the factors forming the creative individuality of writer is revealed in the axiological system of the artistic world created by them. Outlook as an important component of the author-creator's world view, is objectified in the idiosyncrasy and ontological poetics of V.I. Slyadneva's lyrics and prose. The axiological system of artistic weltanschauung managing readers' perception and expressing author's moral and aesthetic position is rooted in people's culture, world outlook, and language.

Keywords: creative individuality of writer; artistic axiology; nationality; everyday and routine; ethnic and cultural identification.

УДК 82'282

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.05

Цзин Жуге,
И.В. Монисова

О современном состоянии и истории исследований сибирской литературы в Китае

Литература Сибири всегда привлекала внимание ученых из соседних стран, ее достижения и длительная история предоставляют широкое поле для исследований. Данная статья направлена на обобщение современного состояния и обзор истории изучения сибирской литературы в Китае. Хронологический и аналитический подходы позволяют представить общую картину научных работ и справочных материалов, выявив наиболее ценные из них, а также наметить перспективы изучения предмета с учетом быстро развивающейся социокультурной ситуации в регионе.

Ключевые слова: сибирская литература; исследования в Китае; история и современность; переводы.

Начало истории сибирской литературы ученые связывают с XVII в., когда множество летописей и путевых очерков оказалось плодородной почвой для зарождения литературного творчества в этом регионе [4: с. 3]. Появление за Уралом типографий в XVIII в. содействовало его активному развитию. В XIX в. благодаря подвижничеству ссыльных декабристов и литературной деятельности многих выдающихся писателей, таких как Н. Чернышевский, И. Гончаров, А. Чехов и др., литература Сибири приобрела новый импульс, ориентируясь на достижения романтизма и реализма. Уже в этот период первые сведения о ней достигают Китая. Важную роль сыграли и произведения русских классиков, посвященные Сибири, которые становились известными китайской аудитории («В Сибирь» А.С. Пушкина, «Сибирские рассказы и очерки» В. Короленко и др.). В XX в. решающее влияние на литературную жизнь Сибири оказали революционные события и формирование пролетарской литературы, которая отражала жизнь беднейших слоев населения и становилась идеологическим оружием. Многие произведения этого типа, полные энтузиазма в построении новых форм жизни, были переведены на китайский язык и получили широкое распространение в Китае, оказав значительное влияние на развитие китайской пролетарской литературы. В последующие годы интерес к предмету со стороны не только читателей, но и ученых в Китае возрастал. Особенно это касается творчества писателей-сибиряков общероссийского (ранее — советского) масштаба, таких как В. Астафьев и В. Распутин.

Само понятие «сибирская литература» не является окончательно сложившимся и общепринятым, хотя к описанию этого явления ученые стремились еще в XIX в., когда Г. Потанин и Н. Ядринцев выдвинули инициативу движения под названием «Сибирское областничество». По мнению Потанина, для определения сибирской литературы необходимо внутреннее измерение, т. е. самосознание, которое Г. Потанин назвал интересами области. Оно выражается в том, что писатель способен освободиться от внешнего взгляда на свою малую родину и создавать произведения о местной жизни с точки зрения «внутренней», с позиций аборигена. В статье Ядринцева «Сибирь перед судом русской литературы» (1865) и в статье Потанина «Роман и рассказ в Сибири» (1875) был впервые затронут вопрос о сибирской литературной школе. Сближается в своих взглядах на литературу Сибири с позицией Потанина известный литературовед Н. Пиксанов. По его мнению, самостоятельность социально-экономической жизни Сибири привела к формированию ее литературного областничества. Современник Пиксанова М. Азадовский высказал иную позицию в дискуссии по этому вопросу. Он полагал, что сибирская литература в качестве областной является частью процесса развития всей русской литературы, она «есть участок общерусской литературы, отображающий на краевом (местном, областном) материале ее общий путь развития и происходящие в ней процессы...» [1: с. 163]. Это позволяет вписать сибирскую литературу в русскую на правах подсистемы.

Вопрос о существовании литературы Сибири как отдельного эстетического объекта поднимался на съездах сибирских писателей в 20-х гг. XX в. Так, председатель Союза сибирских писателей В. Зазубрин настаивал на том, что сибирская литература «была, есть и будет» [6: URL]. Его сторонники также выступали за выделение феномена сибирской литературы из литературы общерусской, поскольку в ней отражена психология сибиряков, которая формируется посредством ряда факторов: природа, история, быт и т. д. Мнение В. Зазубрина и итоги обсуждения проблемы на съездах сибирских советских писателей имели глубокое воздействие на формирование исследовательского подхода китайских ученых к сибирской литературе. Первая научная рефлексия на эту тему появилась в книге Цзинь Яна «Очерк сибирской литературы»: «Сибирская литература как объективный феномен имеет свое уникальное содержание и художественную специфику, является областной литературой, направленной на отражение жизни Сибири, и одновременно важной составляющей литературы России со своим особым стилем» [4: с. 4]. (Здесь и далее переводы китайских исследований наши. — Ц. Ж., И. М.). «Словарь современной мировой литературы и искусства» определяет сибирскую литературу как «областную литературу в составе советской литературы с преобладанием тем Сибири» [3: с. 80]. Многие китайские ученые и сегодня склонны рассматривать сибирскую литературу как региональную.

В статье мы обобщим итоги исследования литературы Сибири в период после образования нового Китая. Условно это время можно разделить на три этапа: 1950–1960-е гг., 1970–1980-е гг. и современный период.

В 1950–1960-е гг. в Китае интенсивно переводится литература, так или иначе связанная с темой Сибири и Дальнего Востока, т. е. соседнего региона. Как правило, сибирские писатели включаются в рамки советской литературы как ее часть. Например, в 1954 г. вышел сборник повестей «Десять дней на путешествие» под редакцией Чжоу Ханьлиня, в котором обзорно представлено творчество набравшего тогда популярность Ю. Рытхэу. В 1956 г. была выпущена книга «Писатели на марках СССР», в которую включена информация о Д. Мамине-Сибиряке. Что касается научных исследований, то они связаны с разбираемой проблемой лишь косвенно и посвящены либо теме Сибири в лирике А.С. Пушкина (статьи Чжа Лянчжэна, Чжао Цзечжэна и др.), либо краткому обзору литератур малочисленных народов СССР (Вэй Чжэн, «Творчество новописьменных национальных литератур СССР»).

В области перевода художественных и публицистических текстов в связи с отсутствием на тот момент различий между понятиями «литература на тему Сибири» и «сибирская литература» в Китае большинство переведенных произведений имели лишь сибирский (или дальневосточный) хронотоп или тематическую связь с регионом: «В Буяновке» С. Залыгина; «Разгром», «Да здравствует великий китайский народ!» и «Рождение Амгуньского полка» А. Фадеева; «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова и др. Среди этих переводов были и образцы собственно сибирской литературы, например «Даурия» К. Седых, которую называют «сибирским “Тихим Доном”», а также произведения Г. Гора, с Сибирью связанного лишь биографически («Юноша с далекой реки»). Вообще, в 1950–1960-е гг. отбор иностранных текстов для перевода и публикаций был обусловлен политическим режимом в Китае, требовавшим строгой нормативности в этих вопросах.

В 1970–1980-е гг. в ситуации реформ и большей открытости в Китае активно распространяется и изучается иностранная литература, тогда же появляются исследования сибирской литературы. В 1983 г. вышел уже упомянутый «Очерк сибирской литературы» [4] профессора Хэйлунцзянского университета Цзинь Яна. Это первая научная книга в Китае на данную тему, в ней обосновывается сам термин и устанавливаются истоки явления. Издание состоит из четырех глав, рассматривает три периода в развитии литературы Сибири и определяет особенности каждого из них. Акцент делается на факты литературной жизни, которые обусловили проблематику и судьбу разных произведений писателей-сибиряков, — они анализируются ученым с идейно-содержательных и эстетических позиций. Важно отметить, что в книге помещена и краткая информация о творчестве авторов, представляющих коренные народы Сибири, что позволяет сформировать взгляд на сибирскую литературу. Конечно, как и любое исследование первопроходца, книга не претендует на исчерпывающую полноту, в ней, например, представлены преимущественно эпические прозаические жанры, тогда как лирика и драматургия почти не комментируются, лишь в заключении автор упоминает о А. Вампилове и его пьесах.

Необходимо сделать важное терминологическое уточнение. Само понятие «литература Сибири» в китайских литературоведческих трудах иногда трактуется расширительно: в список авторов нередко попадают дальневосточные писатели. Кроме того, пока не дифференцируются собственно сибирские авторы регионального значения, передающие в своих произведениях этнический и природный облик края, ментальные особенности его жителей и т. д., и писатели-сибиряки более крупного масштаба, такие как В. Астафьев, В. Распутин, А. Вампилов, В. Шукшин, которые русскими литературоведами традиционно причисляются к основным именам. Не согласован и вопрос о том, с каких позиций рассматривать в контексте сибирской литературы национальных писателей, пишущих по-русски или на родном языке. Творчество последних в китайской науке на сегодняшний день изучено фрагментарно, обобщающих трудов по этому вопросу практически нет.

По сравнению с 1950–1960 гг. растет количество и качество переводов с русского языка. Переведены и изданы «Емельян Пугачев» Вяч. Шишкова, «В стране синеокой» Н. Шундика, «Под сенью волшебной горы» Ю. Рытхэу, «Саньинь путь» С. Зальгина (три издания), «Тростинка на ветру», «Грядущему веку» и «Сибирь» Г. Маркова, «Свинцовый монумент» С. Сартакова, «Жизнь на грешной земле» А. Иванова, «Калина красная» (пять изданий) и «Брат мой» В. Шукшина, три сборника стихотворений Е. Евтушенко. Особо пристальное внимание переводчики и издатели уделили творчеству В. Астафьева и В. Распутина: в Китае вышли в печать «Восьмой побег», «Печальный детектив», «Руки жены», «Солдат и мать», «Васюткино озеро», трижды переиздан цикл «Царь-рыба» и дважды — роман «Пастух и пастушка» Астафьева; опубликован сборник повестей Распутина, семь изданий выдержала его повесть «Живи и помни».

С 1978 по 1988 г. в Китае вышли три научных труда по теме: кроме книги Цзинь Яна, это «Сборник материалов о развитии пролетарской литературы в Сибири» Бай Сыхуна и «Словарь современной мировой литературы и искусства» под редакцией Сун Яоляна. Также был опубликован ряд научных статей: «Обзор сибирской литературы», «Тема нравственного поиска в сибирской литературе» [5], «Обзор творчества малочисленных народов Сибири» Цзинь Яна; «О сибирской литературе СССР» Пу Лимина, «Заметки о сибирской литературе до Октябрьской революции» Цзя Вэньхуа; «Основные имена современной сибирской литературы» Ван Цзябо; «Сибирская литература СССР и литература запада Китая» Ма Цзяньсюня, «Советская сибирская литература и литература северо-востока Китая» Цзинь Яна, а также несколько компаративистских статей на ту же тему Сяо Юньжу. Были выпущены два сборника культурологических и историко-этнографических трудов: «Сборник статей об исследовании Сибири» (1985), «Сборник исследований по истории культур народов мира» (1981). Среди работ, с одной стороны, обобщающие труды о периодизации сибирской литературы, закономерностях ее развития, наиболее

значительных именах писателей, об отдельных социокультурных фактах. Здесь же работы, обобщающие информацию о культурной политике (например, Бай Сыхун включил в «Сборник материалов о развитии пролетарских литератур» исторические документы, которые связаны с деятельностью советских властей, направленной на содействие развитию сибирской литературы). С другой стороны, это компаративистские исследования, позволяющие выявить сходства и различия между литературой Сибири и литературой регионов Китая. Что касается изучения литературы коренных народов Сибири, то в этот период они были преимущественно описательно-информативными.

Филологические исследования в области поэтики произведений определенного писателя или литературы отдельного народа Сибири предпринимались крайне редко, главным образом внимание ученых привлекали вопросы развития национальных культур и фольклора, а также национальной политики СССР. Среди этих публикаций можно назвать статью «Пробуждение малых народов Сибири до Октябрьской революции и после нее» Сунь Ляньцина, работу Тао Ли «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «Истоки и трансформации шаманства в современной Сибири» Ян Цзюня, «Обзор культур малых народов Сибири» Го Юньшэня, «Предания и мифы коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока СССР» Ян Чуаньсина, «Об истории эвенков» Сунь Юньлая. Вопросы развития национальных литератур региона оставались за пределами внимания исследователей.

В 1990-е гг. вследствие распада СССР и существенных изменений социокультурной ситуации сибирская литература, как и российская культура в целом, переживает период кризиса. Это отразилось и на процессе перевода и изучения ее в Китае: с 1990-х гг. и до сих пор выпущено сравнительно немного новых произведений, созданных в соседнем регионе, главным образом переиздаются уже известные. Вышли в печать «Угрюм-река» Вяч. Шишкова, «Южноамериканский вариант» С. Залыгина, вновь переиздана «Калина красная» В. Шукшина, сборники стихов Е. Евтушенко, особенно много произведений В. Астафьева («Падение листа», «Затеси», «Васюткино озеро», «Лунный блик», «Заклятье») и В. Распутина («Прощание с Матерой», «Дочь Ивана, мать Ивана», книга под названием «Фантасмагория: сборник новых произведений Распутина»).

В 1990-е гг. в Китае растет число обобщающих исследований о культуре Сибирского региона. В книге «История Сибири», составленной Сюй Цзинсе, и в сборнике статей «Исследования по культуре России» Цзинь Яна содержатся, помимо прочего, рассуждения о преемственности русских классических традиций в сибирской литературе. Лю Вэньфэй в «Истории литературы России с иллюстрациями» представил галерею образов сибирских писателей и определил специфику творчества каждого из них. В период с начала XXI в. по настоящее время в Китае опубликовано четыре фундаментальных исследования: «История исследований по советской литературе в Китае» Чэнь Цзяньхуа,

«Исследования по творчеству В. Распутина» Сунь Юйхуа и Ван Лидань, «Проблема национального самосознания в современной литературе России: на примере творчества В. Распутина» Чжао Яна, «Маяк литературы» Лю Вэньфэя.

Современные исследования сибирской литературы сегодня становятся более конкретными и детальными. Китайские ученые переносят акцент с анализа общих тенденций на углубленное изучение творчества определенных писателей. Так, Гао Чжэнчжи посвятила работу В. Шукшину, Сунь Пэн в книге «Литература мира.com» изложил свою концепцию наследия В. Распутина. Проблем экологии и их отражения в литературе касается статья Лю Цзюань «Анализ “Царь-рыбы” В. Астафьева в контексте литературы об экологии». Чжан Шумин и Ли Кунь написали в соавторстве статью «Образ Сибири в творчестве В. Астафьева». Ли Чжэнжун в публикации о потенциальных нобелевских лауреатах по литературе остановился на романе Е. Айпина «Божья мать в кровавых снегах» и заявил, что творчество этого русскоязычного мансийского писателя, обладающего высоким мастерством и оппозиционным духом, «угодит вкусам Нобелевской литературной премии, которая всегда питает пристрастие к “великому меньшинству”» [2: с. 50]. Добавим, что в последние годы в Китае появилось немало диссертационных работ о сибирской литературе, это можно расценивать как результат того, что произведения выдающихся сибирских писателей неизменно присутствуют в университетских программах. Среди них диссертации Ма Хаоюэ о диалектных элементах в прозе В. Распутина, Ван Цзюя о военной прозе Астафьева, Люй Чэня об образе Сибири в творчестве Распутина, Пэн Юня о влиянии декабристов на развитие сибирской литературы.

Итак, в китайской науке, в том числе и среди молодых исследователей, существует устойчивый интерес к культуре и литературе Сибири. Ученые стремятся систематически вести научную работу в этой области, чему способствует активная переводческая и издательская деятельность. Однако предстоит еще рассмотреть очень много вопросов в этом направлении, особенно это касается изучения национальной литературы Сибирского региона: бурятской, якутской, мансийской, алтайской, хакасской и др. Поэтому следует уделить внимание переводу произведений выдающихся сибирских писателей, которые еще не знакомы китайской аудитории. В настоящее время большая часть исследований сосредоточена на советском периоде, современное состояние литературы региона, равно как и досоветский период, изучены недостаточно. Отсутствуют работы по сибирской поэзии и драме, как, впрочем, и качественные переводы этого материала. Таким образом, у китайских ученых широкое поле деятельности, ибо знание и глубокое понимание русской литературы достигается знакомством с художниками различных регионов страны.

Библиографический список

Литература

1. *Азадовский М.К.* Литература сибирская (дореволюционный период) // Сибирская сов. энциклопедия. Новосибирск.: Сибирское краевое изд-во, 1929–1932. Т. 3. 804 [163] с.
2. *Ли Чжэнжун.* Русская литература и Нобелевская премия (李正荣. 俄罗斯的«诺贝尔情节») // Наблюдение в экономике (经济观察). 2012. № 594. С. 50.
3. *Сун Яолян.* Словарь современной мировой литературы и искусства (宋耀良. 世界现代文学艺术辞典). Чанша, КНР.: Изд-во литературы Хунань, 1988. 413, [80] с.
4. *Цзинь Яна.* Очерк сибирской литературы (金亚娜. 西伯利亚简述). Пекин: Изд-во иностранных литератур Китая, 1983. 135, [3–4] с.
5. *Цзинь Яна.* Тема нравственного поиска в сибирской литературе (金亚娜. 西伯利亚文学的道德探索) // Сибирь и Дальний Восток (西伯利亚与远东). 1985. № 1. С. 41–48.
6. *Яранцев В.Н.* Зазубрин [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2010. № 6. URL: <http://сибирскиеогни.рф/content/zazubrin-4> (дата обращения: 04.12.2018).

References

Literatura

1. *Azadovskij M.K.* Literatura sibirskaya (dorevolucionny'j period) // Sibirskaya sov. e'nciklopediya. Novosibirsk: Sibirskoe kraevoe izd-vo, 1929–1932. T. 3. 804 s. [163].
2. *Li Zhe'nzhun.* Russkaya literatura i Nobelevskaya premiya (李正荣. 俄罗斯的«诺贝尔情节») // Nablyudenie v e'konomike (经济观察). 2012. № 594. S. 50.
3. *Sun Yaolyan.* Slovar' sovremennoj mirovoj literatury' i iskusstva (宋耀良. 世界现代文学艺术辞典). Chansha, KNR.: Izd-vo literatury' Hunan', 1988. 413, [80] s.
4. *Czin Yana.* Oчерk sibirskoj literatury' (金亚娜. 西伯利亚简述). Pekin: Izd-vo inostranny'x literatur Kitaya, 1983. 135 [3–4] s.
5. *Czzin Yana.* Tema npravstvennogo poiska v sibirskoj literature (金亚娜. 西伯利亚文学的道德探索) // Sibir' i Dal'nij Vostok (西伯利亚与远东). 1985. № 1. S. 41–48.
6. *Yaranczev V.N.* Zazubrin [E'lectronny'j resurs] // Sibirskie ogni. 2010. № 6. URL: <http://sibirskieogni.rf/content/zazubrin-4> (data obrashheniya: 4.12.2018).

Jing Ruge,

I. Monisova

Current State and History of Siberian Literature Studies in China

As an important constituent of the Russian literature Siberian literature has always attracted the attention of scientists from neighboring countries. Its achievements and long history of development provide prospects for further research. The article aims at generalizing the current state and history of research on Siberian literature in China. Chronological and analytical approaches allow us to describe the overall view on such studies and reference materials, as well as highlight the most valuable of them. In addition, it outlines new prospects of studying the subject considering the rapidly developing cultural situation in the region.

Keywords: Siberian literature; research in China; history and modernity; translations.

Ж.В. Ганиев

Риторика душевных потрясений (анализ эссе В.П. Астафьева «И прахом своим»)

Военная тема представлена в большинстве произведений В.П. Астафьева. Во многих из них война раскрывается не в описании батальных сцен или победоносных этапов Великой Отечественной, а в раздумьях русского человека, пережившего страшные годы и познавшего тяготы жизни рабочего-солдата, фронтовика-окопника, привыкшего смотреть смерти в глаза.

Ключевые слова: риторика; затесь; модель мира; тропеическая метафора.

В одном из писем коллеге в начале 1970-х гг. В.П. Астафьев с горечью сообщал об отношении «литературного начальства» к писательским рукописям: «У нас очень не любят, да и не умеют взглянуть на обратную сторону военной медали, потому что с обратной стороны от грязи и пота заводились ржавчина, гниды и прочие некрасивые вещи. То, что блестит и светится, всегда легче и спокойней изображать, да и печатается это охотней, а вот чем страшна война, то у нас как-то стыдливо замалчивается» [3: с. 64].

Тема войны и ее последствий в народной душе занимает видное место в оригинальном астафьевском жанре — в затесях.

В конце 1960-х гг. Астафьев впервые дал краткую характеристику своим миниатюрам: «Много лет пишу я эти затеси, то, что видел когда-то, что запало в душу, оставило в ней зарубку. Не зарастают эти зарубки, не забываются. Ни рассказами, ни очерками, ни этюдами их не называю. Это свободные заметки писателя, не скованные временем действия, литературными условностями, рамками жанра» [2: с. 4]. Писатель так объяснил суть жанра: «затесь — сама по себе вещь древняя и всем ведомая — это стес, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первопроходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издалека,

и ходили по тайге от меты к мете, часто здесь получалась тропа, затем и дорога, и где-то в конце ее возникало зимовье, заимка, затем село и город» [1: с. 273–274]. В последнем издании «Затесей», которое автору, к сожалению, уже не суждено было увидеть, он добавил слова надежды: он верил, что книга утешит русского человека «в горькой этой и все более духовно и материально нищающей жизни... заставит вспомнить о Боге и ближнем своем...» [2: с. 3]. Затесь — прямое слово автора, полурассказ-полувоспоминание, которое «по объему писательского времени, отданного “затесям”, настойчивости и обилию их публикаций <...> выходят на первое место среди жанров астафьевской прозы» [2: с. 3].

Обратимся к риторическому анализу затеси «И прахом своим». Она имеет композиционно развернутую структуру, каждый из восьми абзацев наделяется отдельной функцией в решении общей риторической задачи. Совершенство астафьевского письма таково, что оно эмоционально и эстетически подготавливает читателя к персуазивному акту в главном, восьмом абзаце. Произведение написано ради того, чтобы поделиться тяжелыми думами, которые автор поместил в элокутивно отточенном финале. В последнем абзаце видны две взаимосвязанные текстовые темы: 1) боль воспоминаний тех, кто с боями прошел войну и выжил, 2) думы выживших о братьях по оружию, павших на поле битвы. Персуазивными обе темы делает скорбное национальное знание о жестокой войне. Кроме того, в затеси «И прахом своим» большую роль играют сведения о личности автора: Астафьев был участником Великой Отечественной войны, сражался на поле боя и получил тяжелое ранение (известно, что бойцы и их командиры в день объявления о ее завершении 8–9 мая 1945 г. не могли осознать, что остались в живых).

Два предшествующих финальному абзаца накапливают эмоциональную горечь у читателя перед развернутым рассуждением в концовке, они содержат наблюдения и размышления автора о том, как в природе родители заботятся (олицетворение) о нарождающемся поколении. Здесь также используется метафора дома, которая экстраполируется на мир людей (антропоморфизм), ведь такой необходимой помощи со стороны старших была лишена солдатская молодежь, о массовой гибели которой скорбит писатель. Он сообщает, что среди погибших были те, «которые не успели еще и жизни-то как следует увидеть» [1: с. 284]. Еще одно риторическое построение показывает контраст между тем, что должно было быть в жизни, и тем, что на самом деле было у многих людей его поколения. Астафьев, лишенный с детства родительской ласки, голодавший, находившийся на грани жизни и смерти в военную годину, затрагивает тему, которая его тревожит.

С самого начала затеси, с первого по пятый абзац, разворачивается ландшафтная картина; она наталкивает автора, а вслед за ним и читателя на мысли о том, что связывает в семье отцов и детей. В первых двух абзацах возникают громадный, в два обхвата пень, опята, мох, кисточки брусники и, самое главное, хиленькие елочки. У них нет будущего, поскольку они «так

слабосильны, что им уж и не справиться с трудной борьбой за жизнь и продолжать рост» [1: с. 284]. Рождается философское обобщение о законах бытия и экстраполяция на людские судьбы: «Тот, кто не растет, умирает! — таков закон жизни. Этим елочкам предстояло умереть, едва-едва народившись» [1: с. 284].

Далее, с третьего по пятый абзац, по контрасту с содержанием предшествующих двух рождается аллегорический образ потомка, который в отличие от хиленьких соседей-елочек имеет вполне жизнеспособный вид: смолистый ствол, бойко взъерошенную вершинку, потемневшую хвою. Все благодаря тому, что «елочка ловко устроилась на пеньке. Она веером развернула липкие ниточки корешков, а главный корешок белым шильцем впился в середину пня. Мелкие корешки сосали влагу из мха, и потому он был такой линиялый, а корешок центральной ввинчивался в пень, добывая пропитание» [1: с. 284]. Здесь царит полное природное согласие, родитель и его дитя находятся в гармоничных отношениях, которые, однако, не обещают елочке нахлебничества. Потомок должен сам многое сделать в жизни (снова метафорический образ): «Елочка долго и *трудно будет сверлить* пень корешком, пока *доберется* до земли» (курсив наш. — Ж. Г.). И так будет продолжаться не один год, но обязательно при поддержке родителя: «Еще несколько лет она будет в деревянной рубашке пня...». Такова астафьевская философия жизни, основанная на преемственности поколений.

Элокутивные достоинства делают затесь «И прахом своим» подлинным шедевром. Астафьев — мастер описания, повествования и, конечно же, как острый публицист, мастер рассуждения. Первые три абзаца содержат множество тропов. С четвертого по седьмой абзац текст представляет собой классический тип повествования, характерной особенностью которого является смысловая нагрузка глаголов прошедшего времени совершенного вида (*запустил* пальцы, *приподнял*, *улыбнулся*). В отличие от него в шестом и седьмом абзацах употреблены глаголы будущего времени несовершенного и совершенного вида, деепричастные и причастные формы обоих видов; каждый из глагольных форм означает этап, стадию в развитии действия, порядок его протекания (*будет сверлить*, *доберется*, *будет расти*, *был родителем*, *хранил*, *вскармливал*, *останется*, *сотрутся*, *будут преть*, *отдавая*, *сберегая*, *упавшие*, *согревая*).

В шестом и седьмом абзацах — особый тип повествования: предвидение, основанное на наблюдении длиною в жизнь. Цель финального абзаца — убедить читателя в существовании причинно-следственных связей между явлениями. Для ее достижения использован аргументативный тип речи. Главное в построении текста — умение совместить перечисленные функционально-семантические типы: с общим значением синхронности в описании, диахронности — в повествовании, каузальности в рассуждении, так диалектически связаны его, текста, структурно-композиционные характеристики.

Затесь Астафьева насыщена тропами, которые играют важнейшую роль в решении персуазивной, риторической задачи. Читателя захватывают, убеждают эпитеты, в том числе метафорические и метонимические: в *густом тонкоствольном осиннике*; *серый, в два обхвата* пень, с *рябоватыми шершавыми шляпками*; *линялый мох, украшенный кисточками брусники, хиленькие всходы*; *мелкая, но очень колючая хвоя*; *пупырышки завязей будущих лапок*; завязи были так *малы*, елочки так *слабосильны*; *трудная борьба за жизнь*. Действие эпитетов усилено метафорами и сравнениями: пень *сторожили выводки* опят; *мягкою шапкою* лежал мох; *ютились* всходы елочек; поблескивали *росинки* смолы; им *не справиться с трудной борьбой за жизнь*. Картины завораживают живостью и выразительностью благодаря тропам. Они делают более убедительным первое рассуждение (второй абзац), данное в виде формулировки экспрессивной закономерности, отмеченной восклицательным знаком. Образность поддерживают антонимы: *растет — умирает; умереть, едва народившись; можно прорасти — нельзя выжить*.

Первым двум абзацам противостоит описательное содержание третьего, в котором с предыдущей неутешительной картиной и мыслями о хилых обреченных елочках контрастирует вид их *бодрой и осанистой* соседки. Яркость образа достигается за счет антропоморфических метафор, заканчивающих абзац: «*в бойко взъерошенной вершинке чувствовалась какая-то уверенность и вроде бы даже вызов*» [1: с. 284].

Абзацы с четвертого по седьмой, будучи по форме повествованием и описанием, содержат большой потенциал будущего рассуждения (в восьмом абзаце), риторически заострены, что поддерживается экспрессивностью их тропов. Ср. тропы, употребленные в четвертом — седьмом абзацах: *волглая шапка* мха, елочка *ловко устроилась, веером развернула липкие ниточки* корешков, *главный* корешок *белым шильцем впился* в середину пня, *мелкие* корешки *сосали влагу* из мха, и потому он был *такой линялый*, а корешок *центральной ввинчивался* в пень, *добывая пропитание*.

Читатель, как и нарратор, получает вначале поверхностные впечатления о елочках на основе описания контрастного вида их хвои, безнадежной и бодрой. Каузальное по смыслу восклицание автора: «*Вот оно в чем дело!*» — метафорически раскрывает причину разницы. Она глубже, в условиях произрастания елочек: «*бодрая*» «*ловко устроилась на пеньке*», развернув свою корневую систему, чего нет у остальных, которым «*предстояло умереть, едва-едва народившись*» [1: с. 284].

В череде метафор, олицетворений, эпитетов очевиден и другой прием — смена ритмов: экспрессия одних тропов сменяется антонимическим подбором: *волглая* (шапка линялого мха, из которого мелкие корешки благополучной елочки сосали влагу. — *Ж. Г.*) — елочка *ловко устроилась; веером развернула липкие ниточки корешков — главный корешок белым шильцем впился в...*; *мелкие корешки сосали влагу из мха — корешок центральной ввинчивался в пень*,

добывая пропитание. Различаются члены противостояния внутри пар наличием/отсутствием энергии развития и надежды на жизнь: первые характеристики в парах означают существование на грани, а вторые — мажорное продолжение молодой жизни. На воображение воздействует аксиологическое противопоставление. Как видно, плотность подачи тропов, в особенности метафор, а также олицетворений с каждым абзацем возрастает.

Сравним цепь антропоморфизмов: «Елочка долго и *трудно будет сверлить пень* корешком, пока *доберется до* земли. <...> Она будет в деревянной *рубашике* пня, расти *из самого сердца* того, кто, возможно, был ее *родителем* и кто даже *после смерти своей хранил и вскармливал дитя*» [1: с. 285]. Сочетание *после смерти своей* относится к людской жизни, и мы переносим представления о земном круге на жизнь растения; нам так близко сопоставление родительской заботы (и вместе с ней и ласки) с размножением ели, что мы находим уместной обратную метафору, когда уже человеческая судьба с ее родительскими заботами вдыхает жизнь в участь умирающей ели, которая поддерживает своего потомка до своего конца и даже дольше. Последняя строка шестого абзаца, как и содержание следующего (предпоследнего) абзаца, дает возможность понять метафорический смысл заглавия затеси: природой всему живому заповедан мощный родительский инстинкт. Как украшает синтаксический период олицетворяющее метафорическое повествование! Два временных придаточных задают подъем (протазис), три деепричастных оборота, осложненных причастным оборотом, — блестящий спуск (аподозис), и вместе они образуют утверждение: хотя все конечно, энергетическая связь предков с потомками не прерывается (кстати, в затеси предок то женского, то мужского рода — ель и пень, оставшийся от нее).

Восьмой абзац, завершающий публицистический шедевр буквально стоном человека, испытывающего душевную боль, имеет девять структурных частей периода (в абзаце всего одно предложение), в котором основную роль играют семь частей протазиса (подъема). Стержень протазиса — два придаточных времени (*когда...*, *когда*), на первое придаточное нанизывается сложносочиненное предложение с однокоренными однородными сказуемыми с частицей *да и* — перечисленные средства усиливают экспрессию, дальше присоединяется придаточное изъяснительное; на второе — подкрепленное одинаковыми однородными обстоятельствами меры (*снова и снова*), наращивается придаточное подлежащее, за которым следует наиболее экспрессивная структурная часть — сложносочиненное предложение с определительным придаточным, содержащим четыре однородных сказуемых, которые выстроены как градация. Сказуемые расположены в порядке возрастающей семантической и эмоциональной значимости (восходящая градация, или климакс). Любопытно, что число структурных частей протазиса (седьмой абзац) перекликается с количеством предложений в первом абзаце — их тоже семь. Это своеобразное ритмическое кольцо на уровне поэтики.

Аподозис (спуск) в периоде, состоящий из двух структурных частей (главного и придаточного предложений), возвращает к третьему абзацу, а подъем (протазис) перед ним раскрывает иносказательный смысл первых двух. Другими словами, перед нами еще одна стилистическая фигура, экспрессивная роль которой известна еще с античных времен — кольцевой повтор.

Шедевр Астафьева складывается из точно заданного числа абзацев, у каждого из них в тексте своя неотъемлемая роль, и каждый имеет скрепы — средства связи с другими абзацами. Они прочно держат произведение, как крепкие обручи у хороших бондарей, из-под которых не выпадет ни одна клепка. Читая «И прахом своим», взором соскальзываешь с ничего поначалу не говорящего заглавия. Первый абзац, самый объемный, поражает настоящей картинностью, сочными красками и обоснованным приговором хиленьким всходам елочек. Автор не только рисует опята, мох, бруснику, украшающие пень, но и анализирует состояние ютящихся здесь же елочек, как человек, любящий природу. Эта картина, занимающая бóльшую часть абзаца, укрепляет во мнении, что именно елочки станут ключевым образом в данной затеси. Ожидание подтверждает следующий абзац-рассуждение, энергичный приговор из трех предложений, который служит смысловым балансом к начальному абзацу, включающему в себя семь предложений. Решительный приговор подчеркнут тремя словами, означающими судьбу елочек (*умирает, предстояло умереть, нельзя выжить*).

Третий абзац — полная смысловая противоположность предыдущим, отсюда начинается основная риторическая мысль Астафьева, основанная на противопоставлении жизни-нормы ненормальному существованию, когда вместо того чтобы жить, еле влекут ее подобие (с одной стороны, *хиленькие всходы елочек, которым предстояло умереть, едва народившись*, и, с другой — *бодрая, осанистая елочка, в стволике, хвое и вершинке которой чувствуется «какая-то уверенность и вроде бы даже вызов»* [1: с. 284]). На образе-олицетворении, как и на самой природной картинке, лежит печать вторичности — они метафорически привлечены автором на фоне его философских раздумий о жертвах войны.

Во всех случаях удавшейся или разрушенной семейной жизни (изображенной в художественной литературе или публицистике) события совершаются, по традициям русской литературы, на фоне дома-символа. «Социально-исторические катаклизмы в жизни крестьянства деструктивно повлияли на дом как модель семейно-родового уклада жизни, организованного в соответствии с природным циклом и земледельческим календарем, с преемственными связями, обеспечивавшими прочность самой модели, что привело к разрушению и утрате дома, замещению его *антидомом*, представляющим собою чужое пространство, дисгармоничное и катастрофичное» [4: с. 11–12]. Таково ощущение жизненных потерь в результате катастрофической военной разрухи.

Короткий четвертый абзац приступает к выявлению причины контраста между обреченными елочками и ее бодрой сестрой. «Вот оно в чем дело!» [1: с. 284] — смысл авторского восклицания раскрывается в пятом абзаце: «эта елочка ловко устроилась на пеньке» [1: с. 285]. Тесно примыкают к пятому абзацу последующие три (будущая судьба бодрой елочки и по контрасту с ней период, посвященный погибшим несчастным молодым солдатам; они и есть «хиленькие всходы елочек», которым «предстояло умереть, едва-едва народившись»).

Таким образом, сложная художественная ткань астафьевской затеси утверждает естественную жертвенность, самоотречение и призыв «и прахом своим» служить жизни.

Библиографический список

Источники

1. *Астафьев В.П.* И прахом своим // Зрячий посох. Книга прозы. М.: Современник, 1988. С. 284–285.

Литература

2. *Зубков В.А.* Поздний Астафьев: движение жанра // Астафьев В.П. Жизнь и творчество. Дайджест. Публикации в пермской периодической печати и науч. сб. за 2005–2007 гг. / сост. О.С. Баранова. Пермь, 2007. С. 3–5.

3. *Смирнова А.И.* Из эпистолярного наследия В.П. Астафьева // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2012. № 2 (9). С. 62–69.

4. *Смирнова А.И.* Локус дома в современной русской прозе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 8–14.

References

Istochniki

1. *Astaf'ev V.P.* I praxom svoim // Zr'yachij posox. Kniga prozy'. M.: Sovremennik, 1988. S. 284–285.

Literatura

2. *Zubkov V.A.* Pozdnij Astaf'ev: dvizhenie zhanra // Astaf'ev V.P. Zhizn' i tvorchestvo. Dajdzhest. Publikacii v permskoj periodicheskoj pečati i nauch. sb. za 2005–2007 gg. / sost. O.S. Baranova. Perm', 2007. S. 3–5.

3. *Smirnova A.I.* Iz e'pistol'arnogo naslediya V.P. Astaf'eva // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2012. № 2 (9). S. 3–5.

4. *Smirnova A.I.* Lokus doma v sovremennoj russkoj proze // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 8–14.

Zh.V. Ganiev

**Rhetoric of Russian Soul that Survived Misfortunes of Great Patriotic War
(Based on V. Astaf'ev's Essay «And His Ashes»)**

The majority of V.P. Astaf'ev's works depicts military topics. The war is not manifested against the background of battle scenes or victorious stages during the Great Patriotic war. The works reflect Russian people, who survived the terrible years and who know the ins and outs in lives of workers, front-line soldiers, accustomed to look death in the eye.

Keywords: rhetoric; zates; model of world; trope metaphor.

УДК 811.111

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.07

М.А. Кузина

Баланс экзотической лексики и экзотических прецедентных имен в мультикультурном романе на английском языке

В статье рассматривается количественное соотношение экзотической лексики и экзотических прецедентных имен в мультикультурном романе на английском языке. Анализ прецедентных имен африканского и южноазиатского истока в 24 романах писателей-мультикультуралистов из Индии, Пакистана, Кении, Нигерии и Ганы позволяет выделить их общие черты: регулярную воспроизводимость, принадлежность национальным фоновым знаниям авторов, выполнение эстетической функции. Для экзотической лексики характерна высокая частотность употребления, особенно в целях создания хронотопа и характеристики персонажей.

Ключевые слова: прецедентное имя; экзотическая лексика; заимствования из неевропейских языков; мультикультурный роман.

Мультикультурный роман писателей из бывших колоний и доминионов Британской империи можно рассматривать не только как основной проводник экзотической лексики, но и как важный источник экзотических прецедентных имен: «intertextuality is not an imposition that is elicited from the reader but is foundational to the postcolonial text itself» — «интертекстуальность не навязывается или требуется от читателя, а она лежит в основе самого постколониального текста» (здесь и далее перевод наш, если не указано иначе. — М. К.) [14: с. 233].

Лингвисты отмечают наличие у английской лексемы *exotic* наряду с денотативным значением «alien, introduced from abroad, not indigeneous» — «чужой, завезенный из удаленных и малоизвестных стран, чуждый для данной местности» особой коннотации «stimulating or exciting difference» — «диковинный и провоцирующий сравнение со “своим”» [13: с. 110].

Демонстрация людей, животных, растений и предметов из экзотических стран при королевском дворе ценилась как доказательство силы, богатства и разнообразия империи: «“innocent signifiers” of an exotic other, one that could titillate the European public imagination while offering no threat since such exotics were... non-systematic» — «невинные показатели чуждого своей культуре, того, что может заинтриговать воображение европейской публики, не представляя угрозы, так как все экзотическое встречалось... не систематически» [15: с. 132].

Однако в англоязычном мультикультурном романе систематически употребляются, во-первых, экзотизмы-заимствования, пришедшие в английский язык из языков, используемых за пределами Европы или (с недавнего времени) мигрантами в Европе, и обозначающие реалии чужой культуры, и, во-вторых, прецедентные имена, связанные с культурно-историческим наследием Африки и полуострова Индостан.

Цель настоящей публикации — выяснить, как писатели-мультикультуралисты создают баланс между экзотической лексикой и прецедентными именами с выраженной африканской или южноазиатской окраской. Исследование языковых аспектов мультикультурной литературы еще только начинается в отечественной лингвистике, в частности в рамках контактной вариантологии, разрабатывающей спорные вопросы современного языкового образования в вузе в связи с глобальным доминированием английского языка [10: с. 72; 12: с. 140]. Более глубоким становится изучение прецедентных явлений, которые, как отмечает О.Г. Чупрына, подтверждают взаимную «зависимость между значимостью языкового выражения и культурно-языковым опытом личности говорящего» [11: с. 71].

Из пятидесяти произведений авторов африканского и южноазиатского происхождения (Нигерия, Кения, Гана, Индия, Пакистан), в которых интертекстуальность можно рассматривать как особенность идиостиля автора, были отобраны 24 романа и четыре сборника коротких рассказов, содержащие прецедентные имена африканского и южноазиатского истока.

Выборка примеров прецедентных имен, связанных с культурно-историческим наследием Кении, Нигерии, Ганы, Индии и Пакистана, может быть разделена на четыре группы.

Первая группа — прецедентные имена, восходящие к религиозным и (или) эпическим памятникам индийской и африканской литературы. Так, в романе Чинуа Ачебе (Ch. Achebe) «И пришло разрушение...» («Things Fall Apart») герой действует с быстротой бога грома и молнии Амадиора, относящегося к пантеону богов народа игбо, который проживает в юго-восточной Нигерии: «Quick as the lightning of *Amadiora*, Okafo raised his right leg and swung it over his rival's head. — Быстрый, как молния *Амадиоры*, Окафо занес правую ногу над головой своего соперника (перевод Вл. Вавилова, [1: с. 58]; здесь и далее курсив наш. — М. К.).

В романах индийских и пакистанских авторов частотны прецедентные имена из древнеиндийского эпоса «Рамаяна» (одно из воплощений бога Вишну — Рама и его жена Сита, братья Рама — Лакшмана и Бхарата, представитель расы обезьян Хануман, демон-людоед Равана). Так, в романе Салмана Рашди (S. Rushdie) «Клоун Шалимар» («Shalimar the Clown») Буньи, жена Шалимара, после театрального выступления перед послом США в Индии Максом Офалсом сбегает с ним из кашмирской деревушки и становится его содержанкой, рожая ему позже дочь. Эти события позволяют С. Рашди использовать имена трех героев «Рамаяны»: «In the old story *Sita* the pure was kidnapped and *Ram*

fought a war to win her back. In the modern world everything had been turned upside down and inside down. *Sita*, or rather, Boonyi in the *Sita* role, had freely chosen to run off with her American *Ravan* and willingly became his mistress and bore him a child: and *Ram* — the Muslim clown, Shalimar, misplaying the part of *Ram* — fought no war to rescue her. — С ней все складывалось совсем не так, как с *Ситой* из древнего сказа. В той истории *Сита* осталась чиста, а *Рама* затеял войну, чтобы вернуть ее. В ее истории все оказалось перевернутым с ног на голову, все шиворот-навыворот. Современная *Сита* — Буньи — по своей воле сбежала к своему *Раване* — американцу, стала его возлюбленной и понесла от него. И ее *Рама* — клоун-мусульманин Шалимар — тоже отклонился от старинного сценария и не стал ее отвоевывать» (перевод Е.К. Бросалиной) [6: с. 428–429]. Южноазиатские авторы также вводят в свои тексты имена главной божественной триады — Брахмы, Вишну, Шива (*Brahma*, *Vishnu*, *Shiva*) и других богов — Яма, Парвати, Праджарати, Камадева (*Yama*, *Parvati*, *Prajarati*, *Kamadeva*).

Вторая группа — прецедентные имена, относящиеся к широко известным (историческим) ситуациям: «*Mejo Sahib... was a descendant of Tipu Sultan, whom the British had killed, whose kingdom was divided, whose offspring were sequestered for a time in the Tolly Club. A visitor to England, Bijoli had once heard, could see Tipu's sword and slippers, pieces of his tent and throne, displayed as trophies of conquest in one of Queen Elizabeth's homes. — Меджо Сахиб... был потомком убитого британцами Типу Султана, чье княжество было поделено на части и чьи отпрыски какое-то время содержались в заключении в "Толли-клуб". Биджולי слыхала: если поехать в Англию, то можно там увидеть меч Типу, его туфли, куски его шатра и трон, выставленные на обозрение как трофеи в одном из замков королевы Елизаветы» (перевод О.Б. Лисицыной) [5: с. 223]. Историческая личность Типу Султан выступает в романе Джумпы Лахири (*J. Lahiri*) «Низина» («*The Lowland*») как прецедентное имя: он известен всем индийцам как правитель государства Майсур, сражающийся в союзе с французами против британских колонизаторов. Султан Типу (с прозвищем Тигр, или Лев, Майсура) является символом противостояния захватчикам и почитается как национальный герой в Пакистане и ряде штатов Индии.*

Имена Махатмы Ганди, индийского политического и общественного деятеля и идеолога движения за независимость Индии, и Джавахарлала Неру, первого премьер-министра Индии после обретения страной независимости 15 августа 1947 г., используются как прецедентные не менее чем в пяти из общей выборки романов. Более редкими, но показательными для Индии и Пакистана с характерным для этих стран обожествлением игроков национальных сборных по крикету являются поиски молодых талантов, которые могли бы повторить достижения сильнейших игроков в крикет: «*One weekend a year I go to the western Ghats near Prune and... before I die I want to discover a new Vivian Richards, Hanif Mohammed or Don Bradman. — Раз в году в выходные я еду*

к западным гхатам рядом с Пруном и... прежде чем я умру, я хочу открыть миру нового Вивана Ричардса, *Ханифа Мохаммеда* или Дона Брэдмена» [2: с. 11]. В этом же романе фамилии Дона Брэдмена и Сачина Тендулкара (соответственно первого и второго по результативности игроков, отражающих мяч битой, в истории крикета) используются в авторских аффиксальных неологизмах с суффиксом *-esque* со значением «передавать стиль или манеру, быть подобным кому-то или чему-то»: «This Muslim boy had always been greedy for that thing around which this dark enterprise of cricket sponsorship revolved, Manjunath Kumar's forearms — these Bradmanesque, Tendulkaresque forearms. — Этот мусульманский мальчишка всегда жаждал заполучить то, вокруг чего вертится весь темный бизнес спонсорства в крикете, предплечья Манджунафа Кумара — эти предплечья Брэдмена, *Тендулкара*» [3: с. 192].

Третья группа — прецедентные имена представителей современной африканской и южноазиатской литературы: так, в произведениях африканских авторов регулярно встречаются отсылки к Чинуа Ачебе, П'Битеку Окоту, Амосу Тутуоле, которые в 1950–1960-х гг. заложили основы англоязычной литературы писателей из Африки. С такой же частотностью в романах индийских писателей употребляются имена Рабиндраната Тагора (бенгальского писателя, поэта, композитора и художника) и Сабрамания Бхаратхи (тамильского писателя, поэта, журналиста): «In his youth he wanted to be a poet — a nationalist writer, no less, a new *Bharathi* or *Tagore*. — В юности он хотел быть поэтом — националистически настроенным поэтом, не меньше, новым *Бхаратхи* или *Тагором*» [2: с. 96].

Близки к этой группе прецедентных имен аллюзии на творчество Редьярда Киплинга, создавшего своего рода энциклопедию жизни Британского Раджа в колониальных романах «Ким» (1901), «Наулака» (1892), сборниках рассказов «Книга джунглей» (1894), «Вторая книга джунглей» (1895), сборнике сказок «Просто сказки» (1902). В романах часто используется образ Кима, молодого человека, выполняющего задания секретных спецслужб: «“*Kim*. It's a good name.” “Yeah,” said Harry. Long before the CIA there had been *Kipling* and a boy astride a cannon — “Ким. Хорошее имя.” “Да”, — сказал Гарри. Задолго до ЦРУ был Киплинг и мальчик верхом на пушке [9: с. 185]. *Mowgli*, *Kaa*, *Shere Khan* также часто используются в целях прецедентности: «“Do not let these things affect you. You are ten years old now.” “What?” “You should be like a tiger in the jungle. Like *Shere Khan* in *The Jungle Book*”. — “Не позволяй этим вещам повлиять на тебя. Тебе уже десять лет.” “Что?” “Тебе следует вести себя как тигр в джунглях. Как *Шерхан* в “Книге джунглей”» [4: с. 4].

Четвертая группа — прецедентные имена, восходящие к современному южноазиатскому кинематографу. В следующей цитате из романа Арундати Рой (A. Roy) «Министерство наивысшего счастья» («*The Ministry of Utmost Happiness*») при описании портрета одного из женских персонажей встречается сравнение с внешним видом известной индийской актрисы XX в. Мумтаз Бегум Джахан Дехлави (1933–1969), которая использовала сценический

псевдоним Мадхубала («чистый мед»): «She had her nose pierced and wore an elaborate, stone-studded nose-pin, outlined her eyes with kohl and blue eyes shadow and gave herself a luscious, bow-shaped *Madhubala* mouth of glossy-red lipstick. — Она сделала пирсинг носа и начала носить изящные инкрустированные камнями украшения, подводила сурьмой глаза и накладывала голубые тени, а ее рот теперь походил на сочный, словно лук с изгибами по краям, блестяще-красный рот *Мадхубалы*» [7: с. 27]. Мадхубалу часто называют индийской Мерилин Монро в связи с привлекательной внешностью и трагической судьбой: звезда Болливуда начала сниматься в 9 лет, ее кинематография насчитывает не менее пяти десятков работ, но она рано ушла из жизни (в возрасте 36 лет) от тяжелого неоперабельного дефекта межжелудочковой перегородки сердца.

Некоторые образцы использования прецедентных имен из этой группы носят более завуалированный характер: в следующем предложении автор употребляет не само имя собственное (Shashi Kapoor — Шаши Капур), а его прецедентные атрибуты: «He is pretty, like a *fifties Bombay matinee idol*, girlish lashes trimming what Rumi assumes are reference point for ‘puppy-dog eyes’. — Он был красив, как *идол дневных спектаклей в Бомбее* 1950-х гг., девчачьи ресницы обрамляли то, что Руми считала основой для “щенячьих глаз”» [4: с. 164].

Вышеприведенные прецедентные имена с выраженным африканским или индийским общенациональным характером не единичны. Выделенные тенденции могут быть подкреплены и другими примерами. Однако случаев использования в мультикультурных романах заимствований из языков Африки и Южной Азии намного больше. Так, в романе Санджив Сахота (S. Sahota) «Год побегов» («The Year of Runaways») о судьбе четырех нелегальных мигрантов из Индии, приехавших на заработки в Великобританию, употреблено девять прецедентных имен (большая часть из них связана с культурно-историческим наследием Европы) и 159 экзотизмов, а именно: названий продуктов и блюд (*roti, sabzi, desi*), предметов одежды (*salwaar kameez, kurta*), видов транспорта (*rickshaw*), жилищ (*gurdwara*), бытовых приборов (*thali*), сырья/материалов (*sandalwood*), психотропных средств (*gutka, paan*), профессий, обращений (*pandit, sahib, memsahib, singh*), религиозной лексики (*mashallah, wahaguru*) [8].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о регулярной воспроизводимости экзотических прецедентных имен как в произведениях разных авторов, так и в романах одного и того же писателя. Например, к именам *Basanthi* и *Dhano*, соответственно героини-извозчицы и ее лошади из популярного индийского фильма «Мечь и закон» (1975), обращаются С. Сахота и Л. Лалвани (L. Lalwani) для емкой характеристики девушки мечты. Анаркали (*Anarkali*) — имя замурованной в стену служанки в наказание за связь с наследным принцем империи Великих Моголов — встречается на страницах разных романов С. Рашди как символ трагической любви.

В большинстве случаев употребление прецедентных имен африканского и южноазиатского истока в англоязычном романе может вызвать трудности

декодирования у целевой читательской аудитории, а именно: у читающего студенчества, молодежи и людей среднего возраста с университетским образованием, которые предпочитают современную классику (романы — лауреаты Букеровской и Нобелевской премий) с национальным колоритом. Целевой англоязычный читатель на Британских островах и в Америке может обладать недостаточными фоновыми знаниями и культурно-языковыми компетенциями для понимания многообразных интертекстуальных связей. Именно поэтому ведущей функцией экзотических прецедентных имен в мультикультурном романе справедливо считать интеллектуально-эстетическую. Оценочно-характеризующая функция не может выполняться анализируемыми прецедентными именами в полной мере из-за возможности их недостаточной и (или) неверной интерпретации.

Баланс экзотической лексики и экзотических прецедентных имен достигается путем сочетания значительного числа заимствований из языков Африки и Южной Азии, умеренного использования экзотических прецедентных имен и избытка прецедентных имен, текстов и ситуаций, принадлежащих к культурно-историческому наследию Европы и США. Таким образом, мультикультурный художественный дискурс представляется и самобытным, и сохраняющим преемственность в основном европейских традиций.

Библиографический список

Источники

1. *Achebe Ch.* The African Trilogy: Things Fall Apart, No Longer at Ease, Arrow of God. New York: Alfred A. Knopf, 2010. 513 p.
2. *Adiga A.* Between the Assassinations. New York: Free Press, 339 p.
3. *Adiga A.* Selection Day. London: Bloomsbury, 2016. 330 p.
4. *Lalwani N.* The Gifted. London: Penguin Books, 2008. 273 p.
5. *Lahiri Jh.* The Lowland. New York: Vintage Books, 2013. 415 p.
6. *Rushdie S.* Shalimar the Clown. New York: Penguin Random House, 2008. 416 p.
7. *Roy A.* The Ministry of Utmost Happiness. London: Hamish Hamilton, 2017. 438 p.
8. *Sahota S.* The Year of Runaways. London: Picador, 2016. 468 p.
9. *Shamsie K.* Burnt Shadows. London: Bloomsbury, 2009. 363 p.

Литература

10. *Иванова А.М.* Контактная вариатология как новая лингвистическая парадигма: некоторые актуальные вопросы преподавания английского языка в высшей школе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 4 (28). С. 72–78.
11. *Чупрына О.Г.* Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 71–79.

12. *Яковкина О.А.* Содержание обучения профессиональной межкультурной коммуникации менеджеров в области логистики // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 139–145.
13. *Ashcroft B.* Postcolonial Studies: the key concepts / Bill Ashcroft, Gareth Griffiths and Helen Tiffin. 3rd ed. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2013. 355 p.
14. *Quayson A.* Tragedy and the Postcolonial Novel // The Cambridge Companion to the Postcolonial Novel. Edited by Ato Quayson. New York: Cambridge University Press, 2016. 273 p.
15. *Wasserman R.* Exotic Nations: Literature and Cultural Identity in the United States and Brazil, 1830–1930, Ithaca: Cornell University Press, 1994. 288 p.

References

Istochniki

1. *Achebe Ch.* The African Trilogy: Things Fall Apart, No Longer at Ease, Arrow of God. New York: Alfred A. Knopf, 2010. 513 p.
2. *Adiga A.* Between the Assassinations. New York: Free Press, 339 p.
3. *Adiga A.* Selection Day. London: Bloomsbury, 2016. 330 p.
4. *Lalwani N.* The Gifted. London: Penguin Books, 2008. 273 p.
5. *Lahiri Jh.* The Lowland. New York: Vintage Books, 2013. 415 p.
6. *Rushdie S.* Shalimar the Clown. New York: Penguin Random House, 2008. 416 p.
7. *Roy A.* The Ministry of Utmost Happiness. London: Hamish Hamilton, 2017. 438 p.
8. *Sahota S.* The Year of Runaways. London: Picador, 2016. 468 p.
9. *Shamsie K.* Burnt Shadows. London: Bloomsbury, 2009. 363 p.

Literatura

10. *Ivanova A.M.* Kontaktnaya variantologiya kak novaya lingvisticheskaya paradigma: nekotory'e aktual'ny'e voprosy' prepodavaniya anglijskogo yazy'ka v vy'sshhej shkole // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2017. № 4 (28). S. 72–78.
11. *Chupry'na O.G.* Precedentny'e yavleniya v britanskoj literature o podrostkax (lingvokul'turologicheskij podxod) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 71–79.
12. *Yakovkina O.A.* Soderzhanie obucheniya professional'noj mezhkul'turnoj kommunikacii menedzherov v oblasti logistiki // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1 (17). S. 139–145.
13. *Ashcroft B.* Postcolonial Studies: the key concepts / Bill Ashcroft, Gareth Griffiths and Helen Tiffin. 3rd ed. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2013. 355 p.
14. *Quayson A.* Tragedy and the Postcolonial Novel // The Cambridge Companion to the Postcolonial Novel. Edited by Ato Quayson. New York: Cambridge University Press, 2016. 273 p.
15. *Wasserman R.* Exotic Nations: Literature and Cultural Identity in the United States and Brazil, 1830–1930, Ithaca: Cornell University Press, 1994. 288 p.

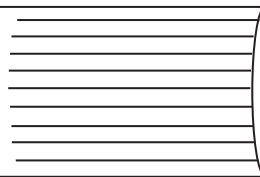
M.A. Kuzina

**Fine Balance between Exotic Words and Exotic Allusions
in Multicultural Novels in English**

The article focuses on the balance between the number of exotic loanwords and exotic allusions in the English-language multicultural novels. The analysis of allusions to African and South Asian background knowledge in 24 novels by multicultural writers from India, Pakistan, Nigeria, Kenya and Ghana has revealed a range of their typical features: regular occurrence and repetitiveness, reflection of the national background knowledge of multicultural novelists, aesthetic function. The lexemes borrowed from non-European languages into English, or exoticisms, are frequently used with the aim of a precise description of the place, the time and the characters of a multicultural novel.

Keywords: intertextuality; allusions; exoticisms; loanwords from languages outside Europe; multicultural novels in English.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 811.133.1: 81'42
DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.08

С.А. Погодаева

**Туристический дискурс:
от локализации к глокализации**

В статье рассматривается значимая для французского туристического дискурса категория пространства, представленная разнообразными языковыми средствами, набор которых претерпевает изменения в эпоху глобализации.

Ключевые слова: пространство; локализация; французский туристический дискурс; глокализация.

Существительное «локализация» образовано от глагола «локализовать», что означает «ограничить определенным местом, не допустить — не допускать распространение чего-либо дальше определенного места» [20: с. 324]. Каждый процесс речевой деятельности относится к определенному пространству. Рассмотрим подробнее, как представлена данная категория во французском туристическом дискурсе (ТД).

Термин «пространство» был введен в научный обиход в XIX в., тогда географы впервые столкнулись с проблемой его осмысления. Современные исследователи в изучении данного вопроса неизменно возвращаются к идеям В.Н. Топорова о существовании двух точек зрения — И. Ньютона и Г.В. Лейбница. Согласно И. Ньютону пространство отвлечено от человека-наблюдателя. Согласно Г.В. Лейбницу, напротив, одушевлено присутствием человека, трактуется, прочитывается человеком [9: с. 90]. Многочисленные примеры очеловечивания пространства через его связь с частями тела присутствуют как в русском, так и во французском языке, например: подножье горы (le pied de la montagne); горный гребень (la crête du mont); сбоку, рядом (à côté de) и др.

В лингвистических исследованиях пространство совмещает в себе физико-геометрические и семиотические черты [15: с. 16]. В ТД оно может быть выражено топонимами, индексальными словами, дистанционными показателями и фиксаторами места [15], пространственными лексемами [5], языковыми носителями пространственности [3], словами с локальной семой [18: с. 357] и др.

Примечателен тот факт, что такого рода лексику относят к разряду культурно значимой [15: с. 12].

Полагаем, что в ТД представлено как семиотическое, так и реальное физическое пространство. При этом последнее доминирует и носит скорее реально-исторический характер. Взаимообусловленность пространства и истории (соответственно, и времени) подчеркивает французский историк Ф. Бродель, утверждая, что пейзажи и пространства являются не только настоящими реальностями, но и явлениями прошлого [16: с. 25]. Доказательство вышесказанному находим в примере:

«De ce passé fabuleux, il demeure à Autun de bien fiers vestiges» [2: p. 26]. — От этого легендарного прошлого в Отене осталось немало знаменательных следов (здесь и далее перевод наш. — С. П.).

Для передачи черт физико-геометрического пространства в ТД употребляются имена числительные, цифры, единицы измерений расстояний:

«Le musée se compose de sept espaces différents présentés sur 1200 mètres carrés d'exposition...» [1: p. 53]. — Музей состоит из семи тематических отделов, представленных на 1200 квадратных метра экспозиции...

Географический материал в ТД предполагает широкое использование следующих средств:

1. Топонимов и микропонимов, например:

«La visite-découverte permet de lire l'évolution de la ville ou celle des monuments. Autun, Beaune, Chalon-sur-Saône, Cluny, Dijon, Joigny, Nevers et Paray-le-Monial vous proposent de découvrir leur centre ancien, leurs monuments prestigieux comme les cathédrales, les palais, les châteaux et aussi leur patrimoine méconnu: les places, les cours, les hôtels particuliers, les parcs et jardins...» [2: p. 5]. — Ознакомительный визит позволяет узнать эволюцию города и памятников. Отэн, Бон, Шалон-сюр-Сон, Клюни, Дижон, Жуаньи, Невер и Паре-ле-Моньяль вам предлагают узнать их старинный центр, такие их известные памятники, как соборы, дворцы, замки, а также их неизвестное достояние: площади, дворы, особняки, парки и сады...

Среди встречающихся в ТД топонимов чаще отмечают ойконимы — названия городов, поселков; хоронимы — названия регионов, провинций, государств; гидронимы — названия рек, морей; спелеонимы — названия пещер, озер, водопадов; дромонимы — собственные имена любых путей сообщения; агроонимы — названия земельных возделанных участков; дримонимы — собственные имена лесных участков; инсулонимы — названия островов; оронимы — названия элементов рельефа земной поверхности и др. [19].

2. Объектов-ориентиров, способствующих ориентации в пространстве [13: с. 157]:

«Angers, en val de Loire, porte d'entrée du Parc Naturel Régional ...» [1: p. 3]. — Анже, расположенный в долине Луары, является воротами в природный региональный парк...

3. Географических образов, являющихся сложным комплексом представлений об отдельном месте [6: с. 85]. К примеру, географический образ самой протяженной и величественной реки Франции Луары составляют словосочетания:

«Le dernier grand fleuve sauvage d'Europe; sa Majesté la Loire» [1: p. 3, 49]. — Последняя первозданная великая река Европы; ее Величество Луара.

Активное употребление в ТД топонимов, объектов-ориентиров, географических образов также акцентировано использованием разнообразной субъективно-оценочной лексики и ключевых слов, обозначающих:

1) туристические достопримечательности (*musée, cité, place, monument*) и архитектурные памятники (*château, forteresse, palais, abbaye, citadelle, église, cathédrale*);

2) пейзажи, ландшафты (*lac, fleuve, rivière, source, vallée, plateau, cascade, crête du mont, coteau*);

3) парковые зоны (*parc, jardin, espace vert*);

4) расположение описываемых объектов (*lieu, endroit*) и др.

На наш взгляд, вышеприведенные лексемы формируют концепт *patrimoine*, который переводится как «всенародное достояние, ценность материального и духовного свойства». Так, в анализируемом нами дискурсе употребляются следующие ключевые слова:

patrimoine (m) — достояние;

héritier (-ière) — наследник (-ица);

héritage (m) — наследство;

culture (f) — культура;

passé (m) — прошлое;

vestige (m) — след;

histoire (f) — история;

trésor (m) — сокровище;

prestigieux — престижный;

gloire (f) — слава;

renom (m) — репутация;

renommée mondiale — всемирная известность.

Выделенные нами в ТД ключевые слова, а именно *place* (f), *espace* (m), отнесены В.Г. Гаком к основным пространственным лексемам, от которых образуются другие пространственные номинации. Так, в результате сужения, т. е. семантического процесса, сопровождаемого специализацией значения, слово *place* (f) стало означать «торговый город», «крепость», «площадь», «плац», «рыночная площадь» и метонимически — «рынок» [5: с. 130–131].

Вследствие другого семантического процесса — меронимии (часть от целого), это же слово может означать «кровать, место» (в гостиничном номере); «общие места»; «место багажа»; «место в театре / на транспорте» и метонимически — «билет» [17: с. 85]. Широко употребительное в настоящее время французское слово *espace* (m), образованное от слова «арена», переводится на русский язык как «пространство», «космос», *les espaces* — «небо» [5: с. 130–131]. В результате меронимии и добавления различных определений от него образовались распространенные в ТД понятия: *espace vert* (зеленые насаждения, сквер); *espace fumeurs* (место для курения); *espace enfants* (детская площадка), *espace client* (зона для клиентов), *espace détente* (зона для отдыха), *espace de bien-être* (оздоровительный центр), *espace affaires* (бизнес-центр) [21].

По мнению А.Ю. Антоновского, язык предлагает нам два различных видения мира: 1) пространственную субъектную ориентацию, или дейксис; 2) пространственную объектную ориентацию, или интризис.

Таким образом, язык способен «сжимать» и «упаковывать» пространство, и в мире современного человека, большая часть деятельности которого осуществляется в закрытых помещениях, представлена «скорее не дейксисная (то есть соотносящаяся с говорящим), но артефактная ориентация (“в конце улицы”, “за углом”))» [3: с. 195–196; 187–208].

Анализ исследуемого материала также подводит к выводу о том, что во французском ТД преобладает вербализация объективно-пространственного видения мира. В частности, подтверждается достаточно редкое использование в ТД дейктического наречия *ici* — «здесь» (1,1 % от общего корпуса примеров):

«Et c'est ici que vous découvrirez votre premier toit de tuile vernissé!» [2: p. 7]. — И именно здесь вы впервые увидите лакированную черепичную крышу!

В данном случае дейктическое слово *ici* употреблено с целью акцентировать внимание адресата на представляемом объекте, поместить человека в описываемую ситуацию.

Несмотря на распространенную точку зрения о том, что пространство, так или иначе, объективно существующая реальность, исследователями отмечается тот факт, что люди, в зависимости от места проживания, их культуры, национальной принадлежности, воспринимают его по-разному [7: с. 91–92]. В частности, выдвинуты гипотезы «мира плотников» и «перспективной живописи», согласно которым «восприимчивость к зрительным иллюзиям зависит от среды, в которой живет человек, то есть от факторов культуры и экологии» [8: с. 27]. Существует мнение о влиянии окружающего пейзажа на формирование национального характера. Так, считают, что на становление русского характера повлияли бескрайние российские просторы [10: с. 338].

Говоря о неоднородности, различной ценностной нагруженности пространства, ученые выделяют священные (связанные со значительными событиями, великими страданиями, жизнью и смертью великих людей), благословенные (относящиеся к высшим взлетам души), проклятые места (сопряженные с преступлением, неудачей, роковой ошибкой) [12: с. 24]. Подобное разграничение мест подходит для представителей определенной нации, сторонников определенного вероисповедания, стиля жизни и др. Такого рода выделенность (чувствами, памятью, верой, интересами, привязанностью) пространства учитывают специалисты в сфере туризма при составлении современных туров.

Рассматривая особенности развития туризма в эпоху глобализации, ученые указывают на инновационный тренд глокализации, предусматривающий адаптацию локального турпродукта для понимания и принятия на глобальном рынке [4, 11]. Они подчеркивают, что глобализация туристского пространства проявляется не только в том, что сегодня люди путешествуют всюду без значительных преград, становясь при этом свидетелями взаимопроникновения

культур, но и в том, что унифицируется и стандартизируется туристский продукт, регулируются этические нормы туризма, расширяется отраслевая терминология [11: с. 67], предъявляются новые требования к образовательным стандартам, возрастает потребность изучать иностранный язык для специальных целей, в частности для сферы туризма [14].

Действительно, в 2009 г. во Франции была введена пятизвездочная (вместо традиционной четырехзвездочной) классификация гостиниц. Возникают новые интернациональные термины, например, обозначающие нестандартные виды туризма, и они не всегда привязаны к определенному месту: *tourisme radioactif* (радиационный туризм), *tourisme rétro/ nostalgique* (ностальгический или ретро-туризм).

Так, с учетом данной современной тенденции представляемый объект туризма может быть поставлен в один ряд со всемирно известными достопримечательностями или его упоминание может сопровождаться ссылкой на авторитетные международные организации:

«Angers peut se vanter d'appartenir à la famille des plus beaux sites du monde, Venise, l'acropole d'Athènes...» [1: р. 3]. — Анже может похвалиться принадлежностью к семье самых красивых мест мира наряду с Венецией, Афинским акрополем...

«Une harmonie entre de beaux espaces et des monuments exceptionnels qui a amené l'Unesco à classer, au titre des "paysages culturels", ce site d'une rare beauté» [1: р. 3]. — За гармоничное расположение красивых ландшафтов и исключительных памятников ЮНЕСКО отнесла эту редкой красоты местность к разряду «культурных пейзажей».

Как показывают вышеприведенные примеры, авторы данной туристической брошюры не только представляют географию в чистом виде, но и дают детальную и выигрышную характеристику упомянутых объектов туризма, обращаясь при этом к оценочной, чаще мелиоративной, лексике (качественным прилагательным, их превосходной степени).

Итак, при описании пространства в ТД используются имена числительные, единицы измерения расстояний, топонимы (ойконимы, хоронимы, гидронимы, спелеонимы, дромонимы, агроонимы, дримонимы, инсулонимы, оронимы и др.), объекты-ориентиры, географические образы, индексальные и ключевые слова, концепты, субъективно-оценочная лексика (тропы, аффективные прилагательные, прилагательные в превосходной степени и др.), характеризующие предлагаемые дестинации (туристические направления) и объекты туризма с целью не только выделить их уникальность (культурно значимую ценность) и идентифицировать их в конкретном пространстве, но и под влиянием идеологии глокализации наделить их трансграничным и кросс-культурным характером с тем, чтобы привлечь и подготовить к путешествию современного туриста, живущего в эпоху глобальных изменений.

Библиографический список**Источники**

1. Angers. Guide touristique. Angers: [s. a], 2003. 88 p.
2. Villes d'art en Bourgogne. Dijon: [s. a], 1993. 32 p.

Литература

3. Антоновский А.Ю. Язык и пространство. (Понятие пространства в лингвистике) // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира. М.: РТ-Пресс, 2001. С. 187–208.
4. Викулова Л.Г., Гедгафова Н.А. Медийное коммуникативное пространство: научно-популярный журнал предметной сферы «путешествие» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». 2018. Т. 15. № 1. С. 43–49.
5. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 127–134.
6. Замятина Н.Ю. Вариации региональных образов: когнитивно-географические контексты // Полис. 2004. № 5. С. 85–97.
7. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк. М.: Прогресс, 1977. 261 с.
8. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 374 с.
9. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.
10. Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 338–347.
11. Мошняга Е.В. Терминосистема международного туризма как лингвокультурное явление // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1. С. 67–73.
12. Порус В.Н. Пространство и время в человеческом измерении // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира. М.: РТ-Пресс, 2001. С. 20–24.
13. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
14. Черкашина Е.И. Язык для специальных целей: опыт преподавания французского языка в сфере туризма // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 2 (2). С. 68–71.
15. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
16. Braudel F. L'identité de la France. Espace et histoire. Paris: Les Editions Arthaud, 1986. 368 p.
17. Mortureux M.-F. La lexicologie entre langue et discours. Paris: Armand Colin, 2001. 192 p.

Справочные и информационные издания

18. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
19. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

20. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.

Интернет-ресурсы

21. Groupon [Электронный ресурс]. URL: <https://groupon.fr> (дата обращения: 28.08.2018).

References

Istochniki

1. Angers. Guide touristique. Angers: [s. a], 2003. 88 p.
2. Villes d'art en Bourgogne. Dijon: [s. a], 1993. 32 p.

Literatura

3. *Antonovskij A.Yu.* Yazy'k i prostranstvo. (Ponyatie prostranstva v lingvistike) // Uranos i Kronos. Xronotop chelovecheskogo mira. M.: RT-Press, 2001. S. 187–208.
4. *Vikulova L.G., Gedgafova N.A.* Medijnoe kommunikativnoe prostranstvo: nauchno-populyarny'j zhurnal predmetnoj sfery' «puteshestvie» // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Lingvistika». 2018. T. 15. № 1. S. 43–49.
5. *Gak V.G.* Prostranstvo vne prostranstva // Logicheskij analiz yazy'ka. Yazy'ki prostranstv. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 2000. S. 127–134.
6. *Zamyatina N.Yu.* Variacii regional'ny'x obrazov: kognitivno-geograficheskie konteksty' // Polis. 2004. № 5. S. 85–97.
7. *Koul M., Skribner S.* Kul'tura i my'shlenie: Psixologicheskij ocherk. M.: Progress, 1977. 261 s.
8. *Krasny'x V.V.* «Svoj» sredi «chuzhix»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 374 s.
9. *Kubryakova E.S.* O ponyatijax mesta, predmeta i prostranstva // Logicheskij analiz yazy'ka. Yazy'ki prostranstv. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 2000. C. 84–92.
10. *Levontina I.B., Shmelev A.D.* Rodny'e prostory' // Logicheskij analiz yazy'ka. Yazy'ki prostranstv. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 2000. S. 338–347.
11. *Moshnyaga E.V.* Terminosistema mezhdunarodnogo turizma kak lingvokul'turnoe yavlenie // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1. S. 67–73.
12. *Porus V.N.* Prostranstvo i vremena v chelovecheskom izmerenii // Uranos i Kronos. Xronotop chelovecheskogo mira. M.: RT-Press, 2001. S. 20–24.
13. *Superanskaya A.V.* Obshhaya teoriya imeni sobstvennogo. M.: Nauka, 1973. 366 s.
14. *Cherkashina E.I.* Yazy'k dlya special'ny'x celej: opy't prepodavaniya francuzskogo yazy'ka v sfere turizma // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 2 (2). S. 68–71.
15. *Yakovleva E.S.* Fragmenty' russkoj yazy'kovej kartiny' mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatija). M.: Gnozis, 1994. 344 s.
16. *Braudel F.* L'identité de la France. Espace et histoire. Paris: Les Editions Arthaud, 1986. 368 p.
17. *Mortureux M.-F.* La lexicologie entre langue et discours. Paris: Armand Colin, 2001. 192 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

18. *Matveeva T.V.* Uchebny'j slovar': russkij yazy'k, kul'tura rechi, stilistika, ritorika. M.: Flinta: Nauka, 2003. 432 s.
19. *Podol'skaya N.V.* Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. M.: Nauka, 1988. 192 s.
20. *Sovremenny'j tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka / gl. red. S.A. Kuznecov.* M.: Riderz Dajdzhest, 2004. 960 s.

Internet-resursy'

21. Groupon [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://groupon.fr> (data obrashheniya: 28.08.2018).

S.A. Pogodaeva

Tourism Discourse: from Localization to Glocalization

The article considers the category of space significant to French tourism discourse that is represented by various language means. The author emphasizes that the set of the certain means is changing in the era of globalization.

Keywords: space; localization; French tourism discourse; glocalization.

УДК 81'1

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.09

Н.А. Чикало

Этимологическая реконструкция лексики со значением «здоровье» в современных английском и русском языках

В статье представлен анализ семантики индоевропейских корней **der(u)/*dre(u)*- и **kailo-/*kailu-*, прослеживается их эволюция в общегерманский и общеславянский периоды и определяются их рефлексы в древнеанглийском и древнерусском/церковнославянском языках. На основе проведенного анализа формируются группы родственной лексики со значением «здоровье» в современных английском и русском языках.

Ключевые слова: этимологический анализ; индоевропейские корни; родственная лексика; понятие «здоровье».

Этимологический анализ лексики дает исследователю возможность восстановить индоевропейский языковой материал, послуживший фундаментом для развития родственных слов в современных языках, а также проанализировать историческую мотивировку отдельных примеров. В то же время современные словари индоевропейских корней (ИЕК) позволяют в буквальном смысле зреть в корень и анализировать развитие индоевропейского материала в перспективе: с выходом на родственную лексику (когнаты) современных индоевропейских языков, объединенную вокруг определенного понятия.

Из списка корней, содержащихся в словаре Ю. Покорного [14: URL], было выделено два ИЕК, послуживших этимологическим фундаментом для развития лексики со значением «здоровье» в английском и русском языках:

**der(u)/*dre(u)* — «крепкий, твердый, прочный»;

**kailo-/*kailu-* — «целый, неповрежденный, освященный»;

Рассмотрим развитие каждого из представленных ИЕК.

В отношении корня **der(u)* важно замечание Э. Бенвениста относительно наименования дерева во многих индоевропейских языках, где оно получило свое название от качественного прилагательного, обозначающего прочность, крепость [4: с. 342–343].

В общеславянском языке ИЕК **der(u)* изменяется в **dervo*; дериватами этого корня в современном русском языке служат существительные «дерево» и «деревня», для последнего старшим значением выступает «участок земли, очищенный от зарослей (вытеребленный) под пашню» [11: т. I, с. 242–243].

Современные слова с неполногласием «древо», «древесный» происходят от того же ИЕК, но вошли в состав литературного русского языка из книжного церковнославянского. Рефлексом той же индоевропейской основы является собирательное существительное «дрова», которое выступало формой множественного числа общеславянской формы **drъvo* со значением «распиленная/расколота часть дерева, предназначенная для топки» [11: т. I, с. 269].

Развитие корня **deru-* в общеславянском языке не приостанавливается. Древние славяне, сравнивая крепкого человека с крепким рослым деревом, используют так называемую растительную метафору, которая буквально означает «с дерево, (крепкий) как дерево, подобный дереву» [6: с. 93]: общеслав. **sъdorvъ*, где начальное **sъ* — приставка со значением сравнения [11: т. I, с. 321–322]. Последовавшие фонетические изменения — так называемое восточнославянское полногласие и падение глухих — трансформируют краткое прилагательное *сѣдрав*: > *сѣдорвѣ* > *здоров*. В результате в современном русском языке возникают словосочетания *здоровый человек* («крепкий, как дерево»), *здоровенный парень* («рослый, как дерево») и само существительное *здоровье*. Как известно, русская этикетная формула «Здравствуйте!» (2-е лицо, мн. ч. от глагола «здравствовать») является одновременно и приветствием, и пожеланием здоровья, хотя стоит признать, что в сознании носителя русского языка она десемантизирована.

Таким образом, в славянских языках в целом и в русском языке в частности во внутренней форме слова «здоровье» заложен признак «крепкий, как дерево». Именно его можно считать тем, что А.В. Алексеев называет первоначальным признаком номинации [3: с. 80], который, предположительно, служил основой представления о здоровье у древнего славянина.

В древнегерманских языках в результате общегерманского передвижения согласных ИЕК **der(u)* изменяется в общегерманский корень **trewam*, к которому восходит древнеанглийское существительное *treo(w)* > *tree* и прилагательное *trum*. Последнее совмещало в себе конкретные и абстрактные значения: 1) «твердый, крепкий (о материальных объектах)»; 2) «крепкий, сильный, здоровый (о живых существах)»; 3) «крепкий, постоянный» (о нематериальных объектах; например, *truma geleafa* — *крепкая вера*)¹. Вокруг данного прилагательного в древнеанглийском образуется большое словообразовательное гнездо:

древнеангл. *trum* (прил.) — *trumness* (сущ.) — *trumnaþ* (сущ.) — *trumian* (глагол. неперех.) — *truming* (отглагол. сущ.) — *trumman/trymian* (глагол. перех.),

где *trumness* (сущ.) — 1) «крепость, сила, уверенность»; 2) «здоровье»; 3) «подтверждение, поддержка»;

trumnaþ (сущ.) — «укрепление, утверждение»;

trumian (глагол.) — «крепнуть, выздоравливать»;

¹ Далее все примеры древнеанглийской лексики приведены по: Bosworth, Joseph. An Anglo-Saxon Dictionary Online [12].

truming (отглагол. сущ.) — «выздоровление»;

trymman/trymian (глагол. перех.) — 1) «укреплять» (о материальных и нематериальных объектах), 2) «утверждать, подтверждать».

В среднеанглийский период приведенная группа слов полностью вышла из употребления, уступив свои семантические ниши родственной германской лексике и французским заимствованиям: *strong/strength/strengthen* (герм.), *firm/confirmation* (франц.), *recover/recovery* (франц.) [13: URL].

В германском ареале у ИЕК **der(u)* также развивается значение «верный, надежный, преданный». Здесь следует обратиться к критике, высказанной Э. Бенвенистом в отношении работы Х. Остгофа «Дуб и верность» (1901), где немецким лингвистом доказывается, что значение «верность» является производным от более конкретного значения «прочный, надежный, как дуб». Э. Бенвенист последовательно аргументирует несостоятельность данной точки зрения, указывая на то, что и значение «дерево, лес, древесина, дуб», и значение «верность» (специфически в германском ареале) — это две параллельно возникшие специализации ИЕК **der(u)* в его первичном значении «крепкий, прочный», из которых значение «дерево» — более ранняя специализация [9: с. 87]. Таким образом, структура ИЕК **der(u)* последовательно претерпевает метонимическое и метафорическое изменения, из которых метонимизация древнейшего значения «крепкий, прочный» — более ранний семантический сдвиг.

Рефлексы общегерманского корня **treuwaz* в современном английском языке — это прилагательное *true* < древнеангл. *trywe* «правдивый, честный, верный», однокоренное существительное *truth* (уст. *troth*, но сохр. в выражении *to plight one's troth* — давать клятву верности) < древнеангл. *trywþu* «правда, верность» и глагол *trou* (уст.) < древнеангл. *truwian* «доверять». Проводя аналогию, можно обратиться к замечанию О.Г. Чупрыны касательно этимологии древнеанглийского существительного *wyrd* «судьба» < ИЕК **uer-t-* («вращать, крутить»), в семантической структуре которого имела место метафоризация: «...можно предположить, что метафорический сдвиг *повернувшиеся/обернувшиеся (чем-либо)* > *судьба* не был прямолинейным, но сопровождался более сложным понятийным картированием и дополнительными семантическими переходами» [7: с. 36]. Применительно к рассматриваемому семантическому сдвигу в структуре ИЕК **der(u)* предположим, что метафоризация конкретного значения «крепкий, прочный» с переходом к абстрактному «верный, преданный» не стала веерным процессом для большинства индоевропейских языков и имела место исключительно в древнегерманских языках именно в силу сложности когнитивного механизма подобного семантического перехода.

Анализ развития ИЕК **kailo-/*kailu-* («целый, неповрежденный, освященный») приводит к не менее интересным находкам. Изменившись в результате общегерманского передвижения согласных, **kailo-* развивается в **haila-* и становится именной производной основой для новых германских корней —

**hailaga-*, **hailitho*, **hailin* и **hailjan*, в словообразовании которых приняли участие продуктивные германские суффиксы имен существительных, прилагательных и глаголов [10]. В древнеанглийском языке указанные германские корни развиваются следующим образом:

- **общегерм. *haila-** — именная основа > древнеангл. *hāl* (прил.) — «невредимый, крепкий, безопасный, здоровый, целый, весь» > совр. англ. *whole* — «целый, весь» > *wholesome* «полезный») / *hale* — «здоровый» (устар.); древнеангл. *hālettan* (глагол.) — *hāl* + *hātan* — «звать» — «здороваться» > совр. англ. — не получило развития.

Интерес представляет древнеанглийский глагол *hālettan* — «приветствовать, здороваться» — предположительно, производное от прилагательного *hāl* и древнеанглийского глагола *hātan* — «звать, называть, приказывать, обещать» [2: с. 198]: *Wæs þū hāl!* — древнеанглийское приветствие «Будь здоров! / Здравствуй!» (хотя совр. англ. застольная формула *wassail* — «Ваше здоровье!» восходит к фонетически упрощенной скандинавской форме *ves heill* [13]). Древнеанглийский глагол *hālettan* не получил развития в современном английском языке, уступив свою лексико-семантическую нишу глаголу *greet* < древнеангл. *grētan*;

- **общегерм. *hailaga** — производное прилагательное > древнеангл. *hālig* (прил.) «священный, святой» образовано при помощи др. англ. суф. *-ig* < *общегерм. **-ag* < индоевр. **-iko*; > совр. англ. *holy* — «святой» > *holiness* «святость», *holiday* «праздник»;
- **общегерм. *hailagon** — производный глагол > древнеангл. *hālgian* (глагол.) «святить, освящать» образован добавлением глагольного суффикса *on*; > совр. англ. *hallow* «освящать»; > древнеангл. *hāлга* (сущ.) «святой» > остаточен в совр. англ. *all hallows* / *Halloween* «День всех святых»;
- **общегерм. *hailjan** — производный глагол > древнеангл. *hāelan* (глагол.) образован при помощи герм. суф. *-ja-* < индоевр. **-i-*; > совр. англ. *heal* «целить, исцелять, заживать» > *healer* «целитель, знахарь»; > древнеангл. *hāeland* (сущ.) «спаситель (Господь)» образовано от причастия глагола *hāelan* «лечить, исцелять, спасать» > совр. англ. — не получило развития.

В семантике глагола *hāelan* произошли динамические процессы с утратой сем «лечить» и «спасать». Современный глагол *heal*, помимо более позднего непереходного значения «заживать», означает «излечивать, исцелять», что подразумевает использование методов нетрадиционной медицины. В данном значении из всех производных именно глагол *heal* ближе всего стоит к старшему значению ИЕК **kailo-/*kailu-* «целый»: дохристианская практика исцеления в древнегерманском мире заключалась именно в спасении человека от проникших в него злых сил, вызывающих недуги, и в возвращении больному утраченной в болезни целостности, на что, в частности, указывает Д. Грин [8: с. 19]. Врачевание в таком мифологическом свете рассматривалось как собирание

человека, разбитого демонами, до состояния целого (ср. в рус. яз. *голова раскалывается, паралич разбил, совсем развалилась*). В индоевропейских древних ритуальных заклинаниях на исцеление отмечается последовательное перечисление частей тела больного, что, по замечанию Т. Гамкрелидзе и В. Иванова, «...может означать веру в исцеление человека как бы путем сложения его в единое целое» [5: с. 819];

- **общегерм. *hailitho/*hailin** — производные существительные > древнеангл. *hǣl/hǣlu/hǣlp* (сущ.) «1) здоровье; 2) безопасность, невредимость; 3) исцеление, выздоровление; 4) благо, благополучие, процветание; 5) счастье, спасение; 6) благое предзнаменование, покровительство»; образованы при помощи герм. суффиксов абстрактных имен *-itho < *u-e. *-eta / o-г. *-in*; > совр. англ. *health* «здоровье» > *healthy/healthful*.

Как видно из приведенных примеров, древнеанглийское существительное *hǣl/hǣlu/hǣlp* было представлено сразу несколькими формами, восходящими к общегерманским корням **hailitho/*hailin*. Среднеязычная корневая гласная всех трех форм — результат действия *i-умлаута* с дальнейшей редукцией и утратой суффикса *-in в форме *hǣl*. Форма *hǣlu* — более позднее производное с древнеанглийским суффиксом *-u*, который использовался для образования отвлеченных понятий (ср. *brǣdu, hǣtu, lengu, strengu*) [10]. В форме *hǣlp* суффикс *-þ(u)* со временем заменил *-u*, и в дальнейшем она развилась в современное существительное *health*, ставшее именной основой для новых производных *healthy, healthful* [13].

Из приведенных ранее шести значений полисемантического существительного *hǣl/hǣlþu/hǣlu* только первое значение «здоровье» осталось в семантике совр. англ. *health*. Другие варианты начиная со среднеанглийского периода стали передаваться средствами слов французского происхождения: 2) *safety*; 3) *cure, recovery*; 4) *prosperity*; 5) *salvation*; 6) *omen, auspice*.

В русском языке рефлексy ИЕК **kailo-* — это многочисленный класс слов от палатализованного общеславянского корня **сѣль-* > *цел-*, которые входят в состав русского языка с XI в.: *цел* (форма краткого прилагательного, сохранившаяся в устойчивом выражении «цел и невредим» / целый (первоначально со значениями «здоровый, невредимый, крепкий, весь»), *цельный, целебный, целить* (буквально «восстанавливать (утраченную) целостность»; ср. вышеупомянутое значение глагола *heal*), *цельба* (устар.) [11: т. II, с. 364–365].

Интересно, что слово «целовать» в русском языке также хранит память об ИЕК **kailo-*. Церковнославянский глагол *цѣловати* выступал в значении «приветствовать, благодарить», которое является более поздним развитием старшего общеславянского значения «желать здоровья и невредимости» (общеслав. **сѣловати*), а значит физической целостности (ср. вышеупомянутый древнеангл. глагол *hǣlletan* с тем же значением). Пример из церковнославянского перевода Евангелия от Луки (Глава 1, стихи 39–49, 56) иллюстрирует значение приветствия глагола *цѣловати*:

«Во дни оны, воставши, Мариам, иде в горняя со тщанием, во град Иудов. И вниде в дом Захариин, и *целова* Елисавет (в синодальном переводе — приветствовала Елисавету). И бысть яко услыша Елисавет целование Мариино (в переводе — *приветствие* Марии. — Н. Ч.), възграся младенец во чреве ея, и исполнися Духа Свята Елисавет» (Евангелие от Луки) [1: URL].

Таким образом, анализ ИЕК **der(u)* и **kailo-* позволяет выделить следующие группы родственной лексики (когнатов) со значением «здоровье» в современных английском и русском языках:

1. **Когнаты от ИЕК **der(u)*:**

англ.: (все производные со значением «здоровье» древнеангл. *trum* были утрачены);

рус.: здоровый, здоровье, здравствовать, здороваться, здравствуйте.

2. **Когнаты от ИЕК **kailo-*:**

англ.: wholesome, hale (поэт.), health/healthy/healthful, heal, healer;

рус.: цел (например, в устойчивом выражении «цел и невредим»), цельный, целебный, исцелять, исцеление, цельба (устар.), целитель.

Библиографический список

Источники

1. Евангелие от Луки [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Lk>. (дата обращения: 01.11.2017).

2. *Смирницкий А.И.* Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историко-этимологическим словарем. М.: Академия, 2007. 304 с.

Литература

3. *Алексеев А.В.* Происхождение древнерусского концепта *тьрпѣние*: этимологический аспект // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3 (23). С. 79–85.

4. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 456 с.

5. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. 1330 с.

6. *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. Ленинград: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1986. 312 с.

7. *Чупрына О.Г.* Эволюция языковой репрезентации понятия *судьба* в английском языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 36–43.

8. *Green D.* Language and History in the Early Germanic World. Cambridge University Press, 1998. 444 p.

Справочные и информационные издания

9. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.

10. Сравнительная грамматика германских языков / гл. ред. М.М. Гухман [и др.]. М.: Наука, 1966, Т. 3, 4.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1, 2.
12. *Bosworth Joseph*. An Anglo-Saxon Dictionary Online [Электронный ресурс]. URL: www.bosworthtoller.com (дата обращения: 08.02.2018).
13. Online Etymological Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.etymonline.com (дата обращения: 20.02.2018).
14. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm> (дата обращения: 08.02.2018).

References

Istochniki

1. Evangelie ot Luki [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Lk>. (data obrashheniya: 01.11.2017).
2. *Smirniczkiy A.I.* Xrestomatiya po istorii anglijskogo yazy'ka s VII po XVII v. s grammaticheskimi tabliczami i istoriko-e'timologicheskim slovarem. M.: Akademiya, 2007. 304 s.

Literatura

3. *Alekseev A.V.* Proisxozhdenie drevnerusskogo koncepta *тырпѣние*: e'timologicheskij aspekt // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 3 (23). S. 79–85.
4. *Benvenist E'*. Obshhaya lingvistika. M.: Progress, 1974. 456 s.
5. *Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V.* Indoevropskij yazy'k i indoevropejcy'. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta, 1984. 1330 s.
6. *Kolesov V.V.* Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1986. 312 s.
7. *Chupry'na O.G.* E'voluciya yazy'kovoj reprezentacii ponyatiya *sud'ba* v anglijskom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 36–43.
8. *Green D.* Language and History in the Early Germanic World. Cambridge University Press, 1998. 444 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. *Benvenist E'*. Slovar' indoevropskix social'ny'x terminov. M.: Progress-Univers, 1995. 456 s.
10. Sravnitel'naya grammatika germanskix yazy'kov / gl. red. М.М. Гухман [и др.]. М.: Наука, 1966. Т. 3, 4.
11. *Cherny'x P.Ya.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1, 2.
12. *Bosworth Joseph*. An Anglo-Saxon Dictionary Online [E'lektronny'j resurs]. URL: www.bosworthtoller.com (data obrashheniya: 08.02.2018).
13. Online Etymological Dictionary [E'lektronny'j resurs]. URL: www.etymonline.com (data obrashheniya: 20.02.2018).

14. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm> (data obrashheniya: 08.02.2018).

N.A. Chikalo

**Etymological Reconstruction of Vocabulary with Meaning «Health»
in Modern English and Russian Languages**

The article analyses the semantics of the Indo-European roots **der(u)/*dre(u)-* and **kailo-/*kai-lu-*, traces their evolution in the Old Germanic and Old Slavonic periods and places their reflexes in Old English and Old Russian / Church Slavonic. On the basis of the given analysis modern English and Russian cognates are grouped round the common meaning «health».

Keywords: etymological analysis; Indo-European roots; cognates; concept of health.

УДК 811.521

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.10

Н.Г. Румак

К вопросу о лексикографическом описании ономатопоэтических слов японского языка

В статье рассматриваются некоторые проблемы лексикографического описания ономатопоэтических слов японского языка. Освещается вопрос предположительной несамостоятельности значения этих единиц, сложность структуры значения ономатопоэтических слов и их многозначность. Представлены также различные подходы к описанию значений ономатопоэтических слов, выражающих эмоции.

Ключевые слова: японский язык; ономатопоэтическая лексика; лексикография.

Ономатопея (звукоподражание) и звукоимитация определяются как закономерная, произвольная, фонетическая мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым или незвуковым признаком соответственно [3]. Мы определяем ономатопоэтические единицы японского языка (*гионго* — звукоподражательные слова и *гитайго* — звукоизобразительные слова) как лексемы, непосредственно передающие звуки живой и неживой природы, физические и эмоциональные ощущения, описывающие действия и состояния предметов.

Семантическим и структурным классификациям японских ономатопоэтических слов, описанию их функций и т. д. посвящены исследования японских, российских и западных лингвистов. Кроме этого, издано довольно много словарей ономатопоэтических слов, как толковых, так и двуязычных. Одним из наиболее логично организованных словарей является *Giongo-gitago tsukaikata jiten* [12]. В расположенных в алфавитном порядке словарных статьях определяется семантическая категория единицы (звукоподражание, наречие образа действия, наречие степени), описываются ее значения, перечисляются глаголы, с которыми сочетается эта единица, и дается некоторое количество примеров употребления.

По образцу [12] был создан двуязычный словарь Н.Г. Румак и О.П. Зотовой [13], который, по классификации Н.А. Нечаевой [4], относится к лингвистическим лексико-семантическим частным словарям. Поскольку издание содержит толкования значений ономатопоэтических слов, то, на наш взгляд, он не является чисто переводным. Во время работы над рукописью перед авторами встали некоторые проблемы лексикографического описания ономатопоэтических единиц: связанность их значения, полисемичность, разные подходы к толкованию ономатопоэтических лексем. В этой связи представляется

целесообразным при составлении словарных статей для оноματοпоэтических слов японского языка принимать во внимание особенности именно этого слоя лексики.

Некоторые лингвисты считают, что японские оноματοпоэтические слова не обладают собственным лексическим значением, а приобретают или реализуют значение только в устойчивых словосочетаниях [2]. Как и любые другие наречия (в работе С.А. Быковой [Там же] рассматриваются в первую очередь именно оноματοпоэтические слова — наречия), оноματοпоэтические единицы не употребляются в предложении обособленно. Правила японской грамматики не позволяют употребить отдельно, например, наречие *такусан* «много»: нельзя сказать *хана-га такусан да*, но только *хана-га такусан ару* «цветов много (есть)»; подобным образом не может быть употреблено отдельно оноματοпоэтическое слово — наречие, например, *этиэти*: нельзя сказать *кодомо-га этиэти да*, но *кодомо-га этиэти аруку* «ребенок ковыляет».

Сочетаемость оноματοпоэтических единиц с глаголами действительно ограничена: «...Оноματοпоэтические слова *пикапика*, *гэссори*, *бирибири* в разных устойчивых словосочетаниях могут означать “очень”, “сильно”, т. е. высшую степень того или иного действия. Но для того, чтобы глагол *ясэру* “худеть” приобрел дополнительную сему “очень”, он должен быть употреблен в сочетании со словом *гэссори*... глагол *хикару* “сверкать” — с *пикапика*...» [Там же: с. 23]. На наш взгляд, такая сочетаемость доказывает, что основные семы упомянутых оноματοпоэтических единиц совпадают с основными семами связанных с ними глаголов, но вовсе не говорит о полном отсутствии собственного значения у этих единиц.

Позволим себе утверждать, что С.А. Быкова [2] рассматривает два вида оноματοпоэтических словосочетаний — детерминированные и комплементарные, по определению, представленному у Х. Какехи [10]. Оноματοпоэтические единицы — члены детерминированных сочетаний совпадают в своем основном значении с главным словом — глаголом, но имеют и дополнительные семы, сужающие значение глагола. Члены комплементарных сочетаний полностью совпадают с глаголом в основных элементах значения, добавляя к значению словосочетания лишь семы образности, интенсивности и др., поэтому могут заменить глагол, с которым они связаны. В результате оноματοпоэтические слова этой категории могут использоваться либо с вербализатором *-суру* вместо обычно сочетающегося с ними глагола, либо самостоятельно, например, в рекламных текстах, заголовках газет и т. п. [Там же]. Автономные словосочетания подразумевают возможность употребления оноματοпоэтических слов практически с любыми глаголами.

Отметим, что большинство словарей оноματοпоэтической лексики (в том числе [12]) приводят в словарных статьях глаголы, сочетающиеся с соответствующими оноματοпоэтическими словами, а также иллюстрируют употребление звукоподражаний *гисэйго* и звукоизобразительных слов *гитайго* большим количеством примеров. Таким образом, проблема несамостоятельности

значения или, вернее, ограниченной сочетаемости оноματοпоэтических единиц решается на уровне организации словарных статей.

Подавляющее большинство оноματοпоэтических единиц являются многозначными [6], при этом их значения демонстрируют регулярность в развитии от конкретных (звукоподражание; образ или состояние) к более абстрактным (движения или действия, ощущения и эмоции) путем метафорического или метонимического переноса. Поскольку наиболее конкретные значения данных лексем, видимо, первичны, логичным представляется располагать значения именно в этом порядке, однако некоторые затруднения вызывают «ветвящиеся» значения.

При анализе многозначных слов в толковом двуязычном словаре [13] выявлен ряд единиц, имеющих несколько значений одного уровня конкретности (например, звукоподражаний: *пинпин* — звук энергичного отскакивания; вибрирующий в воздухе звук, голос, *буцубуцу* — звук неоднократного разрезания, протыкания; невнятное бормотание), которые далее развиваются по общим парадигмам. Подобных примеров не очень много, поэтому критерии определения порядка описания их значений предпочтительно оговаривать в предисловии к словарю. Другой вариант — разноуровневая нумерация в тех случаях, когда это релевантно для пользователей: значения, развивающиеся параллельно, могут получать нумерацию по порядку (1, 2 и т. д.), а их ответвления — нумерацию подуровней (1.1, 1.2, 2.1, 2.2 и т. д.).

Однако сложность в употреблении оноματοпоэтических единиц не исчерпывается существованием у них нескольких значений. Некоторые исследователи указывают на одновременную актуализацию в одной единице разных значений [9: с. 45–47], что позволяет употреблять оноματοпоэтические единицы, в частности, в поэзии, создавая богатые ассоциативные ряды. В этом случае, очевидно, задача лексикографического описания — как можно точнее указать все элементы значения (семы), которые могут реализоваться в том или ином контексте. Для этого необходимо разработать критерии выделения релевантных для описания компонентов значения единицы: соотнесенность со звуком или образом, движением или состоянием, тактильным, аудиальным или визуальным восприятием и т. д., например на основании семантических категорий, предложенных в работе С. В. Чиронова [7]. Для каждой категории, кроме самых общих (интенсивность, положительное/отрицательное восприятие и т. п.), могут существовать свои наборы сем: направление, скорость, частота, количество и т. д.

Московская семантическая школа принципиально отказывается от разложения значения лексической единицы на компоненты (семы) и выделения интегральных и дифференциальных сем [1: с. 467]. Вместо этого Ю.Д. Апресян предлагает метафорическое описание эмоций [Там же, с. 459], к которым (в широком смысле слова), безусловно, относятся оноματοпоэтические единицы. Считая вслед за Ю.Д. Апресяном, что предметом описания этого класса лексики является наивная¹ картина мира, мы полагаем допустимым рассматривать

¹ Подробнее об отличиях наивной и научной картины мира см.: [3].

ономатопозэтические единицы в рамках выделяемых для них семи систем восприятия, «из функционирования и взаимодействия которых складывается поведение человека»: собственно восприятия, осуществляемого органами тела, физиологии (ощущений тела в целом), моторики (действий частей тела), желаний (проявлений воли), интеллекта (работы ума), собственно эмоций (чувств души), речи (акта говорения) [1: с. 459].

Такой подход становится применимым, в частности, благодаря описанной ранее способности ономатопозэтических слов не только сочетать в одной единице разные значения (это свойство мы обнаруживаем и в других многозначных словах), но и актуализировать их одновременно, распределяя значения от наиболее конкретных (восприятие) до наиболее абстрактных (интеллект и эмоции). В то же время одновременная актуализация разных значений полисемичной единицы лишает исследователя возможности описывать ономатопозэтические единицы метафорически, поскольку эта метафоричность изначально заложена в значении полисемичных ономатопозэтических лексем.

Существует еще один подход к лексикографическому описанию ономатопозэтических единиц: описание значения с использованием набора семантических примитивов [11]. Такие наборы разработаны для разных языков, в том числе для японского, хотя универсальный естественный семантический метаязык (ЕСМ) считается независимым от языка использования (*language independent*). Подобное описание для японских ономатопозэтических слов, обозначающих боль или различные эмоции, предлагается, например, в работах Ю. Асано-Кавана и Р. Хасада [8, 9].

Японский лингвист Р. Хасада, поясняя с помощью ЕСМ ономатопозэтические единицы, выражающие моментальные или более длительные эмоциональные состояния, использует описания физических ощущений, подобно тому как Ю.Д. Апресян предлагает «ввести в состав толкования сравнения типа “душа человека при эмоции X чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда оно находится под действием физического фактора У или в физическом состоянии У”» [1: с. 461]. Так, одним из элементов толкования единицы *kat* служит следующий: «Этот человек чувствует себя, как кто-то, кто думает так: “Я сейчас нахожусь в очень жарком месте”» [9: с. 79], а толкование *мукат* содержит такое описание: «Этот человек чувствует себя, как кто-то, кто думает так: “Что-то очень плохое в моем желудке выйдет наружу сейчас”» [Там же: с. 83]. Из рассмотренных в книге Р. Хасада [9] двадцати трех ономатопозэтических единиц одиннадцать обозначают непосредственные аудиальные, визуальные или тактильные ощущения.

То же явление отмечает Ю. Асано-Кавана: все шесть рассмотренных в ее работе ономатопозэтических единиц, описывающих боль, передают метафорическое значение ощущения какого-то движения внутри части тела или соприкосновения с этой частью тела [8].

В словаре [13] мы обнаруживаем, что второе (после звукоподражания) значение единицы *kat* — «состояние, при котором интенсивно ощущаются

солнечный свет или жар; резкое ощущение сильного жара внутри тела» [13: с. 50]; а первое значение единицы *мукат* — это «плохое самочувствие, тошнота» [Там же: с. 450]. Единица *кирикири* имеет два значения: «продолжительная острая боль, как от ввинчивания сверла» и «вращение» [Там же: с. 94], а *тикутику* — значения «физическая или душевная боль, как от неоднократных уколов иглой» и «мелкие неоднократные уколы острым предметом» [Там же: с. 238]. Можно предположить, что, по крайней мере, в некоторых случаях более абстрактное значение (эмоциональное состояние) не только развивается из более конкретного (физическое ощущение) путем метафорического или метонимического переноса, но и сохраняет в себе эту метафору в качестве одного из элементов значения и, следовательно, не может быть описано иным способом, кроме как через метафору. Этот тезис требует дальнейшего изучения, в том числе для обнаружения зависимости между вероятностью сохранения метафоры и степенью конкретности ощущений, которым уподобляется описываемая эмоция.

Таким образом, мы считаем необходимым при дальнейшей работе со словарями оноματοпоэтических единиц и составлении их лексикографического описания уделять большое внимание рассмотренным нами проблемам:

1. Для указания на связанность значения оноματοпоэтического слова необходимо приводить те единицы (глаголы), с которыми это слово употребляется в устойчивых словосочетаниях.

2. При описании значений полисемичных оноματοпоэтических единиц предпочтительно располагать значения от конкретных к более абстрактным. При ветвлении значений можно предложить разноуровневую нумерацию.

3. При толковании значений оноματοпоэтических слов, выражающих эмоциональные состояния, представляется целесообразным опираться на метафору физического состояния или ощущения человека, который испытывает описываемую эмоцию.

Библиографический список

Литература

1. Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Избр. тр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 453–465.
2. Быкова С.А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1985. 63 с.
3. Воронин С.В. Звукоподражание. Звукосимволизм // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Рос. энцикл., 2003. С. 165–166.
4. Нечаева Н.А. Языковая картина мира: наивная и научная // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2 (22). С. 70–77.
5. Осипова Л.И. О типах лингвистических словарей // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 37–46.

6. Румак Н.Г. Полисемичные ономатопозитические слова в японском языке // Вестник Московск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2017. № 4. С. 20–28.

7. Чиронов С.В. Об основных содержательных характеристиках формальной структуры японских ономатопов // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2004. № 2. С. 64–81.

8. *Asano-Cavanagh Yu.* Japanese interpretations of «pain» and the use of psychomimes // *International Journal of Language and Culture*, Volume 1, Issue 2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2014. P. 216–238.

9. *Hasada R.* The semantic aspects of onomatopoeia: focusing on Japanese psychomimes. Australia. 1994. 163 p.

10. *Takehi H.* Ippan Goi to natta Onomatope // *Gengo*, № 6, vol. 22. Tokyo. 1993. P. 38–45.

11. *Wierzbicka A.* Universal Semantic Primitives as a Basis for Lexical Semantics // *Folia Linguistica*. Amsterdam. De Gruyter Mouton. 1995. 29 (1). P. 149–169.

Справочные и информационные издания

12. *Atoda T., Hoshino K.* Giongo-gitaigo tsukaikata jiten, 2nd ed. Tokyo: Sotakusha. 1995.

13. Румак Н.Г., Зотова О.П. Толковый японско-русский словарь ономатопозитических слов. М.: Моногатири, 2012. 496 с.

References

Literatura

1. *Apresyan Yu.D.* Metafora v semanticheskom predstavlenii e'mocij / Izbr. tr. M.: Shkola «Yazy'ki russkoj kultury'», 1995. T. 2: Integral'noe opisaniye yazy'ka i sistemnaya leksikografiya. S. 453–465.

2. *By'kova S.A.* Ustojchivye slovosochetaniya v sovremennom yaponskom yazy'ke. M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1985. 63 s.

3. *Voronin S.V.* Zvukopodrazhanie. Zvukosimvolizm // *Yazy'koznanie. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar' / pod red. V.N. Yarcevoj.* M.: Bol'shaya Ros. e'ncikl., 1998. P. 165–166.

4. *Nechaeva N.A.* Yazy'kovaya kartina mira: naivnaya i nauchnaya // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2016. № 2 (22). S. 70–77.

5. *Osipova L.I.* O tipax lingvisticheskix slovarej // *Vestnik MGPU Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2014. № 2 (14). S. 37–46.

6. *Rumak N.G.* Polisemichny'e onomatopoe'ticheskie slova v yaponskom yazy'ke // *Vestnik Moskovsk. un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie.* 2017. № 4. S. 20–28.

7. *Chironov S.V.* Ob osnovny'x sodержatel'ny'x karakteristikah formal'noj struktury' yaponskix onomatopov // *Vestnik Moskovsk. un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie.* 2004. № 2. S. 64–81.

8. *Asano-Cavanagh Yu.* Japanese interpretations of «pain» and the use of psychomimes // *International Journal of Language and Culture*, Volume 1, Issue 2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2014. P. 216–238.

9. *Hasada R.* The semantic aspects of onomatopoeia: focusing on Japanese psychomimes. Australia. 1994. 163 p.

10. *Takehi H.* Ippan Goi to natta Onomatope // *Gengo*, № 6, vol. 22. Tokyo. 1993. P. 38–45.

11. *Wierzbicka A.* Universal Semantic Primitives as a Basis for Lexical Semantics // *Folia Linguistica*. Amsterdam. De Gruyter Mouton. 1995. 29 (1). P. 149–169.

Spravochny'e i informatsionny'e izdaniya

12. *Atoda T., Hoshino K.* *Giongo-gitaigo tsukaikata jiten*, 2nd ed. Tokyo: Sotakusha. 1995.

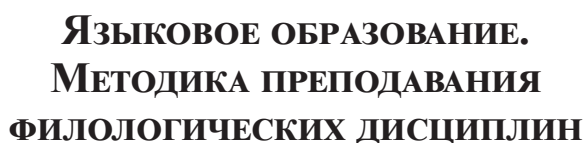
13. *Rumak N.G., Zotova O.P.* *Tolkovy'j yaponsko-russkij slovar' onomatopoe'ticheskix slov*. M.: Monogatari, 2012. 496 s.

N.G. Rumak

Lexicographic Description of Japanese Onomatopoeic Words

The article briefly reviews certain problems in lexicographic description of onomatopoeic words in the Japanese language, connected with supposed dependence of their meaning, complex semantic structure of meaning, their polysemy and different approaches to description of the meaning of words expressing emotions.

Keywords: Japanese language; onomatopoeic words; lexicography.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

УДК 811.111'27

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.11

Н.С. Агеева

Сайт вуза как социально востребованный жанр в виртуальном образовательном пространстве: Ноттингемский университет (Великобритания)

В статье проводится анализ аттрактивных языковых средств, используемых для повышения привлекательности контента сайта Ноттингемского университета для целевой аудитории. Рассматриваются основные смысловые блоки сайта и функции, которые они выполняют в рамках жанра рекламного дискурса.

Ключевые слова: виртуальное образовательное пространство; аттрактивность; информационный контент; интернационализация образования.

Развитие цифровых технологий способствует возникновению новых коммуникативных практик различных институциональных дискурсов: дипломатического, маркетингового, образовательного и др. [2: с. 55]. В свою очередь, современные тенденции интернационализации высшего образования определяют формат представления информационного контента на интернет-сайтах высших учебных заведений. Под интернационализацией университетов понимается включение международного аспекта во все компоненты управления вузом в целях повышения качества преподавания и исследований и достижения требуемых компетенций [9: с. 7]. Поскольку университетский сайт является социально востребованным жанром институционального дискурса, его прагматический характер направлен на создание привлекательного образа альма-матер в глазах целевой аудитории [5: с. 147]. Для этого, помимо собственно функции информирования, коммуникативное пространство сайта выполняет другие функции, свойственные рекламному дискурсу, а именно: репрезентативную — представляет конкретную информацию об адресанте; воздействующую — убеждает в актуальности информации и активизирует интерес адресата; апеллятивно-эмоциональную — выражает заинтересованное обращение к адресату за счет различных средств воздействия [3: с. 126].

Обратимся к анализу сайта одного из ведущих университетов Великобритании, международного партнера МГПУ — Ноттингемского университета — с целью выявить лингвистические средства, которые придают аттрактивность его контенту¹ [1: URL]. Существительное *аттрактивность* означает нечто привлекательное, притягивающее эмоционально [14: с. 16]. Поскольку целевая аудитория является ключевым фактором, определяющим коммуникативное пространство университетского сайта [12: с. 131], в данной работе аттрактивность понимается более узко, как свойство лингвистического объекта обращать на себя повышенное внимание пользователей Сети для обеспечения успешной интернет-коммуникации.

Для анализа контента интернет-сайта Ноттингемского университета мы воспользовались классификацией, разработанной Российским советом по международным делам и описанной в ежегодном докладе «Электронная интернационализация: англоязычные интернет-ресурсы российских университетов» [11: с. 13]. Из нее следует, что информационный контент университетского сайта включает в себя отдельные смысловые блоки, которые вычленяются на основе потребностей целевой аудитории, а также направлений деятельности вуза.

Рассмотрим несколько ключевых смысловых блоков коммуникативного пространства сайта Ноттингемского университета.

Блок «*Информация об университете*». Домашняя страница сайта, на которой представлены основные сведения об университетской деятельности, играет ключевую роль в репрезентации высшего учебного заведения как в международном образовательном сообществе, так и в восприятии конкретного пользователя. Ограниченный размер страницы диктует условия выбора презентационных техник: большую ее часть занимает слайдер — визуальный блок, с заданной периодичностью демонстрирующий информацию, на которую посетители сайта должны обратить внимание в первую очередь [7: с. 66]. Например, заголовок первого слайда содержит амбициозное заявление о том, что университет входит в *TOP 20 for teaching in Europe* (20 лучших вузов Европы по качеству преподавания).

Блок «*История университета*» включает в себя два ценных фактора: *Academic highlights* (научные достижения) и *Famous graduates* (знаменитые выпускники), к числу которых принадлежат нобелевские лауреаты или известные люди, добившиеся успеха в различных сферах. Значительность и ценность их достижений подчеркивают качественные прилагательные с положительной коннотацией: *leading edge (scientists)* — ведущие ученые, *significant (contributions)* — значительный вклад, *amazing (list of sporting alumni elite)* — внушительный список заслуженных спортсменов — выпускников университета.

Блок «*Поступление в университет*» имеет подзаголовок, напоминающий рекламный слоган:

¹ Контент — это значимая информация, содержимое, представленное на сайте [13: с. 80].

Take your first step into a world where the exceptional happens. Find out how to apply to study at the University of Nottingham. — Сделайте первый шаг в мир, который превзойдет все ваши ожидания. Узнайте, как поступить в Ноттингемский университет (здесь и далее перевод наш. — Н. А.).

Первое предложение создает привлекательный образ университета с помощью прилагательного *exceptional* (превосходный, исключительный), второе — выполняет функцию ориентирования пользователя в пространстве сайта, приглашая его перейти к следующему уровню информации.

В блоке «*Образовательные программы*» непосредственно рядом с главным функциональным элементом страницы — фильтром образовательных программ, расположен слайдер, заголовок которого *Unlock your potential* (Раскройте свой потенциал) апеллирует к ключевой потребности целевой аудитории — реализовать свои возможности. Объективировав данную потребность, адресант в следующем предложении предлагает средство ее удовлетворения — обучение в «идеальном образовательном пространстве» (*perfect teaching and learning environment*).

Блок «*Подразделения и факультеты*» раскрывает структуру Ноттингемского университета. В качестве примера рассмотрим текст о гуманитарном факультете, где упоминаются такие ключевые для человеческой жизни понятия, как *birth, love, death* (рождение, любовь, смерть), а также вопросы, связанные с актуальными областями философского знания: *ethics, knowledge, evidence, relation of our future to our past, individual's place in society and the world* (этика, знание и его доказательство, взаимосвязь нашего прошлого и будущего, место индивидуума в обществе и мире). Отсылка к универсальным гуманистическим ценностям служит одним из способов придания тексту аттрактивности [6: с. 4]. Помимо этого, в тексте встречаются оценочные прилагательные *profound* (принципиальный), *important* (важный), прилагательное превосходной степени *the most significant* (наиболее значительный).

Блок «*Библиотека*» призван подчеркнуть удобство университетской библиотеки, способствующей качественной учебной деятельности. Решить поставленную задачу помогают такие прилагательные, как *inspiring (learning environment)* — вдохновляющее образовательное пространство, *extensive (collections)* — обширные коллекции, *helpful knowledgeable (staff)* — услужливые компетентные сотрудники.

Блок «*Наука и исследования*», посвященный научной деятельности университета, выступающей одним из ценностных ориентиров для адресата, отражает актуальные направления изысканий [10: с. 81]. Авторы активно используют термин «инновация» и слова из общего с ним семантического поля: *field-leading (responses)* — передовые решения, *cutting-edge (research)* — новейшие исследования, *breakthrough (thinking)* — революционное видение, *transformative (technologies)* — прогрессивные технологии.

В блоке «*Миссия и стратегические цели университета*» путем обращения к универсальным ценностям реализуются воздействующая и апеллятивно-

эмоциональная функции: *sustaining and improving communities in which we are located* (поддержка и развитие местных сообществ); *social responsibility* (социальная ответственность); *enhance industry, health and well-being, policy formation, culture and purposeful citizenship* (развитие промышленности, здоровья и благосостояния, экономической политики, культуры и ответственной гражданской позиции) [8: с. 8].

Блок «*Основные показатели*» представляет главные результаты деятельности учреждения в виде таблиц и сводных отчетов. При этом функция репрезентации вуза реализуется в кратких подписях к документам, раскрывающим позиции, занимаемые им в различных рейтингах, например:

We are ranked in the UK and European top 30 and in the top 1 percent of all universities worldwide. — Мы входим в тридцатку лучших вузов Великобритании и Европы, а также занимаем позиции в пределах одного процента лучших мировых университетов.

В блоке «*Социальная жизнь университета*» говорится о том, что он имеет аккаунты во всех ведущих мировых и национальных социальных сетях (Facebook, Instagram, Flickr, Tumbler, Twitter и пр.), в том числе в трех китайских, а также в российской сети «ВКонтакте». Таким образом создается открытое динамичное коммуникативное пространство, где пользователи из других стран могут почувствовать себя частью университетского сообщества [4: с. 26].

Рассмотрев сайт учебного заведения как социально востребованный текст, представленный в виртуальном образовательном пространстве, можно сделать вывод о том, что Ноттингемский университет стремится позиционировать себя в качестве ведущего европейского и мирового вуза за счет обеспечения привлекательности информационного контента.

Библиографический список

Источники

1. Nottingham University, the official university website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nottingham.ac.uk/> (дата обращения: 01.07.2018).

Литература

2. Викулова Л.Г., Макарова И.В., Новиков Н.В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 3. С. 54–65.

3. Викулова Л.Г., Рянская Э.М. Социально востребованный текст в гуманитарной практике: инструкция к лекарственным препаратам // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 124–129.

4. Викулова Л.Г., Герасимова С.А., Макарова И.В. Виртуальное образовательное пространство: музей И.С. Тургенева во Франции // Kant. 2017. № 3 (24). С. 24–28.

5. Карасик В.И. Дискурс // Научный журнал Дискурс-ПИ. 2015. № 3–4. С. 147–148.

6. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография / отв. ред. Л.Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
7. Митягина В.А. Презентационные техники информационных туристических порталов: проблемы перевода // Лингвосомиотика дискурса: коллективная монография к 60-летию проф. А.В. Оляничка / отв. ред. В.И. Карасик. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2017. С. 66–77.
8. Серебренникова Е.Ф. В поисках «глубинного уровня»: некоторые аспекты лингвистической аксиологической диагностики // Вестник ИГЛУ. Сер. «Филология». 2012. № 2 (19). С. 6–11.
9. Тимофеев И.Н., Кузнецова А.Ю., Карпинская Е.О. Электронная интернационализация: англоязычные интернет-ресурсы российских университетов (2017–2018 гг.) // Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2018. № 40. 52 с.
10. Чернявская В.Е. Ценностные ориентиры научной деятельности: бескорыстие исследователя или экономизация науки? // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 80–86.
11. Электронная интернационализация: англоязычные интернет-ресурсы российских университетов / Тимофеев И.Н. [и др.] // Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. № 24. 56 с.
12. Maringe F., Gibbs P. Marketing Higher Education: Theory and Practice // Buckingham: Open University Press, 2008. 224 p.

Справочные и информационные издания

13. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации. Англо-русский толковый словарь концепций и терминов / отв. ред. Я.Н. Зарусский. М.: Изд-во Московск. ун-та, 2004. 415 с.
14. Минаева Л.В. Учебный словарь языка связей с общественностью / отв. ред. Л.В. Минаева. М.: Рус. яз. – Медиа, Дрофа, 2010. 388 с.

References

Istochniki

1. Nottingham University, the official university website [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.nottingham.ac.uk/> (data obrashheniya: 01.07.2018).

Literatura

2. Vikulova L.G., Makarova I.V., Novikov N.V. Institucional'ny'j diskurs cifrovoj diplomatii: novy'e kommunikativny'e praktiki // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazy'kovedenie. 2016. T. 15. № 3. S. 54–65.
3. Vikulova L.G., Ryanskaya E'.M. Social'no vostrebovanny'j tekst v gumanitarnoj praktike: instrukciya k lekarstvenny'm preparatam // Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 4. S. 124–129.
4. Vikulova L.G., Gerasimova S.A., Makarova I.V. Virtual'noe obrazovatel'noe prostranstvo: muzej I.S. Turgeneva vo Francii // Kant. 2017. № 3 (24). S. 24–28.
5. Karasik V.I. Diskurs // Nauchny'j zhurnal Diskurs-PI. 2015. № 3–4. S. 147–148.
6. Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektivnaya monografiya / отв. ред. Л.Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.

7. *Mityagina V.A.* Prezentacionny'e tehniki informacionny'x turistichekix portalov: problemy' perevoda // *Lingvosemiotika diskursa: kollektivnaya monografiya k 60-letiyu prof. A.V. Olyanicha / otv. red. V.I. Karasik.* Volgograd: PrinTerra-Dizajn, 2017. S. 66–77.

8. *Serebrennikova E.F.* V poiskax «glubinnogo urovnya»: nekotory'e aspekty' lingvisticheskoj aksiologicheskoy diagnostiki // *Vestnik IGLU. Ser. «Filologiya».* 2012. № 2 (19). S. 6–11.

9. *Timofeev I.N., Kuznecova A.Yu., Karpinskaya E.O.* E'lektronnaya internacionalizaciya: angloyazy'chny'e internet-resursy' rossijskix universitetov (2017–2018 gg.) // *Rossijskij sovet po mezhdunarodny'm delam (RSMD).* M.: NP RSMD, 2018. № 40. 52 s.

10. *Chernyavskaya V.E.* Cennostny'e orientiry' nauchnoj deyatel'nosti: beskory'stie issledovatelya ili e'konomizaciya nauki? // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2014. № 3 (15). S. 80–86.

11. E'lektronnaya internacionalizaciya: angloyazy'chny'e internet-resursy' rossijskix universitetov / *Timofeev I.N.* [i dr.] // *Rossijskij sovet po mezhdunarodny'm delam (RSMD).* M.: Speczkniga, 2015. № 24. 56 s.

12. *Maringe F., Gibbs P.* *Marketing Higher Education: Theory and Practice* // *Buckingham: Open University Press, 2008. 224 p.*

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

13. *Zemlyanova L.M.* *Kommunikativistika i sredstva informacii. Anglo-russkij tolkovy'j slovar' koncepcij i terminov / otv. red. Ya.N. Zarusskij.* M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta, 2004. 415 s.

14. *Minaeva L.V.* *Uчебny'j slovar' yazy'ka svyazej s obshhestvennost'yu / otv. red. L.V. Minaeva.* M.: Rus. yaz. – Media, Drofa, 2010. 388 s.

N.S. Ageyeva

University Website as a Socially Demanded in Digital Educational Space: Nottingham University, Great Britain

The article is dedicated to the analysis of the attractive language of the Nottingham University website that is used to appeal to the target audience of the university. The article defines the principal content blocks of the website and their functions in the framework of the marketing discourse.

Keywords: digital educational space; attractiveness; information content; internationalization of education.

С.Р. Гартунг

Корпусное исследование категоризации неискренности в коллективной когниции

В статье анализируется категоризация неискренности в коллективной когниции на основе корпусного анализа эмпирических данных. Определено, что выделение типов человека неискренного происходит на базовом и субординатном уровнях языковой категоризации и в процессе дальнейшей оценочной категоризации в дискурсе.

Ключевые слова: коллективная когниция; категоризация; концептуально-тематическая область; неискренность; корпусный анализ.

Когниция как познание и познавание мира, его онтологии, его сущностей является центральным понятием когнитивной науки [8: с. 64]. Когниция осуществляется не только индивидуальным, но и коллективным разумом, воплощенным в конвенциональных формах [8: с. 74].

В теоретической литературе коллективная когниция рассматривается на разных уровнях обобщения. Выделяется групповая когниция [12], культурная когниция [14], социокультурная когниция [7]. На самом высоком уровне обобщения человеческая когниция (human cognition) трактуется через ее противопоставление когниции приматов (nonhuman primate cognition) [15].

Мы принимаем за основу определение, согласно которому коллективная когниция представляет собой разделяемую когницию, т. е. разделяемое людьми постижение мира в форме процессов его категоризации и концептуализации и их результатов, разделяемых структур знаний о мире [10].

Целью данной статьи является дальнейшая разработка понятия коллективной когниции на основе корпусного анализа эмпирических данных. Объектом исследования выступает концептуально-тематическая область *Неискренность* в английском языке. Концептуально-тематические области отражают различные сферы опыта, которые подвергаются интерпретации с помощью соответствующих языковых средств. Выделяются концептуально-тематические области *Человек*,

Природа, Общество, Природный объект, Артефакт, Событие, Признак и др. [4: с. 35].

Концептуально-тематическая область *Человек* играет важную роль в коллективной когниции социума. Провозглашая исследование данного феномена главной миссией когнитивной науки, Н.Н. Болдырев разделяет индивидуальное и коллективное знание, в том числе и такое, которое может рассматриваться в качестве предзаданной гипотезы устройства мира и сущности человека [4: с. 35]. Коллективное знание можно с полным основанием считать результатом коллективной человеческой когниции.

Концептуально-тематическая область *Человек* включает в себя категоризацию разнообразных его свойств и типов, в том числе таких как *неискренность* и *человек неискренний*. На настоящий момент в лингвистике предлагается лишь самое общее определение человека неискренного: это тот, кто осознанно лжет, т. е. выражает ложь с помощью вербальных и невербальных средств [9]. Представляется важным продолжить изучение данной проблемы и выделить уровни категоризации неискренности и человека неискренного в коллективной когниции как обыденном понимании данной тематической области, разделяемом всеми носителями языка; общее понимание и интерпретация доказываются корпусными данными.

Исследование проводится нами по методике Э. Рош [13]: «By category is meant a number of objects that are considered equivalent» [13: с. 30]. — Под категорией подразумевается определенное количество объектов, которые понимаются как эквивалентные (здесь и далее перевод наш. — С. Г.). Категориальные системы делятся на три уровня: суперординатный, базовый и субординатный. Внутри категориальной системы (таксономии) каждая категория полностью входит в какую-либо другую категорию, но не исчерпывает ее собой. Свойство включенности не относится лишь к категориям суперординатного уровня, который представляет собой высший уровень абстракции для категоризируемых объектов (например, все виды деревьев на суперординатном уровне входят в категорию *Tree*). На базовом уровне объектам присуще категориальное сходство (*category resemblance*), которое определяется как сумма всех схожих свойств объектов минус сумма всех отличительных свойств; категории базового уровня лучше всего отражают корреляционную структуру среды. На субординатном уровне члены категории имеют множество сходных свойств, но также делят большинство свойств с членами других категорий [13: с. 31].

Э. Рош приводит примеры (табл. 1), иллюстрирующие уровни категоризации объектов (концептов) [13: с. 32]:

Э. Рош объясняет свой выбор конкретных объектов для анализа тем, что они представляют собой не вызывающие сомнений примеры естественных классификаций, и в то же время их можно подвергнуть эмпирическому анализу и определить таксономии на основе интуиции испытуемых. Участникам

Таблица 1

Уровни категоризации категорий *Furniture* и *Tree*

Superordinate level	Basic level	Subordinate level
Furniture	Chair	Kitchen chair Living-room chair
	Table	Kitchen table Dining-room table
	Lamp	Floor lamp Desk lamp
Tree	Oak	White oak Red oak
	Maple	Silver maple Sugar maple
	Birch	River birch White birch

эксперимента были розданы группы слов и обозначений свойств, таких как схожесть формы, размеров и т. д. Результаты оказались предсказуемы: очень мало свойств было записано для суперординатных категорий, значительно больше — для объектов базового уровня и еще больше — для объектов субординатного уровня [13: с. 32].

Что касается категоризации неискренности и неискренного человека, то здесь данные не столь очевидны, как в случае материальных объектов. Имеющиеся в языке категории этой тематической области, относящейся к феноменологии человека, вряд ли можно выделить с помощью малочисленных групп испытуемых.

В настоящее время корпусная лингвистика дает возможность получить достаточный объем эмпирических данных, позволяющий выявить категоризацию неискренности в английском языке. Существует три вида корпусных исследований: *corpus-assisted*, *corpus-based*, *corpus-driven* [6: с. 489], наше изыскание относится к третьему варианту. Необходимо пояснить, в чем его отличие от первых двух: мы не просто привлекаем корпус в качестве дополнительного источника примеров (*corpus-assisted*) и не просто используем корпусные данные для статистического анализа материала (*corpus-based*), но делаем выводы на основании эмпирических данных корпуса (*corpus-driven*). Как указывает Е.Е. Голубкова, такой подход убирает интроспективную направленность и, как следствие, субъективность и недоказуемость выводов, поскольку гипотеза целиком и полностью доказывается эмпирическими данными корпуса [6: с. 489].

В качестве гипотезы мы выдвигаем предположение о том, что суперординатные категории исследуемой концептуально-тематической области — это категории *Неискренность* и *Человек неискренний*. Данные о включенных в них базовых и субординатных категориях были получены на основе таких

процедур корпусного исследования: подсчитывалась частотность словоформ относительно их общего количества в корпусах; изучалась вариативность лексем, их корреляты, конструкции, коллокации, разноструктурные единицы номинации, лексические повторы, классифицируемые корпусом как синонимы и антонимы, ассоциативные связи. Использовались корпуса английского языка COCA [2], BNC [1], GloWbE [3]. Данные, полученные в результате проведенного анализа, отражены в таблице 2.

Таблица 2

Уровни категорий *Insincerity* и *Insincere person*

суперординатный	Уровень	
	базовый	субординатный
Insincerity: Insincere person	Lie: Liar	Fibber, storyteller etc.
	Hypocrisy: Hypocrite	Dissembler, bigot etc.
	Deception: Deceiver	Fraud, cheat etc.
	Pretense: Pretender	Sham, feigner etc.
	Flattery: Flatterer	Toady, sycophant etc.
	Slander: Slanderer	Mudslinger, defamer etc.
		Calumniator, traducer etc.

Как видно из таблицы, неискренность осмысливается через категоризацию типов человека неискреннего (*insincere person*), который характеризуется через концепты базового уровня и предстает как *liar* (лжец), *hypocrite* (лицемер), *deceiver* (обманщик), *pretender* (притворщик), *flatterer* (льстец), *slanderer* (клеветник), *insinuator* (инсинуатор). Концепты базового уровня определяются через концепты субординатного уровня; в корпусах лексемы субординатного уровня имеют бóльшую частотность, так как они более информативны и оценочны.

За значениями указанных слов стоит разделяемое знание, полученное в результате коллективной когниции, т. е. базирующееся на коллективном наблюдении. В данном случае наблюдатель — это интерпретатор воспринимаемой ситуации: он регистрирует и истолковывает познаваемый мир [11: с. 71]; тем самым фактор наблюдателя является основой категоризации человека неискреннего.

Как показывает анализ, категоризация неискренности осуществляется не только в языке, но и в дискурсе, где происходит ситуативная атрибуция — наделение качеством неискренности конкретного человека, например политика:

Hollywood came for President Trump at the 2017 Emmy Awards calling him a sexist egotistical *lying hypocritical bigot*. — Голливуд обрушился на президента Трампа на церемонии присуждения премий «Эмми» за 2017 год, назвав Трампа *лживым, лицемерным ханжой* [2: URL].

On Friday, Donald J. Trump, *liar, con man, bigot* will be sworn in as the 45th president of the United States. — В пятницу Дональд Дж. Трамп, лжец, жулик

и ханжа, примет присягу как 45-й президент Соединенных Штатов Америки [Там же: URL].

Вариативные средства номинации политика как человека неискреннего участвуют в моделировании ценностных ориентиров дискурса социальной реальности, в котором проявляется «власть знаков», транслирующих оценочное осмысление социальных феноменов [3: с. 55]. В приведенных примерах с помощью власти знаков, характеризующих неискренность политика, осуществляется ценностно-смысловая интерпретация действительности, когда для интерпретатора главным становится не получение достоверных знаний об объекте, а ценностное отношение к нему в зависимости от личностных пристрастий, точек зрения и мнений.

Итак, на основе корпусного анализа удалось установить, что выделение типов человека неискреннего в коллективной когниции происходит прежде всего на базовом и субординатном уровнях языковой категоризации. Вариативные языковые средства номинации человека неискреннего выступают в качестве когнитивного контекста для дальнейшей оценочной категоризации в дискурсе.

Библиографический список

Источники

1. British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. URL: corpus.byu.edu/bnc (дата обращения: 20.12.2017).
2. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. URL: corpus.byu.edu/coca (дата обращения: 20.12.2017).
3. Corpus of Global Web-based English (GloWbE) [Электронный ресурс]. URL: corpus.byu.edu/glowbe (дата обращения: 20.12.2017).

Литература

4. *Болдырев Н.Н.* Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 33–37.
5. *Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф.* Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
6. *Голубкова Е.Е.* Корпусно-когнитивная лингвистика: достижения и перспективы // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 488–491.
7. *Дубровская О.Г.* Социокультурная когниция и концептуальные основания метадискурса // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 41–44.
8. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
9. *Плотникова С.Н.* Человек неискренний: концепт «Неискренность» в концептосфере языка и дискурса // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. Москва; Иркутск, 2003. С. 138–167.

10. *Плотникова С.Н.* Коллективная когниция и ее роль в конструировании социального мира // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 696–699.
11. *Судейманова О.А.* Семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 69–75.
12. *Gibson C.* From knowledge accumulation to accommodation: cycles of collective cognition in groups // Journal of Organizational Behavior. 2001. № 22. P. 121–134.
13. *Rosch E.* Principles of categorization // Rosch E., Lloyd B.B. Cognition and Categorization. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 1978. P. 27–48.
14. *Tomasello M.* The Cultural Origin of Human Cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 272 p.
15. *Tomasello M., Rakoczy H.* What makes human cognition unique? From individual to shared to collective intentionality // Mind & Language. 2003. № 18. P. 121–147.

References

Istochniki

1. British National Corpus (BNC) [E'lektronny'j resurs]. URL: corpus.byu.edu/bnc (data obrashheniya: 20.12.2017).
2. Corpus of Contemporary American English (COCA) [E'lektronny'j resurs]. URL: corpus.byu.edu/coca (data obrashheniya: 20.12.2017).
3. Corpus of Global Web-based English (GloWbE) [E'lektronny'j resurs]. URL: corpus.byu.edu/glowbe (data obrashheniya: 20.12.2017).

Literatura

1. *Boldy'rev N.N.* Issledovanie fenomena cheloveka kak glavnaya missiya kognitivnoj nauki // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. 2016. № 26. S. 33–37.
2. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.
3. *Golubkova E.E.* Korpusno-kognitivnaya lingvistika: dostizheniya i perspektivy' // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. 2017. № 30. S. 488–491.
4. *Dubrovskaya O.G.* Sociokul'turnaya kogniciya i konceptual'ny'e osnovaniya metadiskursa // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. 2016. № 26. S. 41–44.
5. *Kubryakova E.S.* V poiskax sushhnosti yazy'ka: kognitivny'e issledovaniya. M.: Znak, 2012. 208 s.
6. *Plotnikova S.N.* Chelovek neiskrennij: koncept «Neiskrennost'» v konceptsfere yazy'ka i diskursa // Antropologicheskaya lingvistika: Koncepty'. Kategorii. Moskva; Irkutsk, 2003. S. 138–167.
7. *Plotnikova S.N.* Kollektivnaya kogniciya i ee rol' v konstruirovanii social'nogo mira // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. 2017. № 30. S. 696–699.
8. *Sulejmanova O.A.* Semanticheskaya rol' implicitnogo nablyudatelya v modeli predlozheniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 69–75.
9. *Gibson C.* From knowledge accumulation to accommodation: cycles of collective cognition in groups // Journal of Organizational Behavior. 2001 № 22. P. 121–134.

10. *Rosch E.* Principles of categorization // Rosch E., Lloyd B.B. Cognition and Categorization. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 1978. P. 27–48.
11. *Tomasello M.* The Cultural Origin of Human Cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 272 p.
12. *Tomasello M., Rakoczy H.* What makes human cognition unique? From individual to shared to collective intentionality // Mind & Language. 2003 № 18. P. 121–147.

S.R. Gartung

Corpus Study of Categorization of Insincerity in Collective Cognition

The article analyzes the categorization of insincerity in collective cognition on the basis of corpus analyses of empirical data. It proves that types of insincere persons are categorized on the basic and subordinate category levels, thus, they get further evaluative categorization in discourse.

Keywords: collective cognition; categorization; conceptual-thematic area; insincerity; corpus analysis.

УДК 81.432.1-51
DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.13

Д.М. Татаурова

Дискурс медиации в полилогической коммуникации

В статье рассматривается дискурсивная личность медиатора полилогической коммуникации и дискурс медиации. Установлено, что его основной особенностью является дискурсивное конструирование медиатором истинностной и ценностной картины мира.

Ключевые слова: полилогическая коммуникация; медиатор vs модератор; дискурс медиации; истинностная и ценностная картина мира.

В современном, стремительно меняющемся мире процессы социальной коммуникации, институциональной и частной, приобретают полилогический характер, благодаря чему полилог начинает играть значимую роль [8]. Полилог (*греч.* — poly — множественный и logos — речь) определяется как разговор между несколькими людьми. По своей структуре он противопоставляется монологу и диалогу и подразумевает многоплановость тем и участие нескольких коммуникантов [5]. По сравнению с монологической и диалогической коммуникацией полилогическая коммуникация остается недостаточно изученной.

Цель данной статьи — определить роль дискурса медиации и статус персоны медиатора в полилогической коммуникации. Медиатор понимается нами как главный коммуникатор, выступающий организующим центром полилога. На настоящий момент, насколько нам известно, анализ лингвистической организации полилога с участием медиатора не проводился. Однако была исследована роль модератора, поэтому прежде всего нужно разграничить данные понятия.

Фигура модератора (*лат.* moderator — умеряющий) рассматривается в работе А.В. Никитиной. Установлено, что он имеет право инициации коммуникативной ситуации, осуществления мены коммуникативных ролей говорящих, предотвращения монополизации коммуникации, стимуляции коммуниканта к говорению либо лишения его права говорить, регуляции количества и качества говорения, защиты или смены темы коммуникации, контроля поведения коммуникантов и завершения коммуникативной ситуации. А.В. Никитина подробно анализирует деятельность таких модераторов, как председатель совещания, режиссер театра и кино, судья. Например, в суде коммуникация начинается с удара молотком и вербального указания о том, что заседание объявляется открытым, т. е. модератор инициирует коммуникативную ситуацию. Затем судья контролирует ход заседания, защищая тему коммуникации,

обеспечивая таким образом честность рассмотрения дела в процессе осуществления правосудия; организует коммуникативный обмен между участниками коммуникации, предоставляя им слово, прерывая их либо передавая право говорения путем прямого назначения; регламентирует нормы коммуникации посредством устных предупреждений и системы наказаний; завершает коммуникативную ситуацию вынесением вердикта [10: с. 101].

Мы исходим из гипотезы о том, что медиатор и модератор полилогической коммуникации имеют разный статус. Они различаются по типу дискурсивной личности, т. е. по типу производимых ими сообщений, за которые каждая из этих дискурсивных личностей несет ответственность [11]. В отличие от модератора медиатор не только регулирует ход полилогической коммуникации, но и принимает в ней непосредственное, активное участие.

Медиация (*лат.* mediation — посредничество, отсюда медиатор — посредник) [12] изучается в теории экономики, юриспруденции, конфликтологии и понимается как посредничество в разрешении конфликтов [3]. В лингвистике дискурс медиации определяется как дискурсивное управление процессом развития кооперации, направленной на разрешение конфликта; результатом медиации служит переход из конфликтного дискурсивного пространства, зоны несогласия, в кооперативную зону согласия. В дискурсивном пространстве медиации взаимодействуют по меньшей мере три участника, один из которых — медиатор [7: с. 102]. Таким образом, основное свойство дискурса медиации в полилоге — это разрешение конфликта: медиатор играет роль посредника между несколькими конфликтующими участниками.

На наш взгляд, медиаторами полилогической коммуникации можно считать телеведущих ток-шоу. В работе Ю.В. Мостепановой и А.Г. Шмелева, посвященной анализу дискурса ток-шоу, выделяются приемы выстраивания информации журналистом: прояснение ситуации и контекста путем введения дополнительной, незнакомой зрителю информации, поиск слабых мест, недоговоренностей, подвохов и т. п. [9]. М.С. Коверина, изучая материалы дискурса ток-шоу «Пусть говорят», определяет коммуникативные стратегии ведущего и его основные коммуникативные роли — арбитра и резонера [6]. Представляется актуальным проанализировать еще одну роль — медиатора полилога.

Форма полилога с участием одного или двух медиаторов в настоящее время широко используется в политических ток-шоу на российском телевидении. Популярность подобных передач связана с тем, что в информационном обществе возникает множество репрезентаций и интерпретаций социального мира. Как указывают Л.Г. Викулова и Н.В. Новиков, «вербальное моделирование, позволяющее при определенных условиях воздействовать на пользователей СМИ и регулировать их отношение к происходящим событиям, основано на важнейшей функции языка — функции воздействия, или манипулятивной функции» [4: с. 42]. Манипуляция общественным сознанием ведет к нарушению принципа объективного освещения событий в СМИ, созданию фейковых новостей и т. п.

В условиях информационной войны становится трудно определить истинностную картину мира. Данное понятие вводится Н.Д. Арутюновой, она считает, что у говорящего, который познает окружающую действительность опытным путем, вырабатывается объективное знание о ней и создается истинностная картина мира. «Знание имеет двойную ориентацию — его объектом может быть имеющаяся у говорящего информация (пропозициональное знание, know that) и сама действительность — ее знакомые и незнакомые места и населяющие их знакомые и незнакомые лица (опытное знание, know what или know how)» [2: с. 8]. В этой трактовке истинностная картина мира — полученное в опыте объективное знание о самой действительности. Что касается пропозиционального знания имеющейся у говорящего информации, то она может быть и необъективной, недостоверной.

Как показывает анализ, дискурс медиации в политических ток-шоу направлен прежде всего на проблематизацию, т. е. формулирование проблем, связанных со столкновением знаний об одном и том же событии и неопределенностью в установлении истины. Медиатор занимает когнитивную позицию главного интерпретатора, «человека знающего и понимающего». Приоритет интерпретации медиатора над всеми другими достигается благодаря креативному оперированию знаниями в процессе развертывания полилога.

В следующем примере [1] участник полилога заменяет объективное знание о мире недостоверной информацией, которая подвергается немедленной верификации со стороны медиатора ($У_1$ — первый участник, $У_2$ — второй участник, М — медиатор):

- ($У_1$): Ну там же 300 танков на Донбассе, украинцам же надо защищаться? Как с агрессором вести себя по-другому?
- (М): А что это за агрессор, который никуда не агрессивует?
- ($У_2$): Агрессор, который предлагает...
- ($У_1$): Агрессор, который захватил часть земли украинской...
- (М): Какой?
- ($У_1$): И Крым, и Донбасс.
- (М): Крым освободил себя сам, потом попросился в Россию, хочу вам напомнить, а при этом на момент, когда происходил этот трагический эпизод в истории Украины, напомню, что там находилось двадцать тысяч украинских солдат.
- ($У_1$): И тридцать тысяч российского спецназа, да.
- (М): Нет, тридцать тысяч там не было, было примерно...
- ($У_2$): Вы примерно так же разбираетесь в нашем спецназе, как и в том, что Крым украинский. Вы проведите спектральный анализ этой земли, когда она украинской стала.
- (М): Хоть одно сражение было между украинскими и российскими частями?
- ($У_1$): Сейчас идет на Донбассе.
- (М): С российскими частями?
- ($У_1$): Там минимум 19–15 тысяч спецназа российского.
- (М): Напомню, что начальник генштаба Украины многократно заявлял, что там нет регулярных российских частей и что они воюют не с армией России.

Я приглашаю вас, если вы хотите, могу вам организовать поездку на Донбасс, чтобы вы собственными глазами убедились, что российской армии там нет.

В конкурентной среде высказываемых смыслов медиатор одерживает победу с помощью второго участника, задающего фактуальный вопрос, на который первый участник не может дать ответа: «Где они там живут, российские спецназовцы?»

Становится очевидным, что медиатор ток-шоу представляет собой особый тип дискурсивной личности, специфика которой состоит в том, что медиатор действует в условиях свободы самовыражения участников полилогической коммуникации в их оценке событий. В своей интерпретации истинностной картины мира медиатор занимает позицию непосредственного наблюдателя; объект его наблюдения и понимания — не дискурс участника $У_1$, а сама действительность в ее фактичности. Медиатор предлагает участнику организовать для него поездку на Донбасс, чтобы тот в формате восприятия убедился: его утверждения не соответствуют действительности. Тем не менее участник упорствует в своей репрезентации действительности:

($У_1$): Откуда 300 танков там на Донбассе — откуда это, откуда такое количество танков?

Медиатор интерпретирует это высказывание участника, оценивая его как ложное, необъективное. Вместе с тем в данном ток-шоу ведущий — это не резонер и не арбитр [6]; он в первую очередь посредник между участниками, защищающий определенную интерпретацию действительности (а именно интерпретацию участников, противостоящих мнению $У_1$):

(М): Хочу вам напомнить, что во время каждого котла было набрано такое количество оружия, просто украинская армия с радостью бросала такое количество оружия, что до сих пор там весь Луганский корпус, как говорят луганские товарищи, вооружен трофейным оружием. Также хочу вам напомнить, что многие люди рассказывают о том, какие были склады на Украине.

Проинтерпретированные смыслы высказываются не только для непосредственных участников, но и для социального адресата в целом. Тем самым восстановленная путем дискурсивного конструирования истинностная картина мира становится общим достоянием социума.

Дискурс медиатора ориентирован как на истинностное знание, так и на ценности, необходимые для интерпретации поставленной проблемы. Поэтому в дискурсе медиации происходит конструирование картины мира не только через утверждение истины о мире, но и через установление ценностного отношения к миру со стороны участников полилога. Медиатор, как и все участники, представляет собой субъект ценностной картины мира как «ценностно-ориентированной шкалы норм и стандартов» [13: с. 136]. В анализируемом ток-шоу ценностная позиция медиатора выражается в оценочных высказываниях, оценочных языковых средствах (*под лицемерным предлогом, все оказалось враньем, вы ничего не можете подтвердить и т. п.*).

Таким образом, медиация — это один из параметров полилога. В дискурсе медиации анализируется корректность знания и снимается множественность интерпретаций одного и того же события. Основной характеристикой медиатора является не его институциональная принадлежность, как у модератора, а способность организовать полилог, полилогическую коммуникацию как таковую, причем не чисто формально, регулятивно, как это делает модератор, но исходя из объективного знания о мире и ценностной позиции, выражающей ценностные смыслы общества.

Библиографический список

Источники

1. Вечер с Владимиром Соловьевым 26.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=71kNklSzlQ> (дата обращения: 27.12.17).

Литература

2. Арутюнова Н.Д. Невыразимое — подвластно ль пониманию? // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 2007. Вып. 9. С. 152–170.

3. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах. Калуга: Духовное познание, 2004. 176 с.

4. Викулова Л.Г., Новиков Н.В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера *спорт* // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 42–49.

5. Винокур Т.Г. Полилог // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл. 1998. 381 с.

6. Коверина М.С. Языковые показатели речевых стратегий и тактик в конфликтной ситуации общения (на примере ток-шоу «Пусть говорят») // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 120–126.

7. Куликова Л.В., Прохорова О.А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56): в 2 ч. Ч. 2. С. 100–104.

8. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. 472 с.

9. Мостепанова Ю.В., Шмелев А.Г. Репертуарная диагностика коммуникативных стратегий (на материале деятельности телевизионного ведущего) // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2001. № 3. С. 47–53.

10. Никитина А.В. Модератор коммуникации как субъект мониторинга // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2015. № 5 (100). С. 100–103.

11. Плотникова С.Н. Говорящий/пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2008. № 4. С. 37–42.

Справочные и информационные издания

12. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

13. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с.

Referenses

Istochniki

1. Vecher s Vladimirom Solov'yovy'm 26.12.2017 [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=71kNklSZlIQ> (data obrashheniya: 27.12.2017).

Literatura

2. *Arutyunova N.D.* Nevy'razimoe — podvlastno l' ponimaniyu? // *Voprosy' kul'tury' rechi*. M.: Nauka, 2007. Vy'p. 9. S. 152–170.

3. *Besemer X.* Mediacya. Posrednichestvo v konfliktax. Kaluga: Duxovnoe poznanie, 2004. 176 s.

4. *Vikulova L.G., Novikov N.V.* Formirovanie negativnogo obraza politika v massmedijnom diskurse: predmetnaya sfera *sport* // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2015. № 3 (19). S. 42–49.

5. *Vinokur T.G.* Polilog // *Yazy'koznanie. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar'*. M.: Bol'shaya Ros. e'ncikl., 1998. 381 s.

6. *Koverina M.S.* Yazy'kovy'e pokazateli rechevy'x strategij i taktik v konfliktnoj situacii obshheniya (na primere tok-shou «Pust' govoryat») // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2015. № 1 (17). S. 120–126.

7. *Kulikova L.V., Proxorova O.A.* Issledovatel'skie podxody' k diskursu mediacii v fokuse mezhdisciplinarnosti // *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki*. 2016. № 2 (56): v 2 ch. Ch. 2. S. 100–104.

8. Mono-, dia-, polilog v razny'x yazy'kax i kul'turax. M.: Indrik, 2010. 472 s.

9. *Mostepanova Ju.V., Shmelyov A.G.* Repertuarnaya diagnostika kommunikativny'x strategij (na materiale deyatel'nosti televizionnogo vedushhego) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psixologiya*. 2001. № 3. S. 47–53.

10. *Nikitina A.V.* Moderator kommunikacii kak sub'ekt monitoringa // *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. 2015. № 5 (100). S. 100–103.

11. *Plotnikova S.N.* Govoryashhij/pishushhij kak yazy'kovaya, kommunikativnaya i diskursivnaya lichnost' // *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 4. S. 37–42.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

12. Bol'shoj tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.

13. Slovar' lingvokul'turologicheskix terminov. M.: Gnozis, 2017. 192 s.

D.M. Tataurova

Mediation Discourse in Polylogical Communication

The article regards features of the discursive personality of mediator in polylogical communication and mediation discourse. It proves that the key feature of the latter is the mediator discursively constructing an objective and axiological world outlook.

Keywords: polylogical communication; mediator vs moderator; mediation discourse; objective and axiological world outlook.

УДК 811.133.1

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.14

Ю.А. Сахаров

Заемствование специальной лексики электромобилестроения (на примере французских текстов и их переводов на английский и русский языки)

Автор рассматривает процесс усвоения иностранных слов как один из основных способов развития терминосистемы, анализирует группы и источники заимствования специальной лексики с опорой на лексико-семантическое поле.

Ключевые слова: специальная лексика; терминосистема; заимствование; электро-мобили; перевод термина.

В электромобилестроении принята упорядоченная терминология, сформировавшаяся в течение длительного периода времени в ходе целенаправленной деятельности специалистов данной отрасли. Во французском языке ее развитие шло разными путями: посредством использования в качестве термина общеупотребительных слов языка, образования нового слова с опорой на языковые средства (сложение, сращение, аббревиация), неологизации, заимствования терминов из других языков. Основными принципами формирования французской терминосистемы электромобилестроения считаем опору на собственные языковые ресурсы [7: с. 1] и заимствование терминов из других языков.

Анализ 2488 страниц текстов современной технической документации к электромобилям производства Peugeot [2], Citroën [1] и Renault [3] показал наличие в ней 536 простых и сложных терминов, которые составляют иллюстративный материал статьи. Из них по этимологическому словарю выделены для исследования французские заимствования из разных языков.

Выявленные термины были сгруппированы в лексико-семантические поля по принципу основных узлов электромобиля (табл. 1).

Изучение лексики в рамках лексико-семантического поля показало, что совокупность понятий, входящих в терминосистему, семантически подчинена ключевым терминам, к которым относятся следующие: двигатель; детали, инструмент, элементы деталей машины, процессы; кузов, устройства на кузове, собственно кузов; оборудование для подзарядки; отопительная система; салон, приборная панель, устройство салона; тормозная система; шасси; электронная

Таблица 1

Заемствование специальной лексики электромобилестроения

Узел электромобиля	Термин		
	французский	английский	русский
двигатель	le contacteur	ignition switch	замок зажигания
детали	la manette	stalk	рычаг
кузов	la carrosserie	bodywork	кузов
оборудование для подзарядки	le câble	terminal	кабель
отопительная система	le aérateur	side air vent	боковой дефлектор
салон	le vide-poche	storage compartment	вещевые ящики
тормозная система	le frein	brake	тормоз
шасси	la batterie	battery	аккумуляторная батарея
электронная система управления	le appel	call	вызов
электрооборудование	le afficheur	display	дисплей

система управления; электрооборудование, световые устройства и освещение, звуковой сигнал, оборудование в салоне. Из общего количества терминов (536 ед. — 100 %) выявлены заимствования (313 ед., т. е. 58 %). Обнаружено употребление уже существующего пласта понятий (223 ед., т. е. 42 %), например развитие значения слова фр. *un convertisseur* — англ. *transformer* — рус. *преобразователь*, применявшегося для обозначения металлургического оборудования, а в 1916 г. — для электрических устройств [11]; использование известных в языке морфем *un rétroviseur intérieur* — *зеркало заднего вида*.

Основываясь на классификациях С.В. Гринева-Гриневича [6: с. 10], И.Н. Гераниной [5: с. 101] и К. Лубье [10: с. 12–13], заимствованные французским языком иноязычные термины можно разделить на три общие группы:

1) иностранные слова, которые сохранили свою форму (ксенизмы: варваризмы, экзотизмы; интернационализмы; полные заимствования);

2) иностранные слова, приведенные в соответствие с грамматическими особенностями принимающего языка (гибридные, синтаксические, фонетические заимствования, кальки);

3) искусственно созданные слова, представляющие собой комбинацию морфем двух языков: франгле (*le franglais*) и ложные заимствования (*faux emprunts*).

В качестве примеров лексических единиц, относящихся к первой группе, назовем следующие:

– варваризмы: фр. *le témoin «Ready»* — англ. *«Ready» lamp* — рус. *световой индикатор готовности электромобиля к началу движения*, фр. *l'emplacement airbag conducteur* — англ. *driver's air bag* — рус. *местоположение подушки безопасности водителя*. Всего выявлено 38 лексических

единиц (варваризмы), или 7 % от общего числа, из них 10 единиц относятся к лексико-семантическому полю *салон*. Использование в текстах лексических единиц — варваризмов происходит без их внедрения в язык-реципиент. Термины сопровождается описание-толкование или перевод;

– интернационализмы (табл. 2). Основная характеристика интернациональной лексики, по мнению Л.П. Крысина [8: с. 100], заключается в том, что она сокращает число значений той или иной лексической единицы, тем самым оставаясь однозначным и стилистически нейтральным, что свойственно требованиям, предъявляемым термину.

Таблица 2

Интернационализмы

Термин			
русский	английский	французский	немецкий
радар	radar	le radar	Radar
детектор	detector	le détecteur	Detektor
мотор	motor	le moteur	Motor
контроллер	controller	le contrôleur	Controller

Среди выделенной лексики найдено 35 лексических единиц и терминов, принадлежащих к интернациональной лексике. Греческие и латинские заимствования во французском языке являются преимущественно интернациональной лексикой с развитой семантикой. Они способны образовывать терминологические параллели [4: с. 98];

– полное заимствование. Примерами выступают лексические единицы следующих полей (табл. 3).

Таблица 3

Полное заимствование

Лексико-семантическое поле	Термин			Количество единиц
	французский	английский	русский	
салон	les airbags rideaux	curtain airbags	боковые шторки безопасности	13
детали	le bluetooth (kit mains-libres)	bluetooth (hands-free)	блютуз-гарнитура	8
электрооборудование	le lecteur USB	USB player	флеш-накопитель	6
электронная система управления	le contrôleur de la batterie	battery controller	аккумуляторный контроллер	6
шасси	ESP: le contrôle dynamique de stabilité	ESP: electronic stability programme	система контроля устойчивости	3
тормозная система	ABS	ABS	антиблокировочная система	3

Вторая группа представлена кальками, которые подразумевают образование новых слов из лексического и формального материала языка-реципиента по образцу лексической единицы языка-источника. В исследуемом материале установлены кальки разного типа (табл. 4).

Таблица 4

Кальки

Калька	Термин		
	французский	английский	русский
Морфологическая	le haut-parleur le porte-lampe l'allume-cigares	loudspeaker bulb holder cigar lighter	громкоговоритель патрон прикуриватель
Семантическая	le témoin < l'indicateur	indicator	индикатор работы
Фразеологическая	les barres de toit	roof bars	рейлинги на крыше
	la batterie de traction	traction battery	тяговая батарея

Около 42 % от общего числа терминов (223 ед.) квалифицируются как уже существовавшие в языке. Установлено преобладание ассимилированных языком латинизмов, а также обнаружен пласт опосредованно заимствованной лексики.

Доминирующие языки-источники для заимствований второй группы отражены в таблице 5.

Таблица 5

Доминирующие языки-источники для заимствований второй группы (кальки)

Язык-источник	Количество, ед. (%)	Кальки в языке-реципиенте	
		французский	русский
Латинский	195 (36)	le conditionnement d'air	система кондиционирования
Английский	36 (7)	le rhéostat d'éclairage	реостат-светорегулятор
Греческий	22 (4)	l'indicateur d'autonomie	индикатор запаса хода
Итальянский	16 (3)	le pédale de frein	педаль тормоза
Испанский	8 (1,5)	l'anneau de remorquage	буксировочная проушина
Нидерландский	5 (0,9)	les cosses éclaireurs de plaque d'immatriculation	фонари освещения номерного знака
Старофранцузский	2 (0,4)	les aménagements	ящики
Провансальский	7 (1,3)	le capot	капот
Нижнефранкский	12 (2,2)	le pare-brise	ветровое стекло

Примерами заимствований *третьей группы* могут служить слова из франгле (le franglais от *français* и *anglais* — французский и английский языки). Термин ввел французский языковед Рене Этьембл для обозначения французского языка с большим количеством англицизмов и синтаксических конструкций английского языка [9: с. 15]. Лексический франгле распространен в части терминологии той или иной области и подразумевает собой отказ от использования

французского слова в пользу варианта из английского языка. Например, от англ. *parking* образовано и употребляется франгле *le parquage* (рус. *парковка*); *les airbags* вместо *le coussin gonflable*, *le sac gonflable* (рус. *подушка безопасности*); *le streaming* вместо *le flux* (рус. *поток вещание*). В семантическом франгле значения слова в английском и французском языках не наслаиваются друг на друга, применяются калькированные с английского выражения с исходным значением: *standard* (знач. в англ.: *normalisé*; знач. во франц.: *un type courant, habituel* — рус. *обычный*). Пример: фр. *le cordon de charge standard* — рус. *зарядный кабель*). Графический франгле подразумевает адаптацию формы слова, пришедшего из английского языка: *ionizer* — *l'ioniseur*. В третьей группе выявлены так называемые ложные заимствования — четыре лексические единицы из английского языка (фр. *l'ioniseur* — рус. *ионизатор*, фр. *le klaxon* — рус. *клаксон*, фр. *le warning* — рус. *звуковые и зрительные сигналы*). Они относятся к лексико-семантическим группам *оборудование для подзарядки, отопительная система и электрооборудование*.

С учетом включения области электромобилестроения в сферу устоявшейся терминологии автомобилестроения и изучения исторического периода заимствования можно сделать вывод о том, что основу французских заимствований составляют лексические единицы из латинского и греческого языков. Для номинации технических устройств, существовавших в XIX–XX вв., используются элементы и лексика из древних языков, тогда как для обозначения технических новшеств во французском языке образуются термины на основе лексики английского языка с последующей ассимиляцией. Проведенный анализ лексических единиц позволяет утверждать, что развитие терминосистемы электромобилестроения в большей степени обусловлено заимствованием лексических единиц из ряда языков во французский язык.

Библиографический список

Источники

1. Citroën C-Zero La notice d'emploi [Электронный ресурс]. URL: <https://manuall.fr/citroen-c-zero-2012/> (дата обращения: 22.12.2017).
2. Peugeot ION Handbook [Электронный ресурс]. URL: <https://carmanuals2.com/peugeot/ion-2017-owner-s-manual-103018> (дата обращения: 22.12.2017).
3. *Kangoo Z.E. Driver's Handbook* [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2qmDioZ> (дата обращения: 22.12.2017).

Литература

4. *Весманова Е.В.* Терминологические параллели в лексическом минимуме по русскому языку как иностранному: на примере англо-русских лингвистических терминов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 4 (20). С. 96–102.
5. *Геранина И.Н.* О термине «заимствование» // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2008. № 6 (10). С. 101–103.

6. *Grinev S.V.* Сопоставительное терминоведение: современное состояние // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 1 (25). С. 68–75.

7. *Епифанцева Н.Г., Куракина С.Н.* Государственная языковая политика Франции как фактор развития и усиления роли французского языка в мире // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 2. С. 1–6.

8. *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. С. 147–154.

9. *Etiemble R.* Parlez-vous français? Paris: Gallimard, 1991. 438 p.

Интернет-ресурсы

10. *Loubier C.* De l'usage de l'emprunt linguistique [Электронный ресурс] / Office québécois de la langue française, 2011. URL: https://www.oqlf.gouv.qc.ca/ressources/bibliotheque/terminologie/20110601_usage_emprunt.pdf (дата обращения: 10.12.2017).

11. Le Trésor de la Langue Française Informatisé [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/> (дата обращения: 10.12.2017).

References

Istochniki

1. Citroën C-Zero La notice d'emploi [Elektronny'j resurs]. URL: <https://manuall.fr/citroen-c-zero-2012/> (data obrashheniya: 22.12.2017).

2. Peugeot ION Handbook [Elektronny'j resurs]. URL: <https://carmanuals2.com/peugeot/ion-2017-owner-s-manual-103018> (data obrashheniya: 22.12.2017).

3. *Kangoo Z.E.* Driver's Handbook [Elektronny'j resurs]. URL: <https://bit.ly/2qmDioZ> (data obrashheniya: 22.12.2017).

Literatura

4. *Vesmanova E.V.* Terminologicheskie paralleli v leksicheskom minimume po rus-skomu yazy'ku kak inostrannomu: na primere anglo-russkix lingvisticheskix terminov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 4 (20). S. 96–102.

5. *Geranina I.N.* O termine «zaimstvovanie» // Izvestiya PGU im. V.G. Belinskogo. 2008. № 6 (10). S. 101–103.

6. *Grinev S.V.* Sopostavitel'noe terminovedenie: sovremennoe sostoyanie // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2017. № 1 (25). S. 68–75.

7. *Epifanceva N.G.* Mezukul'turny'j podxod k perevodu: teoreticheskoe obosnovanie i sfera primeneniya // Vestnik MGOU. Ser. «Lingvistika». 2017. № 5. S. 40–47.

8. *Kry'sin L.P.* Inoyazy'chnoe slovo v kontekste sovremennoj obshhestvennoj zhizni // Russkij yazy'k koncza XX stoletiya. M., 1996. S. 147–154.

9. *Etiemble R.* Parlez-vous français? Paris: Gallimard, 1991. 438 p.

Internet-resursy

10. *Loubier C.* De l'usage de l'emprunt linguistique [E'lektronny'j resurs] / Office québécois de la langue française, 2011. URL: https://www.oqlf.gouv.qc.ca/ressources/bibliotheque/terminologie/20110601_usage_emprunt.pdf (data obrashheniya: 10.12.2017).

11. Le Trésor de la Langue Française Informatisé [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/> (data obrashheniya: 10.12.2017).

Y.A. Sakharov

**Borrowings in Specific Vocabulary of Electric Vehicle Industry
(On the Example of French Texts and Their Translations into English and Russian)**

The article regards terminological borrowings in the French language. It studies borrowings as one of productive ways of electric vehicle terminology development. The article provides features of source languages and lexical groups.

Keywords: terms; terminology; loanwords; electric vehicle; translation.

УДК 821.161.1-6

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.15

М.А. Аверина

Переписка К.В. Назарьевой как литературный факт 1880–1900 гг.

Статья представляет собой обзор сохранившейся в архивах переписки популярной в конце XIX в. писательницы К.В. Назарьевой с разными корреспондентами, среди которых были как литературные деятели первой величины, так и критики и издатели массовой литературной продукции. Переписка отражает творческие интересы писателей круга Назарьевой, а также характеризует литературную среду второй половины XIX в.

Ключевые слова: женская литература; литературная среда; переписка; архивы.

Женская (феминистская) литература была элементом литературной среды второй половины XIX в. Сочинения Л. Чарской, А. Вербицкой, М. Крестовской, О. Шапир и др. зачитывались до дыр подростками и обывателями и представляли собой довольно существенную часть литературного процесса, вызывая вокруг себя немало споров.

Одной из самых читаемых представительниц «дамского романа» была Капитолина Валерьяновна Назарьева (1847–1900). Она начала писать из нужды, поскольку, будучи в разводе, одна содержала семью. «Нужно было придумать что-нибудь, изобрести ренту, не имея капитала, — вспоминала она впоследствии. — <...> И вдруг совершенно неожиданный Божественный толчок. В одном из толстых журналов я увидела повесть, написанную моею знакомой. “Если она может, то почему же я не могу попробовать”, — явилась ко мне мысль. <...> В то время еще жили и писали Тургенев, Гончаров, Достоевский и другие наши великие писатели и смелость моей знакомой поразила меня. <...> Теперь я стала читать новые журналы, и дерзкая мысль попробовать счастья становилась все возможнее, все соблазнительнее. Сумма пережитого и виденного давала множество сюжетов...» [8: с. 112]. Как показали дальнейшие 22 года писательской деятельности Назарьевой (с 1879 по 1900 г.), коммерчески это предприятие себя оправдало: из-под ее пера вышло более 50 романов (в том числе детективных и порнографических), повести, рассказы, публицистика (от фельетонов до судебных очерков и политических обзоров), драматургия (ставившаяся преимущественно на второразрядных антрепризных сценах), детские книжки и даже подписи к иллюстрациям.

Изыскания в архивах и библиотеках России показали, что из богатого в количественном отношении творческого наследия Назарьевой сохранилось не так

много произведений, а ее личный архив практически утрачен. В Российском государственном архиве литературы и искусства, Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской академии наук (ИРЛИ РАН), Российском государственном историческом архиве, Российской государственной библиотеке (РГБ Дом Пашкова), Институте мировой литературы им. А.М. Горького можно ознакомиться преимущественно с ее деловой перепиской. Однако по ней можно судить как о самой Назарьевой, так и об умонастроениях той части литературной среды, в которой она развивалась и которая была фоном для писателей первого ряда — Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.М. Горького и др.

Среди корреспондентов Назарьевой числятся деятели, занимающиеся массовой литературной продукцией, популяризаторы, из которых многие разделяли радикальные убеждения, однако имеется несколько писем, свидетельствующих о ее попытках улучшить свою литературную репутацию.

Круг ее знакомств составляли известные издатели и публицисты, среди которых были В.С. Миролубов [3: Ф. 185, 186. Оп. 1. Ед. хр. 832], Б.Б. Глинский [1: Ф. 72. Ед. хр. 223], К.К. Арсеньев [1: Ф. 359. Ед. хр. 371], А.А. Навроцкий [6: Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 575], А.Е. Кауфман [4: Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603], Л.З. Слонимский [7: Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 544]. Примечательно, что большая часть из них изначально имела юридическое образование и практику, а затем уже пришла в литературу.

Характерным примером является К.К. Арсеньев (1837–1919) — писатель, почетный академик изящной словесности Санкт-Петербургской академии наук с 1900 г., общественный и земский деятель, один из самых авторитетных в России адвокатов. Литературную деятельность К.К. Арсеньев начинал историческими статьями, печатавшимися в «Русском вестнике» в 1858–1861 гг. С 1862 г., став постоянным сотрудником «Отечественных записок», он много писал об английской конституции. Одновременно вел отдел «Иностранной политики» в «Санкт-Петербургских ведомостях» В.Ф. Корша, для чего оставил государственную юридическую службу. В «Вестнике Европы» он работал со дня основания (1866), фактически определяя либеральное направление журнала. Знакомство Назарьевой с ним не было близким, в единственном письме она восторженно благодарит К.К. Арсеньева за статью в газете «Право» от 27 февраля 1899 г., протестующую против арестов после студенческих волнений: «Простите, что беспокою Вас, но я должна сказать Вам, какое впечатление произвела Ваша чудесная статья, — пишет она. — Я сейчас же купила 15 №, потом еще и молодежь читает ее нарасхват, а как относится к Вам!...» [1: Ф. 359. Ед. хр. 371].

Достаточно близким было знакомство Назарьевой с Л.З. Слонимским (1850–1918), блестящим политическим публицистом, сыном З.Я. Слонимского и отцом М.Л. Слонимского. С 1872 г. он печатался в «Судебном вестнике», «Судебном журнале», «Журнале гражданского и уголовного права», вел

политический отдел в «Русском мире» и «Порядке», участвовал в «Слове», «Вестнике Европы» (готовил экономические и общественно-политические статьи). Л.З. Слонимский неоднократно оказывал Назарьевой протекцию в печати. «Спасибо Вам за доброе отношение, — пишет она, — за то, что остались таким же снисходительным! Пожалуйста, если возможно, пристройте!» [7: Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 544].

Существенную часть литературных знакомств Назарьевой составляли библиографы, среди которых следует назвать А.В. Старчевского [7: Ф. 583. Ед. хр. 523], Н.А. Рубакина [9: Ф. 358. Картон 257. Ед. хр. 2], Н.В. Гаврилова [1: Ф. 564. Ед. хр. 55], С.Е. Добродеева [5: Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 164, 165], П.В. Быкова [4: Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407], В.О. Михневича [6: Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248].

А.В. Старчевский (1818–1901), известный журналист и энциклопедист, в 1869 г. стал редактором «Сына Отечества», а в 1879–1885 гг. редактировал еще и «Современность», «Улей», «Эхо» и «Родину». Как видно из пяти писем Назарьевой к нему (1884), а также из достаточно частых публикаций ее романов в Ежемесячном приложении к журналу «Родина», общение их было довольно дружеским: «Так как мы пропировали у Ив. Н., то передовая и <неразбор> будут доставлены в 9 ч. утра в пятницу» [7: Ф. 583. Ед. хр. 523]. А.В. Старчевский к тому же не только сам заказывал ей статьи и романы («Если понадобится передовая, и я, по Вашему мнению, могу ее сделать — пришлите только сюжет, мысль, и я не задержу...» [7: Ф. 583. Ед. хр. 523]), но и неоднократно оказывал Назарьевой услуги в качестве литературного агента, получая за это процент с гонорара («У Вас такая масса знакомых “книжников” и Вы сделаете великую для меня милость, сосватав и посоветовав купить у меня право издания на ром<ан> «Золотое руно» <...> Если Вам самому неудобно похлопотать, то нет ли такого человека? Само собой разум<еется>, что процент <неразбор> с благодарностью» [7: Ф. 583. Ед. хр. 523]).

К Н.А. Рубакину (1862–1946), книговеду и библиографу, сохранилось только одно письмо Назарьевой. Н.А. Рубакин известен своими просветительскими библиотечными проектами. Он составил «Программу по исследованию литературы для народа» (1889), более 15 тысяч индивидуальных программ чтения и самообразования, на основе своего опыта создал теорию библиопсихологии — науки о восприятии текста. Видимо, он запрашивал какой-то из романов Назарьевой для своих читательских проектов. «Посылаю Вам, глубокоуважаемый Николай Александрович, — пишет она на визитной карточке об одном из своих сочинений, — ранее говорили при свидании» [9: Ф. 358. Картон 257. Ед. хр. 2].

Необходимым для Назарьевой становится знакомство с критикой того времени. Так, среди ее корреспондентов находим А.А. Измайлова (1873–1921) — беллетриста и литературного рецензента, с 1898 г. постоянного фельетониста «Биржевых ведомостей», где Назарьева печаталась все 22 года своей писательской

деятельности. Сохранилось его очень теплое и проникновенное предисловие к посмертному изданию рассказа Назарьевой «Пророчество». «Печатаемый ниже рассказ найден наследниками покойной известной писательницы К.В. Назарьевой в ее бумагах» <...> «Но если даже фабула его — чистый вымысел, он очень характерен для К.В. Назарьевой, — отмечает критик, — как образно схваченный синтез существования и труда русской писательницы, получающий какой-то особенный оттенок грустной сердечности от своего появ<ления>» [2: Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 54].

Официальные отношения связывали Назарьеву с Н.А. Лейкиным (1841–1905), виднейшим юмористом и издателем еженедельника «Осколки», где начинал печататься А.П. Чехов. Ее письма к Н.А. Лейкину выдержаны в деловом и просительном тоне, но подтверждают их возможное сотрудничество. Назарьева пишет: «Давать же в “Осколки”, участие в которых я считаю для себя крайне лестным, неважную вещь — мне не желательно» [3: Ф. 149. Оп. 2. Ед. хр. 143].

Будучи драматургом, Назарьева вела знакомство с режиссерами и театральными деятелями того времени, среди которых А.Р. Кугель [2: Ф. 550. Ед. хр. 76], Е.П. Карпов [2: Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 150], И.М. Булацель [3: Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 73].

Известный театральный деятель А.Р. Кугель (1864–1928) с 1897 г. был главным редактором журнала «Театр и искусство». Назарьева пользовалась его протекцией, а он поощрял идейность ее произведений: «Этот роман тоже идейный и, право, стоит внимания», — писала она [2: Ф. 550. Ед. хр. 76].

С выходцем из старинного молдавского дворянского рода, драматургом и режиссером И.М. Булацелом Назарьеву, судя по всему, связывали дружеские отношения, что видно из письма к нему по поводу одной из ее пьес: «Доверяю Вам безусловно и прошу распорядиться как бы своей собственностью, т. е. поставить ее на какой угодно сцене на таких условиях какие сочтете удобными» [3: Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 73].

Особую группу писем составляют обращения к уже тогда знаменитым писателям и публицистам, в круг которых, судя по переписке, Назарьева не была вхожа: Д.Н. Мамин-Сибиряк [9: Ф. 157. Шифр М–С. П. III. Ед. хр. 49], Н.К. Михайловский [5: Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 477], Вл. Ив. Немирович-Данченко [4: Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 610], А.Н. Лесков [3: Ф. 612. Ед. хр. 265], Ф.М. Достоевский [9: Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5], А.П. Чехов [9: Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6].

Тон единственного сохранившегося ее письма от 1878 г. к Д.Н. Мамину-Сибиряку (1852–1912) свидетельствует об их коротком знакомстве, которое, однако, вряд ли продолжалось после 1883 г., когда к писателю пришла слава. Назарьева просит его зайти к ней: «Не заглянете ли показать свои милые игристые очи?» [9: Ф. 157. Шифр М–С. П. III. Ед. хр. 49], причем дата, указанная на письме, сомнительна, поскольку летом 1877 г. еще не известный Д.Н. Мамин-Сибиряк уехал на Урал и появился в Санкт-Петербурге лишь в 1881 г.

Назарьева не была лично знакома с А.П. Чеховым, который между тем запросил для своей Таганрогской библиотеки роман писательницы «Надорванные силы», но не напрямую, а через Н.А. Лейкина. Назарьева откликнулась на просьбу прямым письмом к А.П. Чехову, которое свидетельствует о том, что она была далека от чеховского круга, к которому желала быть причастной хотя бы по причине своей широкой известности: «Зачем Вам, могучему, симпатичному и вполне законно любимейшему писателю, уважаемый Антон Павлович, захотелось прочесть мой главный труд? Я получила вчера письмо Н.А. Лейкина и, каюсь, крайне, крайне польщена Вашим предложением» [9: Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6].

В целом переписка Назарьевой свидетельствует о том, что она представляет собой литературного чернорабочего, для которого писательский и редакторский труд важен исключительно с экономической точки зрения. Назарьева известна, ее сочинения любимы, но не взыскательной публикой. При этом она хотела иной репутации, для чего стремилась установить личные связи с серьезными литераторами, но безуспешно, во многом по причине эстетической несовместимости. Между тем деятельность Назарьевой позволяет глубже понять историко-литературную особенность эпохи.

Библиографический список

Источники

1. ИРЛИ РАН. Ф. 359. Ед. хр. 371; Ф. 564. Ед. хр. 55; Ф. 72. Ед. хр. 223.
2. ИРЛИ РАН. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 54; Ф. 550. Ед. хр. 76; Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 150.
3. ИРЛИ РАН. Ф. 149. Оп. 2. Ед. хр. 143; Ф. 612. Ед. хр. 265; Ф. 185, 186. Оп. 1. Ед. хр. 832.; Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 73.
4. ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603; Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 610; Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.
5. ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 165; Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 164; Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 477.
6. ИРЛИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248; Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 575.
7. ИРЛИ РАН. Ф. 123 Оп. 1. Ед. хр. 544; Ф. 583. Ед. хр. 523.
8. Назарьева К.В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 112.
9. РГБ Дом Пашкова. Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5; Ф. 157. Шифр М–С. П. III. Ед. хр. 49; Ф. 358. Картон 257. Ед. хр. 2; Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6.

References

Istochniki

1. IRLI RAN. F. 359. Ed. xr. 371; F. 564. Ed. xr. 55; F. 72. Ed. xr. 223.
2. IRLI RAN. F. 115. Op. 5. Ed. xr. 54; F. 550. Ed. xr. 76; F. 686. Op. 2. Ed. xr. 150.
3. IRLI RAN. F. 149. Op. 2. Ed. xr. 143; F. 612. Ed. xr. 265; F. 185, 186. Op. 1. Ed. xr. 832; F. 123. Op. 2. Ed. xr. 73.

4. IRLI RAN. F. 123. Op. 2. Ed. xr. 603; F. 123. Op. 1. Ed. xr. 610; F. 273. Op. 1. Ed. xr. 407.
5. IRLI RAN. F. 123. Op. 2. Ed. xr. 165; F. 123. Op. 2. Ed. xr. 164; F. 181. Op. 1. Ed. xr. 477.
6. IRLI RAN. F. 183. Op. 1. Ed. xr. 248; F. 123. Op. 1. Ed. xr. 575.
7. IRLI RAN. F. 123 Op. 1. Ed. xr. 544; F. 583. Ed. xr. 523.
8. *Nazar'eva K.V. Pervy'e shagi. Iz vospominanij pisatel'niczy' (1872–1892) // Vestnik vseмирnoj istorii. 1900. № 9. S. 112.*
9. RGB Dom Pashkova. F. 93. R. II. Karton 7. Ed. xr. 5; F. 157. Shifr M–S. P. III. Ed. xr. 49; F. 358. Cardboard 257. Ed. xr. 2; F. 331. Karton 53. Ed. xr. 6.

M.A. Averina

K.V. Nazaryeva's Correspondence as Literary Phenomenon: 1880–1900

The article reviews the archived letters of K.V. Nazaryeva's — now almost forgotten, but at the end of the 19th century a popular writer, written to various correspondents including literati as well as critics and publishers of mass literary production. Correspondence reflects the creative interests of the writers in Nazaryeva's circle, and also characterizes the literary environment of the second half of the XIX century.

Keywords: women's literature; literary environment; correspondence; archives.

УДК 821.161.1-3

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.16

В.С. Симкина

Концепция культуры потребления в прозе В. Пелевина: функция знака

В статье рассматривается потребительский модус поведения, представленный в текстах В. Пелевина как накопление и демонстративное расточительство ирреферентных образов — знаков, а не вещей, среди которых наиболее востребованы знаки счастья, престижа и культуры. Генезис популярных медиаобразов товаров, согласно Пелевину, обуславливается новой функцией рекламы в постсоветском обществе, мистифицирующей сознание потребителя и становящейся мощным инструментом управления массовым сознанием, эквивалентным советской пропаганде.

Ключевые слова: потребление; симуляция; знаки; счастье; престиж; культура.

Потребительский модус поведения и опосредованный знаками купли-продажи сегмент человеческой жизни становятся предметом пристального внимания российского прозаика В. Пелевина на исходе второго тысячелетия. В текстах обозначенного периода автор репрезентирует паттерны потребительских практик, центрированных на приобретении символически нагруженных образов — знаков, а не вещей. Согласно мысли Пелевина, в современной системе потребления как особой социальной практике совершается символический обмен таких концептов, как «счастье», «молодость», «статус», «престиж», «власть», «современное искусство», что свидетельствует о многослойности потребительской мотивации и о знаковом характере культуры потребления.

Потребительской агломерацией в романе «Generation “П”» (1999) оказывается постсоветское государство, активно перенимающее эталоны потребления у преуспевшего в этом регистре социальной активности Запада: «Как бы там ни было, эти дети, лежа летом на морском берегу, подолгу глядели в безоблачный синий горизонт, пили теплую пепси-колу, разлитую в стеклянные бутылки в городе Новороссийске, и мечтали о том, что когда-нибудь далекий запрещенный мир с той стороны моря войдет в их жизнь. Прошло десять лет, и этот мир стал входить...» [1: с. 9]. Таким образом, несмотря на фиксирование новых для российской действительности социальных процессов и изменения социального климата, писатель подчеркивает пародийную природу свершившихся в стране перемен, их имитационную и симуляционную сущность (неслучайно главным действующим лицом рекламного ролика, знаменующего наступление этапа преобразований,

становится обезьяна на джипе, распивающая пепси-колу, которая, в свою очередь, позиционируется как знак свободы).

Главный герой романа Вавилен Татарский не просто погружен в безудержное потребление — он сам трудится на ниве производства желаний: сначала создает привлекательные медиаобразы и символически нагруженные рекламные слоганы, продвигая импортные товары на российском рынке, а затем наделяется полномочиями «архитектора будущего», криейтора, адаптирующего имиджевую стратегию хорошо зарекомендовавших себя и пользующихся высоким спросом на Западе брендов к отечественным потребительским притязаниям. Производитель медиареальности Татарский (отсюда название романа «Generation “П”») может интерпретироваться не как поколение «П», а как генерирование, производство пустоты, прежде всего информационной), таким образом, занимается мифотворческой практикой, конечная цель которой — символизация жизненной сферы и распространение мифомедийных стереотипов, что соответствует утверждению Р. Барта: «Поскольку миф — это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом» [5: с. 169]. Так персонаж, на которого возложена миссия приумножения информационных фантазмов и оформления актуального социального кода, виртуализирует сознание потребителя, размывая и вытесняя реальное его знаками, или гиперреальными объектами.

В романе «Generation “П”» Пелевин указывает на знаковую специфику культуры потребления и «ментальность чуда» (Ж. Бодрийяр) в обществе консюмеризма. «Люди хотят заработать, чтобы получить свободу или хотя бы передышку в своем непрерывном страдании» [1: с. 152]. И в этой смыслообразующей точке повествования герой исповедуется читателю, срывая «покров знаков» [6: с. 11] с глянцевого муляжа: «А мы, копирайтеры, так поворачиваем реальность перед глазами target people, что свободу начинают символизировать то уют, то прокладка с крылышками, то лимонад. За это нам и платят. Мы впариваем им это с экрана, а они потом впаривают это друг другу» [1: с. 152]. Благодаря откровению героя перед читателем обнажается символически избыточная гиперреальность. Действительность вытеснена и заменена ее знаками, скомпонованными логикой товара: «Логика товара распространяется, управляя сегодня не только процессами труда и производства материальных продуктов, она управляет всей культурой, сексуальностью, человеческими отношениями вплоть до индивидуальных фантазмов и импульсов. Все охвачено этой логикой не только в том смысле, что все функции, потребности объективируются и манипулируются под знаком прибыли, но и в том более глубоком смысле, что все делается спектаклем, то есть представляется, производится, организуется в образы, в знаки, в потребляемые модели» [6: с. 163]. Именно поэтому проходящая восьмеричный путь спасения от страданий и освобождения от сансары Лиса А из романа В. Пелевина «Священная книга оборотня» (2004), оказывающаяся бодхисатвой (существом, принявшим решение стать буддой во благо

живых существ), делится с читателем сокровенным знанием: «Знаешь, в чем тайный ужас здешней жизни? Когда ты покупаешь себе кофточку, или машину, или что-то еще, у тебя в уме присутствует навеянный рекламой образ того места, куда ты пойдешь в этой кофточке или поедешь на этой машине. Но такого места нет нигде, кроме как в рекламном клипе, и эту черную дыру в реальности оплакивают все серьезные философы Запада. Сквозь радость шоппинга просвечивает невыносимое понимание того, что весь наш мир — огромный лыжный магазин, стоящий посреди Сахары: покупать нужно не только лыжи, но и имитатор снега» [4: с. 179]. Откровение героини проливает свет на гламур как идеологию современности, оборачивающуюся «бутафорским глянцем и тотальным консюмеризмом» [10: с. 35].

В постсоветском «обществе спектакля» (понятие Ги Дебора), репрезентированном в романе Пелевина, самыми востребованными и конвертируемыми оказываются знаки счастья. Разрабатывающий дискурс рекламы Татарский осознает имманентность предложения счастья в каждом рекламном слогане или ролике: «Целью рекламы и предложения как такового в более общем виде является необходимость внушать в первую очередь не тот или иной товар, а нечто более фундаментальное, определенный стиль жизни, стройное мироздание, удобное для человека и способное доставить ему счастье и удовольствие» [9: с. 179]. Беззаветная вера в чудо потребления, как показывает Пелевин, побуждает индивида добывать и накапливать денежные знаки в надежде инвестировать их в знаки и приметы счастья: новый автомобиль, квартиру или трендовую модель гардероба. По словам Ж. Бодрийяра, «богатство, “изобилие” является в действительности только накоплением знаков счастья» [6: с. 9].

Другими конститутивными знаками потребления, согласно Пелевину, являются знаки престижа, индуцирующие модели демонстративного расточительства в качестве предпочтения отдельных слоев общества. Именно совокупность знаков престижа и высокой стоимости вещи с известным логотипом позволяют потребителю поддерживать ощущение собственной важности и значимости в других людях: «Играющий в поло всадник от Ralph Lauren и аллигатор от Lacoste сбежали с гольфовых полей и вышли на улицы; при этом сами логотипы перекочевали на внешнюю поверхность рубашек. Социальная их функция была такая же, какая была бы у ценников, если бы их носили на одежде: каждый знал, какую цену ты готов платить за то, чтобы быть стильным» [7: с. 23]. Таким образом, бренды как знаки престижного потребления формируют имидж покупателя, который, будучи расхожей дискурсивной практикой, считывается, декодируется другими членами общества. Причем сотканые из различных знаков в соответствии с императивами потребления имиджи непосредственно определяют «прагматику коммуникации» (термин Ч.У. Морриса), трансформируя межличностные отношения в рыночные: «Мы добиваемся лишь того, что желают другие, что ценно в их глазах, что намагничено чужим интересом, завистью и ревностью» [8: с. 19]. В этой связи

героиня романа «Бэтман Аполло» (2013) Софи замечает: «Для кинозрителя нет разницы между “быть” и “выглядеть”. Ты становишься генератором визуальных образов, которые в идеале должны вызывать чужую зависть. Ты все время занят перформансом, который должен убедить других и тебя самого, что ты успешен и счастлив. Ты всю жизнь работаешь источающим боль манекеном, сравнивающим себя с отражением других восковых персон» [3: с. 315].

Коррелируют с приведенными умозаключениями и философские интенции В. Пелевина о позиционировании личности посредством брендов и ее фальшивом эго (identity), скроенном по модным лекалам, предложенным глянцевыми журналами. Концепция позиционирования предельно проста: люди приобретают статусные вещи для демонстрации своего социального положения. Бренды, таким образом, выступают знаками определенного образа жизни, обуславливающими социальное признание личности и ее опосредованную символами самолегитимацию: «Identity — это фальшивое эго, и этим все сказано» [1: с. 129].

Следовательно, основной интенцией имиджевых стратегий консьюмера, несмотря на все многообразие образов и поведенческих паттернов, оказывается демонстрация доступности субъекту больших материальных благ. В этой связи сколотивший свое состояние с помощью чистых жестов — знаков — герой романа «Generation “П”» Вавилен Татарский от ежедневного соприкосновения с «непропиаренной» действительностью испытывает когнитивный диссонанс: «Вот, взять хотя бы “мерседес”, — вяло подумал он. — Машина, конечно, классная, ничего не скажешь. Но почему-то наша жизнь так устроена, что проехать на нем можно только из одного говна в другое...» [1: с. 228].

Таким образом, знаки счастья и престижа в постсоветской действительности, изображенной Пелевиным, мистифицируют сознание потребителя, а реклама становится мощным инструментом управления массовым сознанием, эквивалентным советской пропаганде.

Наконец, в пространство рецепции консьюмера попадают знаки культуры, современное бытование которой обеспечивается коммерческими началами. Так, героиня романа «iPhuck 10» (2017) — искусствовед Маруха Чо подразделяет современное искусство на категории «just for fun», форму амплификации которого можно атрибутировать как мемокод («Я вижу искусство как некое поле событий, на одном полюсе которого — веселые заговоры безбашенной молодежи с целью развести серьезный мир на хаха, охохо или немного денег» [2: с. 31]), и бизнес-проекты, воздействующие на сознание потребителя («...бизнес-проекты профессиональных промывателей мозгов, пытающихся эмитировать новые инвестиционные инструменты» [2: с. 31]). Каждый из типов искусства санкционируется исключительно капиталом. Однако Пелевин выводит промежуточную фигуру — посредника между символическим объектом культуры и его потребителем, призванного дать художнику формальную санкцию — критика, арт-эстеблишмент. Таким образом, не только политика,

мода, реклама представлены писателем как континуум знаков и следствие «грандиозного надувательства», но и современное искусство, приходящее к аудитории через институции, оказывается «заговором».

Представленную в тексте романа культурную парадигму Маруха Чо предлагает обозначать как «новую неискренность». Ее арт-объектом может считаться одно название произведения, копируемый файл или последовательность данных. Таким образом, в романе «iPhuck 10» показано размывание субстанциональности искусства до чистого жеста, знака.

Кроме того, Пелевин вновь эксплицирует симулятивность вербализованной действительности. Однако если в текстах начала 1990-х гг. писатель говорит о фиктивности и репрессивности коммунистического метанарратива, на рубеже XX–XXI вв. вскрывает механизм функционирования и распространения информационного кода в сгенерированном СМИ медиапространстве, то в последнем романе Пелевин обращается к художественному дискурсу современной литературы, которая наращивает ложные смыслы и подменяет реальное знаками реального. Произведения «гипсового века», которые ценятся в первую очередь за их стоимость, синтезируют в себе актуальные художественные веяния нашей эпохи: с одной стороны, это пародия на образчики постмодернизма («последняя попытка мировой реакции вдохнуть жизнь в старые формы и оживить их», «создать <...> франкенштейна из трупного материала культуры» [2: с. 40]), с другой — нарочитое пародирование современных текстов реалистической направленности (основанных «на квазирелигиозных ценностях реднеков и сексуальных комплексах всемирной ваты» [2: с. 40]). Очевидна симуляционная природа этих гибридных образований, скомпилированных из знаков порядка и мудрости (архетип отца, оказывающийся центральной метафорой «гипса»), знаков революции («это была последняя волна искусства, ссылающаяся на грядущую революцию как на свое оправдание и магнит» [2: с. 43]), знаков свободы и справедливости («Гипсовый век — это последнее время в истории человечества, когда художнику казалось... Нет, когда художник еще мог убедительно сделать вид, что ему кажется, будто его творчество питается конфликтом между свободой и рабством, правдой и неправдой, добром и злом» [2: с. 43]). Более того, в «iPhuck 10» изображен масштабный процесс подмены, подделывания произведений «гипсового века», являющихся по своей сути чистыми симулякрами, самореферентными знаками. Соответственно, выданные за шедевры «гипса» арт-объекты (например, рекламный постер банка «Голдман Сакс»; видеоотчет об инсталляции «Св. Юра» — 13-метровый портрет Николая Чудотворца, выложенный из костей динозавра и обозримый только с вертолета; анимация, показанная другой анимацией, под названием «Ширин Нишат») оказываются, в свою очередь, копиями копий, симулякрами второго порядка.

Стимулирование властными структурами потребления знаков культуры объясняется Пелевиным тем, что «великие повествования», или метанарративы

(теория Ж.-Ф. Лиотара), и возведенные на их основе объекты искусства переключают фокус внимания потребителя с несовершенной, серой, преисполненной страдания действительности на гениальные творения, редуцируя подлинно революционные порывы человека вплоть до полного угасания: «Подумайте, что видит на секунду отвернувшийся от электронной галлюцинации человек? Он видит свою загаженную клетку. Видит часы, сообщающие, что его время подходит к концу. И еще — блюдец, в котором опять ничего нет... Но электронная галлюцинация каждый день сообщает человеку, что на самом деле мир гораздо шире — в нем есть гениальные художники, символические свинки, чеченские авторитеты, востребованные Мировым Океаном киски, огромные непреодолимые пространства, непобедимая китайская натурфилософия и так далее. Проблема в том, что все это существует главным образом в виде нашей веры» [2: с. 181–182].

Итак, в текстах В. Пелевина развенчиваются основные рыночные рычаги, редуцирующие смысл человеческого существования к неумемному потреблению и выступающие инструментом управления сознанием и его подавления. Посредством «дискурса откровения», инкрустированного в языковую ткань романов, писатель обнажает символически избыточную гиперреальность, многослойное означивание которой осуществляют такие «социальные машины», как массмедиа.

Библиографический список

Источники

1. Пелевин В.О. Generation «П». М.: Эксмо, 2011. 352 с.
2. Пелевин В.О. iPhuck 10. М.: Изд-во «Э», 2017. 416 с.
3. Пелевин В.О. Бэтман Аполло: роман. М.: Эксмо, 2013. 512 с.
4. Пелевин В.О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2015. 416 с.

Литература

5. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 3-е изд. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.
7. Кляйн Н. No Logo. Люди против брендов / пер. с англ.: А. Дорман. М.: Добрая книга, 2003. 624 с.
8. Корнев В.В. Философия повседневных вещей. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 250 с.
9. Манакова И.Ю. Человек в постиндустриальном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2008. 226 с.
10. Смирнова А.И., Симкина В.С. Философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3 (23). С. 35–42.

References

Istochniki

1. *Pelevin V.O.* Generation «P». M.: E'ksmo, 2011. 352 s.
2. *Pelevin V.O.* iPhuck 10. M.: Izd-vo «E'», 2017. 416 s.
3. *Pelevin V.O.* Be'tman Apollo: roman. M.: E'ksmo, 2013. 512 s.
4. *Pelevin V.O.* Svyashennaya kniga oborotnya. M.: E'ksmo, 2015. 416 s.

Literatura

5. *Bart R.* Mifologii / per. s fr., vstup. st. i komment. S. Zenkina. 3-e izd. M.: Akademicheskij proekt, 2014. 351 s.
6. *Bodriyar Zh.* Obshhestvo potrebleniya. Ego mify' i struktury' / per. s fr., poslesl. i primech. E.A. Samarskoj. M.: Kul'turnaya revolyuciya, Respublika, 2006. 269 s.
7. *Klyajn N.* No Logo. Lyudi protiv brendov / per. s angl.: A. Dorman. M.: Dobraya kniga, 2003. 624 s.
8. *Kornev V.V.* Filosofiya povsednevny'x veshhej. M.: Yunajted Press, 2011. 250 s.
9. *Manakova I.Yu.* Chelovek v postindustrial'nom obshhestve: dis. ... kand. filos. nauk. Voronezh, 2008. 226 s.
10. *Smirnova A.I., Simkina V.S.* Filosofskie intencii v romane V. Pelevina «Svyashennaya kniga oborotnya» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 3 (23). S. 35–42.

V.S. Simkina

Concept of Consumerism in V. Pelevin's Prose: Function of Sign

The article focuses on consumer modus of behavior in V. Pelevin's texts regarded as accumulation and demonstrative wasting of non-referring images — signs instead of things, among which the most popular are signs of happiness, signs of prestige and signs of culture. According to Pelevin the genesis of the popular mass media images of products is stipulated by the new function of advertising in post-soviet society. It misleads the consumers and makes a powerful tool to control the mass consciousness, equivalent to soviet advocacy.

Keywords: consumption; simulation; signs of happiness; signs of prestige; signs of culture.

УДК 821.161.1.092

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.17

О.В. Железова

Возрастные инициации в повести Л.Н. Толстого «Детство»

В статье рассматриваются инициации как предмет междисциплинарного исследования и последовательный закономерный процесс развития и становления личности. Формирование высоких моральных качеств и сложность прохождения возрастных кризисов в детском возрасте, их реализация во времени и пространстве детально изображаются Л.Н. Толстым в повести «Детство».

Ключевые слова: повесть; детство; возрастные инициации; психологизм; мотив.

Возрастные инициации — междисциплинарное понятие, широко применяемое в исследованиях мифологов, религиоведов, этнологов и антропологов. К данной теме в своей научной деятельности обращались Э. Дюркгейм, К.Г. Юнг, Ж. Дюран, Р. Генон, М. Элиаде и Л.С. Выготский и др.

По мнению ученых, возрастные посвящения у древних славян являлись определенным институтом социализации, который обеспечивал экологичный переход человека в новые социальные условия, свойственные конкретному возрастному периоду.

Первая часть трилогии Л.Н. Толстого «Детство» неоднократно становилась предметом изучения целого ряда исследователей: П.И. Бирюкова, Н.И. Бурнашевой, П.П. Громова, Н.Н. Гусева, А.Б. Есина, Н.Е. Осипова, В.И. Порудоминского, О.В. Сливичкой, И.В. Страхова, Б.М. Эйхенбаума и др.

Повесть «Детство» претерпела четыре редакции, причем каждый раз изменялся ее сюжет, смысл и панорама происходящего. Но с самого начала писатель видел в произведении только часть большого жизненного цикла, переложеного на бумагу. Изначально авторский замысел охватывал детство, отрочество, юность и молодость [7: с. 189], но впоследствии определилось и реализовалось три периода, связанных с возрастными инициациями. Неизменной осталась особая любовь Толстого к деталям, которые помогают из частного сложить большое и емкое общее. Это бесфабульное произведение соединяется не событиями, а очередностью сцен, подробно развернутых во времени [3: с. 15]. Параллельно с ходом времени герой перемещается по дому, из одной комнаты в другую, все события свершаются в пределах замкнутого пространства, как и настоящая чувственная жизнь протекает во внутреннем мире мальчика.

Психологически это обоснованный прием, ребенок видит и постигает мир во всех мелочах и деталях, формах и красках и уделяет внимание всему тому,

что взрослому кажется неважным или незначимым, вследствие чего может не учитываться вообще. Жизнь зрелого человека состоит из больших мазков, рисунок детства раскрывается в деталях. Из этого свойства детской психики складывается особенность возрастного периода, когда наряду с радостью и доверием к миру в сознании ребенка живут страхи и тревога.

В первой части трилогии Толстой показывает детство как явление, как персонаж. Автор помещает данный период между двумя смертями мамы — выдуманной и действительной — и далее прячет в шкатулку дорогих воспоминаний. Все последующие произведения писателя уже не будут носить такого трогательно-ностальгического и сентиментального характера.

Подобная полярность ощущений — выдуманное/действительное — свойственна практически всем героям повести, особенно Николеньке Иртеньеву. Амбивалентность чувств окружающих людей на протяжении всего повествования дополнительно высвечивает нетронутый жизненным опытом внутренний мир ребенка, тем самым усиливая контраст и показывая амплитуду эмоций мальчика. И именно амбивалентность вызывает ощущение тревоги как сигнал организму, когда что-то идет не так.

Прием детализации контрастов эмоций в литературе порождает новый стиль особого психологизма и глубину раскрытия образов героев, присущую авторскому почерку писателя. Это одна из серьезных причин обращения к психологии характеров через призму аналитических теорий разных школ. Об этом же интересе к подробностям говорит Б.М. Эйхенбаум: «Перед нами — мир, рассматриваемый в микроскоп. Подробно описываются позы и жесты — традиция, идущая от Стерна, но здесь прием этот мотивирован детским восприятием Николеньки...» [6: с. 72]. Но иногда в своих дневниках писатель высказывает опасение, что с таким чрезмерным анализом он становится похож на людей со стремлением к особенной чувствительности.

Толстой остался без матери, когда ему исполнилось два года. Описания, связанные с образом матери в этой части трилогии, основываются на воспоминаниях других людей и личных ощущениях автора. «Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь...» [2: т. 1, с. 8], — читаем в главе о маме. Другие герои практически полностью списаны с реальных людей из окружения Л.Н. Толстого.

Событийный ряд повести укладывается в два дня, насыщенных фактами и эмоциями, возникает впечатление концентрации времени. Это еще одна особенность авторского стиля — игра с большими и малыми пространствами в различных вариациях. Особенный почерк писателя позволяет большую форму трилогии, названия частей которой («Детство», «Отрочество», «Юность») уже являются описанием возрастных инициаций, детализировать и в событиях двух дней «Детства» показать полный жизненный цикл человека с теми же возрастными инициациями в периоде [4: с. 57].

Согласно «Словарю аналитической психологии» термин «инициация» означает обряд перехода из одного состояния в другое: иницируемый преодолевает некие испытания и получает право на определенное поведение или действия [10], это всегда расширение личного опыта и подтверждение внешнего признания. Инициация имеет сакральный смысл, а философами-традиционалистами трактуется как второе рождение.

Классификация возрастных кризисов, по Л.С. Выготскому [1], в параллели с традициями славянских инициаций выглядит следующим образом:

- 1) кризис новорожденности (младенческий возраст — от 2 мес. до 1 года) соответствовал обряду имянаречения;
- 2) кризис одного года (раннее детство — от 1 до 3 лет) — обряду пострижин;
- 3) кризис 3 лет (дошкольный возраст — от 3 до 7 лет) — обряду сажания на коня (мальчики) и зарницы-провестницы (девочки);
- 4) кризис 7 лет (школьный возраст — от 8 до 12 лет) — обряду подпоясывания (мальчики) и закосычения (девочки);
- 5) кризис 13 лет (пубертатный период — от 14 до 18 лет) — обряду Ярилы (юноши) и Лельник (девушки);
- 6) кризис 17 лет — обряду Перунова меча (юноши) и Вестунки (девушки).

Каждое возрастное посвящение — это серьезное испытание не только для ребенка, но и для его окружения, своеобразный экзамен на готовность к новому этапу жизни, где наряду с волнением ожидания наступающего события присутствует тревога не справиться с происходящим.

Произведение начинается с точной даты, акцентированной на дне рождения, — пространственное указание на обряд имянаречения — Карл Иванович задевает ангела на полке над кроватью Николеньки. При рождении у ребенка появляется ангел-хранитель и дата его особого почитания.

Обряд пострижин сопровождается множеством предметов, расставленных по всем комнатам, на которых сосредоточивается внимание мальчика. В настоящем ритуале традиционно использовались орудия труда, оружие, книги, деньги, и по проявленному к ним интересу определялся род занятий малыша в будущем. Значение предметов трактовалось следующим образом: орудия труда — ремесленник или хозяйственник, оружие — военная служба, книги — научные знания, исследования или преподавательская деятельность и деньги — финансовая сфера. В тексте описаны чайные принадлежности мамы, книги, часы и очки Карла Ивановича, в кабинете отца лежали бумаги, деньги и велись разговоры о доходах и владениях. Николенька в равной степени уделяет внимание предметам в каждой комнате.

Инициация подпоясывания представлена несколькими эпизодами в моменты сборов, начиная с первого пробуждения, когда Карл Иванович помогает мальчику одеться, и в это утро Николенька тревожится об отношении к нему, принимая заботу наставника за неуважение. Сборы на охоту и поездка к бабушке тоже акцентируют внимание на деталях, имеющих отношение к подпоясыванию.

Начало и окончание произведения капсулируется одним и тем же событием — смертью матери, от воображаемой к реальной как свершившемуся факту. Взросление мальчика начинается с детских обид. В преодолении сложностей он идет к осознанию ценности жизни, где плата за взрослость — горькие слезы. Амбивалентное сопоставление детских и взрослых эмоций в ребенке — контраст в авторском стиле. Тревога вынуждает ребенка вызвать жалость к себе: «Я сказал ему, что плачу оттого, что видел дурной сон, — будто татапа умерла и ее несут хоронить. Все это я выдумал, потому что решительно не помнил, что мне снилось в эту ночь...» [2: т. 1, с. 4]. Чуть позже, осознав сказанное, Николенька плачет от страха возможного: «тревога поселяется в душе Николеньки после того, как он рассказывает свой “сон” Карлу Ивановичу. Его страх потерять самого близкого человека сублимируется в виде воображаемого сна» [4: с. 58]. Настоящая потеря рождает горькие слезы: «Вспоминая теперь свои впечатления, я нахожу, что только одна эта минута самозабвения была настоящим горем» [2: т. 1, с. 85].

Со смертью одного из родителей детство заканчивается независимо от возраста человека. Это еще один вид инициации — приобщение к старшинству своего рода, когда происходит одномоментное взросление и изменение жизненных задач.

Обряд Ярилы символизирует переход мальчика в состояние юноши, когда он проверяет свою силу. Ему предстоит уйти в лес, чтобы проявить мужские качества и победить зверя. В главе о подготовке к охоте лошадь сравнивается с бешеным зверем. Упоминается эпизод, свидетельствующий о том, что обряд посадки на коня уже совершен: «Я был в сильном нетерпении: взлез на свою лошадку, смотрел ей между ушей и делал по двору разные эволюции <...> — Будь покоен: мне не в первый раз, — отвечал я гордо» [2: т. 1, с. 21–22].

В главе «Охота» описывается прохождение героем обряда Ярилы как возрастного посвящения. При этом мальчик не справляется с лесными испытаниями и переживает отчаяние, тревогу, стыд за возможное порицание — неудавшийся опыт в качестве охотника. «Мне было бы легче, ежели бы он меня, как зайца, повесил на седло» [2: т. 1, с. 25], — думает он, пребывая в горестном состоянии от случившегося.

В продолжение настоящей охоты Николенька идет на охоту воображаемую, где большой Володя является помехой и своеобразным испытанием в процессе инициации. Игра в Швейцарского Робинзона символизирует схватку с чудовищем, после которой герой приобретает новые личностные качества. В.Я. Пропп в работе «Морфология волшебной сказки» подробно рассматривает мотив змееборства в различных вариациях, среди которых представлен материал о змеепоглотителе. Пропп обращается к историческим корням обрядов-инициаций, когда единосущее со съедаемым наделяло его качествами тотема и «посвящаемый как бы переваривался и извергался новым человеком» [9: с. 307].

Мотив змееборства также может быть рассмотрен через модель триединого мозга, которую предложил в середине 1950-х гг. американский нейробиолог

П.Д. Маклин [8] (в 1970-е гг. он был директором лаборатории эволюции мозга и поведения при Национальном институте психического здоровья в Мэриленде США). Согласно этой модели человеческий мозг делится на три эволюционных раздела, где древнейший — рептильный мозг (R-комплекс) — имеет одноименное название с древнейшей формой жизни (змеи, пауки, драконы) и повторяет эту животную модель поведения. В зоне контроля этой части мозга находятся инстинкты, отвечающие за выживание, когда «тот, кого я вижу, — моя еда», или «я еда того, кто смотрит на меня». В результате распознавания ситуации осуществлялся выбор стратегии поведения. У человека в эту область вытесняются все нереализованные аффекты и инстинкты, которые могут быть актуализированы в результате появления благоприятных факторов. Борьба со змеем может служить актуализацией и проживанием вытесненных аффектов, образованных в результате тревоги.

Вторая и третья части мозга, лимбическая система (мозг древних млекопитающих) и неокортекс (мозг современных млекопитающих), эволюционно более поздние, соответственно, выполняют функцию эмоциональной и ментальной обработки информации. Этой моделью могут быть объяснены действия героя, который спасает прекрасную девушку от змея или дракона, где девушка и есть светлая часть личности, постепенно поглощаемая нереализованными аффектами (змеем или драконом) вплоть до разрушения (в сказках — съедения). В контексте взаимоотношений с людьми неокортекс и лимбическая система отвечают за установление здоровых или безопасных личностных границ, где тревога может служить сигналом о возможном или начавшемся их нарушении. Состязания и игры с определением победителя имеют в основе возрастные посвящения, связанные со взрослением мужчины.

Юродивый Гриша может быть рассмотрен как рептильный мозг, вынесенный вовне, когда дети должны были справиться со священным ужасом, т. е. победить себя в страхе. Гриша постоянно молится, он одновременно сочетает в себе признаки жреца, волхва, Бога и олицетворяет страх перед Богом-Отцом. Чувства, пробужденные Гришей и тревожно пережитые маленьким мальчиком, будут сопровождать его всю последующую взрослую жизнь и не забудутся никогда.

Московская жизнь Николеньки описывается тревожными эпизодами — состязания с другими мальчиками и бальный турнир за даму, жестокая психология толпы, наступление новой любви и отказ от любви дружеской, воспитание в страхе и переживания об оценке общества. Каждое событие вызывает в ребенке новые чувства, эмоции, приводит к новым решениям, которые впоследствии сложатся в отдельные ностальгические воспоминания.

Расставание с матерью сопряжено с принудительной сепарацией, проходившей в два этапа: слезы расставания с родительским домом как тревога о неизвестном будущем и слезы по смерти мамы как одиночество во внезапно начавшейся «эпохе отрочества» [2: т. 1, с. 93].

Евангельская тема благословения и исповеди проходит через всю повесть: честные признания себе как самоисповедь; предсмертное письмо и благословение близких от умирающей мамы; соблюдение законов Евангелия и обстоятельность подготовки к уходу из жизни (без сожаления и страха) еще одной святой произведения — Натальи Савишны. Тема исповеди как подведение итогов жизни перед уходом встречается у Толстого в рассказе «Три смерти».

«Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви были единственными побуждениями в жизни?» [2: т. 1, с. 45].

Через инициации и кризисы на протяжении жизни проходит взросление и становление личности, через понимание и осмысление природы своих заблуждений — к себе новому, другому, нравственному [5: с. 111].

Повышение научного интереса к автобиографической литературе обуславливает увеличение числа обращений к изучению автобиографии как к источнику осмысления жизненного цикла человека, что позволяет рассматривать различные аспекты жизненного пути через многочисленные ракурсы и модели поведения, определяемые процессом воспитания, получением инициаций, прохождением возрастных кризисов и преодолением важных этапов на пути духовного роста.

Библиографический список

Источники

1. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. / гл. ред. А.В. Запорожец. М.: Педагогика, 1982–1984.
2. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное изд. М.: Худ. лит., 1928–1959.

Литература

3. *Громов П.П.* О стиле Льва Толстого. Становление диалектики души. Л.: Худ. лит., 1971. 390 с.
4. *Миначева Р.Р.* Перцептуальный хронотоп в повести Л.Н. Толстого «Детство» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Vedecko vydavatelske centrum Socio-sfera-CZ sro, 2012. №. 45. С. 56–58.
5. *Полтавец Е.Ю.* Аксиология воспоминания в историсофском контексте (на примере «Войны и мира» Л.Н. Толстого) // Эмоциональные концепты в структуре художественного произведения: материалы Междунар. заоч. науч. конф. (Астрахань, 20–25 апр. 2013 г.). Астрахань: АГУ, 2013. С. 105–112.
6. *Эйхенбаум Б.М.* Молодой Толстой. Пб.; Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. 156 с.
7. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

Интернет-ресурсы

8. Портал «Знание» [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.knowledgr.com/00753948/ПолДМаклин> (дата обращения: 25.11.2018).
9. *Пронн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки [Электронный ресурс] // Открытый текст: электронное периодическое издание. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1941> (дата обращения: 25.11.2018).
10. Словарь аналитической психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edudic.ru/aps/82> (дата обращения: 25.11.2018).

References*Istochniki*

1. *У'готский Л.С.* *Sobr. soch.:* v 6 t. / gl. red. A.V. Zaporozhecz. M.: Pedagogika, 1982–1984.
2. *Tolstoj L.N.* *Poln. sobr. soch.:* v 90 t.: Yubilejnoe izd. M.: Xud. lit., 1928–1959.

Literatura

3. *Gromov P.P.* O stile L'va Tolstogo. Stanovlenie dialektiki dushi. L.: Xud. lit., 1971. 390 s.
4. *Minacheva R.R.* Perceptual'ny'j xronotop v povesti L.N. Tolstogo «Detstvo» // Sb. konf. NIC Sociosfera. Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ sro, 2012. №. 45. S. 56–58.
5. *Poltavet'z E.Yu.* Aksiologiya vospominaniya v istoriosofskom kontekste (na primere «Vojny' i mira» L.N. Tolstogo) // E'mocional'ny'e koncepty' v strukture proizvedeniya: materialy' Mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (Astraxan', 20–25 apr. 2013 g.). Astraxan', AGU, 2013. S. 105–112.
6. *E'jxenbaum B.M.* Molodoj Tolstoj. Pb.; Berlin: Izd-vo Z.I. Grzhebina, 1922. 156 s.
7. *E'jxenbaum B.M.* Lev Tolstoj. Issledovaniya. Stat'i. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. 952 s.

Internet-resursy'

8. Portal «Znaniye» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://ru.knowledgr.com/00753948/PolDMaklin> (data obrashheniya: 25.09.2018).
9. *Propp V.Ya.* Istoricheskie korni volshebnoj skazki [E'lektronny'j resurs] // Otkry'ty'j tekst: e'lektronnoe periodicheskoe izdanie. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1941> (data obrashheniya: 25.09.2018).
10. Slovar' analiticheskoy psixologii [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.edudic.ru/aps/82> (data obrashheniya: 25.09.2018).

O.V. Zhelezova**Age Initiation in L.N. Tolstoy's «Childhood»**

The article considers initiations as a subject of interdisciplinary research and a consistent natural process of personality formation and development. Generating high moral qualities and the complexity of confronting age crises in childhood, their timing is portrayed in detail by L.N. Tolstoy in the story titled «Childhood».

Keywords: story; childhood; age initiation; psychologism; motive.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.18

**Рецензия на сборник статей
«Материалы VI Международной научной
конференции, посвященной 205-летию
со дня рождения И.А. Гончарова»
(сост. И.В. Смирнова, А.В. Лобкарева
и др. Ульяновск: Корпорация технологий
продвижения, 2017. 400 с.)**

Сборник продолжает серию научных изданий, позволяющих судить как об основных направлениях современного гончароведения, так и о той специфической роли, которую играет писатель в современной русской культуре.

Думается, исходная постановка вопроса должна быть именно такой: в последние десятилетия все более очевидно, что масштаб личности и писательского дарования Гончарова превосходит не только его время; не об историческом, но именно возобновляющемся, едва ли не вечном его значении важно говорить, если мы действительно стремимся понять целый ряд значительных проблем русской культуры. Особая магия юбилея, почти мистически восполняющего энергию, казалось бы, навсегда ушедшего в прошлое «культурного героя» или события, — уникальная возможность сделать шаг к решению символизированной им загадки — в данном случае нашей личностной и национальной судьбы.

Ответить на вопрос, какое место занимает Гончаров в русской культуре, значит, ответить на вопрос: кто мы?.. И тот ряд тенденций, которые обращают на себя внимание в статьях сборника, представляется в совокупности интересной и оригинальной концепцией данной проблемы.

Прежде всего ее коллективное решение привлекает широтой рассматриваемых в сборнике географических координат и разнообразием материалов: благодаря

статьям исследователей из Японии и Китая, а также работам о «Фрегате “Паллада”» (статьи С.Б. Петрова «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова и «Корабль “Ретвизан” Д.В. Григоровича, Г.А. Лошаковой «Путешествие как открытие национальных стереотипов: «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова») в книге воссоздается своеобразная ментальная карта мира, увиденная как писателем-путешественником, так и его рассказчиком. Точки на этой карте — не только страны Востока, но и Германия, и российские города: Петербург, Москва, и провинция, и поместье, — в целом движение в самом широком смысле становится лейтмотивом представленных статей, что позволяет рассматривать не только тему путешествия, но само гончаровское мышление как динамичное, устремленное к некоей духовно-нравственной и эстетической цели, уловить которую, возможно, и есть важнейшая задача современного гончароведения.

Способствует расширению взгляда на Гончарова-писателя присутствующая в статьях сборника тенденция выйти за пределы привычного круга трех романов: в ряде статей (А.Ю. Балакина, К.Ю. Зубкова, С.В. Денисенко, Д.А. Романова, А.В. Кубасова, В.И. Мельника, В.И. Холкина и др.) раскрываются подробности творчества Гончарова — автора очерков и повестей, фельетониста, публициста, живо реагирующего на запросы современности.

Воссоздание контекста творческого общения писателя — еще одна важная составляющая представленных в сборнике работ (статьи Е.В. Рипинской, И.В. Смирновой, Е.В. Наседкиной и др.), которые позволяют по-новому увидеть личность писателя, в массовом сознании не раз отождествлявшегося с литературным мифом своего главного героя.

Именно специфика литературной мифологии в самых различных ее аспектах, по-видимому, стала лейтмотивом сборника. Не только в ряду интертекстуальных параллелей, но и в самостоятельном значении миф раскрывается как основа трактовки образа, специфика отношения писателя к искусству, база архитектурного строения текста (статьи П.Н. Долженкова «Миф об Эдипе в романе И.А. Гончарова “Обыкновенная история”», И.А. Беляевой «План новой жизни Обломова и новая жизнь Ольги и Штольца», А.Я. Кравчук «Мифологема ада в романе И.А. Гончарова “Обломов”», М.Б. Лоскутниковой «Архитектонический строй романа “Обрыв”: сквозные и локальные мотивы», Т.В. Ушаковой «“Родовые сценарии” в жизни героев И.А. Гончарова...», Е.И. Шевчуговой «Образ матери в романной трилогии И.А. Гончарова», В.И. Резцова «Образ Дон Жуана в творчестве И.А. Гончарова» и др.).

Интересным представляется выделение образов-мифологем в статьях, характеризующих художественный мир Гончарова. Наряду с образами матери, визитера-гостя, иронии судьбы, храма, новой жизни, русалки, это и такие, казалось бы, привычные для трактовки гончаровского романа понятия, как халат, уголок — родовое гнездо и др. (см. статьи И.Е. Прохоровой, Л.А. Сапченко,

Ю.Ю. Гребенщикова, И.В. Пыркова и др.). Другой, неожиданный Гончаров — ощущение, ставшее лейтмотивом прошедшей конференции, в полной мере пронизывает статьи сборника, который будет интересен каждому, кто стремится вести живой, открытый диалог с русской литературной классикой и готов к самым непредсказуемым поворотам этого диалога.

Т.А. Алпатова

**Память об удивительном человеке
и настоящем ученом: информационно-
аналитический обзор материалов
Международной научной конференции
«Методология современных семантических
исследований в развитии и перспективе»
(Москва, 17–18 октября 2018 г.)**

Пятые юбилейные чтения памяти О.Н. Селиверстовой, организованные Институтом языкознания Российской академии наук и Институтом иностранных языков Московского городского педагогического университета, проходили на базе Института языкознания РАН. Научная школа развивает идеи, составившие круг научных интересов Ольги Николаевны еще в 60-е гг. XX в. с ее приходом в Институт языкознания: поиск адекватных методик семантического анализа, выработка основополагающих принципов семантического описания.

Встречи ученых, представлявших доклады на пленарных и секционных заседаниях, были нацелены на обсуждение проблем, принадлежащих направлениям лингвистической мысли, занимавшим О.Н. Селиверстову в разные периоды жизни и научной деятельности: лексической семантики, семантики синтаксиса, путей развития методологии семантических и в целом лингвистических исследований, развития корпусной лингвистики. По результатам конференции издана коллективная монография, содержащая материалы докладов, посвященных вопросам междисциплинарного подхода в семантических исследованиях, методологии и метаязыка описания семантики, лексикографическому портретированию слов, семантике предикатов, направлению лингвистической парадигмы исследования от семантики к прагматике [1].

На двух пленарных заседаниях конференции прозвучали актуальные выступления российских ученых. Первая часть заседания объединила доклады проф. М.А. Кронгауза, проф. Е.Г. Борисовой, проф. А.А. Зализняк, проф. Д.Б. Никуличевой, проф. Д.О. Добровольского. Так, проф. Е.Г. Борисова обратилась к описанию условий употребления местоимения *один* в русском языке в рамках деятельностного подхода. Парадигма исследования позволила включить в средства описания семантических характеристик слова *один* прагматические параметры, тем самым рассмотреть местоимение как используемое говорящим средство, позволяющее «облегчить слушающему понимание (в части референции или ориентации)» [1: с. 150].

Доклад проф. М.А. Кронгауза «Формулы вежливости: от семантики к прагматике» представляет собой новое осмысление и продолжение трудов О.Н. Селиверстовой на поприще современной лингвистики: вопросы о связи семантики и прагматики, волновавшие Ольгу Николаевну, получают решение уже на новом уровне, в приложении к коммуникативным технологиям, которые актуальны сегодня.

К активно развивающемуся научному направлению когнитивного антропоцентризма обратилась проф. Д.Б. Никуличева, поставившая перед собой задачу выявить, описать перцептивные механизмы формирования языковой категоризации на примере полисемии темпоральных употреблений датского пространственного предлога *om* [1: с. 270]. Именно антропоцентрический подход позволяет понять закономерность словоупотреблений и сопоставить их со спецификой темпоральной системы датского глагола. Актуальность данной проблемы подтверждается принципами анализа пространственных предлогов, сформулированными О.Н. Селиверстовой: на основании описания исходного значения каждого предлога проследить эволюцию его семантических вариантов [2].

Во второй части пленарного заседания проблема корреляции семантики и прагматики в лингвистических исследованиях получила отражение в докладах проф. О.К. Ирисхановой, проф. З.А. Харитонович, проф. Т.Д. Шабановой, проф. Г.Е. Крейдлина. В своем докладе «Когнитивные основания членения целого сквозь призму языковых данных» проф. З.А. Харитончик обращается к холо-меронимическим структурам — «лексическим объединениям слов, в значениях которых присутствует указание на часть и ее целое» [1: с. 176]. Изучение данных структур помогает выявить семантические области, в которых прослеживается членение на части, а также определить параметры его осуществления.

В свою очередь, оппозиция *часть — целое* прослеживается в докладе проф. Г.Е. Крейдлина, посвященном русским глаголам, объединенным общим семантическим компонентом «удаление <из тела> телесного объекта» [1: с. 55]. Результаты исследования демонстрируют деление глаголов удаления на две группы: «глаголы, у которых способ удаления встроен в семантическую структуру, и глаголы, для которых способ удаления не специфицирован» [1: с. 73].

Секционные доклады в рамках V Селиверстовских чтений представляются не менее интересными. М.Ю. Евтеева обратилась к описанию семантической структуры английских глаголов-платеосемантов *do*, *make*, выявлению у обозначенных глаголов прототипических значений как исходных и формирующих специфический набор семантических признаков. При этом «прототипические значения объединяются инвариативным широким значением» [1: с. 127].

Лингвокогнитивный подход в исследовании проф. А.Г. Фомина позволил проанализировать случаи трансфера языковых форм. В первом случае форма языкового знака переносится в новую информационную систему при возможном приобретении иной функции. В другом случае языковые функции помещаются в новую систему при возможной трансформации внешней формы. Трансферные механизмы рассматриваются в процессе гибридизации, креолизации, а также интерференции языков. При этом предлагается «классификация взаимодействия языков-доноров и языков-реципиентов в процессе этого трансфера» [1: с. 241].

Проблемы метаязыка семантического описания, которым О.Н. Селиверстова уделяла большое внимание, также освещаются в докладе проф. О.А. Сулеймановой и доц. М.А. Фоминой, которые подчеркивают исключительную значимость метаязыка как основополагающей величины для лингвистического исследования, «представляющего собой “качественную” величину» в отличие от “количественных полаганий”, свойственных точным наукам» [1: с. 164]. На основании анализа и последующего уточнения в трактовке содержания терминов: (не)определенный, абстрактный, абстрагируемость, (не)контролируемость, директив — обозначены перспективы развития метаязыка семантико-когнитивного описания.

В ключе общей теории аксиосферы по-новому характеризуется семиотрия в докладе Л.Г. Викуловой, Е.Ф. Серебренниковой, С.А. Герасимовой. Если метаязык воспринимается как система понятий, «которые должны быть определены настолько строго, чтобы можно было вывести условия употребления, вытекающие из гипотезы» [2: с. 40], то, в свою очередь, семиотрия представляет собой «способ аксиологического лингвистического анализа, который можно использовать для определения ценностных координат языковой картины мира, процессов означивания оценочной деятельности человека в языке и речи» [1: с. 198]. Лингвокогнитивный механизм каузации, лежащий в основе диахронических семиотических трансформаций лексемы *philosophe*, демонстрирует значимость и актуальность данного концепта в социогуманитарном плане для французской культуры.

Методология описания семантической структуры предикатов раскрывается в докладе Д.Д. Холодовой, которая, соединяя гипотетико-дедуктивный метод с лингвистическим экспериментом, доказывает релевантность последних для получения «точного описания предикатов бесперспективного протекания» [1: с. 125]. Обоснование и уточнение принципов применения гипотетико-

дедуктивного метода видятся определяющими при разработке методологии лингвистических исследований в целом и методов семантического анализа в частности.

Работа конференции отражает продуктивность академического диалога ученых, представляющих российские и зарубежные научные школы, которые продолжают активно развивать идеи Ольги Николаевны Селиверстовой в призме современной лингвистики.

*В.Д. Шевченко,
Л.А. Борботько*

Библиографический список

Литература

1. Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе: коллективная монография / под общ. ред. О.А. Сулеймановой. М.: Флинта, 2018. 304 с.
2. *Селиверстова О.Н., Сулейманова О.А.* Эксперимент в семантике // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 19–42.

References

Literatura

1. Metodologiya sovremenny'x semanticheskix issledovanij v razvitii i perspektive: kollektivnaya monografiya / pod obshh. red. O.A. Sulejmanovoj. M.: Flinta, 2018. 304 s.
2. *Seliverstova O.N., Sulejmanova O.A.* E'ksperiment v semantike // Kontensivny'e aspekty' yazy'ka: konstantnost' i variativnost': sb. st. k yubileyu O.A. Sulejmanovoj / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. S. 19–42.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2019, № 1 (33)**

Аверина Мария Александровна — аспирант кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: a.aum@mail.ru

Агеева Наталия Сергеевна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: ageevans@mgpu.ru

Алпатова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета.

E-mail: alpatova2005@rambler.ru

Борботько Людмила Александровна — кандидат филологических наук, заместитель директора ИИЯ МГПУ по международным связям; доцент кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: ludmilaborbotko@gmail.com

Ганиев Журат Валиевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин ИГН МГПУ.

E-mail: ganiew.jurat@yandex.ru

Гартунг Стелла Рудольфовна — аспирант кафедры английской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

E-mail: gartung_sr@mail.ru

Головко Вячеслав Михайлович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: vmgolovko@mail.ru

Голубков Андрей Васильевич — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

E-mail: andreygolubkov@mail.ru

Евдокимова Людмила Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы факультета филологии и журналистики Астраханского государственного университета.

E-mail: lv_evdokimova@mail.ru

Железова Ольга Владимировна — аспирант кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: oplatina23@gmail.com

Кузина Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и лексики английского языка МПГУ.

E-mail: enleks@mpgu.edu

Коршунова Евгения Александровна — кандидат филологических наук, докторант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

Монисова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: monisova2008@yandex.ru

Погодаева Светлана Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французской филологии Кубанского государственного университета.

E-mail: sapogodaeva@mail.ru

Румак Наталья Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры японского языка ИИЯ МГПУ, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: koyamaneko@yandex.ru

Сахаров Юрий Александрович — аспирант кафедры романистики и германистики лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: amursky@riseup.net

Симкина Виктория Сергеевна — аспирант кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: viktorija_simkina@mail.ru

Татаурова Дарья Михайловна — аспирант кафедры английской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

E-mail: darya.tataurova@mail.ru

Цзин Жуге — докторант факультета русского языка и литературы Института иностранных языков Нанькайского университета Китая.

E-mail: jingxiao777777@yandex.com

Чикало Наталья Александровна — старший преподаватель кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: megabelka2003@mail.ru

Шевченко Вячеслав Дмитриевич — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва.

E-mail: slash99@mail.ru

A U T H O R S
of «Vestnik of Moscow City University»,
Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»,
2019, № 1 (33)

Averina Mariya Alexandrovna — postgraduate of the department of Russian Literature, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: a.aum@mail.ru

Ageyeva Nataliya Sergeevna — postgraduate of the department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ageevans@mgpu.ru

Alpatova Tatiana Alexandrovna — Doctor of Philology, associate professor, professor of the department of Russian Classical Literature, Moscow State Regional University.

E-mail: alpatova2005@rambler.ru

Borbot'ko Liudmila Alexandrovna — PhD (Philology), International Relations Vice-director of Institute of Foreign Languages, docent of the department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ludmilaborbotko@gmail.com

Ganiev Jurat Valievich — Doctor of Philology, full professor, professor of the department of Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: ganiew.jurat@yandex.ru

Gartung Stella Rudol'fovna — postgraduate of the department of English Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University.

E-mail: gartung_sr@mail.ru

Golovko Vyacheslav Mikhailovich — Doctor of Philology, full professor, professor of the department of Russian and Foreign Literature, North Caucasus Federal University.

E-mail: vmgolovko@mail.ru

Golubkov Andrey Vasil'evich — Doctor of Philology, senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: andreylgolubkov@mail.ru

Evdokimova Lyudmila Viktorovna — PhD (Philology), associate professor, docent of the department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University.

E-mail: lv_evdokimova@mail.ru

Zhelezova Olga Vladimirovna — postgraduate of the department of Russian Literature, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: oplatina23@gmail.com

Kuzina Marina Anatol'evna — PhD (Philology), associate professor, docent of the department of Phonetics and Lexicology of the English Language, Moscow Pedagogical State University.

E-mail: enleks@mpgu.edu

Korshunova Evgeniya Alexandrovna — PhD (Philology), doctoral student of the department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process of the Philological faculty, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

Monisova Irina Vladimirovna — PhD (Philology), docent of the department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process of the Philological faculty, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: monisova2008@yandex.ru

Pogodaeva Svetlana Alexandrovna — PhD (Philology), associate professor, docent of the department of French Philology, Kuban State University.

E-mail: sapogodaeva@mail.ru

Rumak Natalia Grigor'evna — PhD (Philology), docent of the department of Japanese Language, Institute of Foreign Languages, MCU, docent of the department of Japanese Philology, Institute of Asia and Africa, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: koyamaneko@yandex.ru

Sakharov Yury Aleksandrovich — postgraduate of the department of Romance Philology and Germanic Studies, Institute of Linguistics and Cross-cultural Communication, Moscow State Region University.

E-mail: amursky@riseup.net

Simkina Victoria Sergeevna — postgraduate of the department of Russian Literature, Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: viktoria_simkina@mail.ru

Tataurova Daria Mikhajlovna — postgraduate of the department of English Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University.

E-mail: darya.tataurova@mail.ru

Jing Ruge — PhD student of the faculty of Russian Language and Literature, Institute of Foreign Languages, Nankai University of China.

E-mail: jingxiao777777@yandex.com

Chikalo Natalya Alexandrovna — senior lecturer of the department of English Philology, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: megabelka2003@mail.ru

Shevchenko Viacheslav Dmitrievich — Doctor of Philology, associate professor, head of the department of English Philology, Samara National Research University.

E-mail: slash99@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещается аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указывается автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка». Также приводится транслитерация библиографического списка в соответствии с ГОСТ 7.79–2000.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов), отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей), заверенный печатью и подписью.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на официальном сайте журнала: vestnik.mgpu.ru.

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Ларисе Георгиевне Викуловой* (Москва, Малый Казенный пер., 5б, каб. 444).

Телефон редакции: (495) 607-76-37.

E-mail: VikulovaLG@mgpu.ru

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
2019, № 1 (33)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л.А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
Телефон: 8-499-181-50-36.
Сайт: vestnik.mgpu.ru

Подписано в печать: 29.03.2019 г.

Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.

Объем: 9,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.